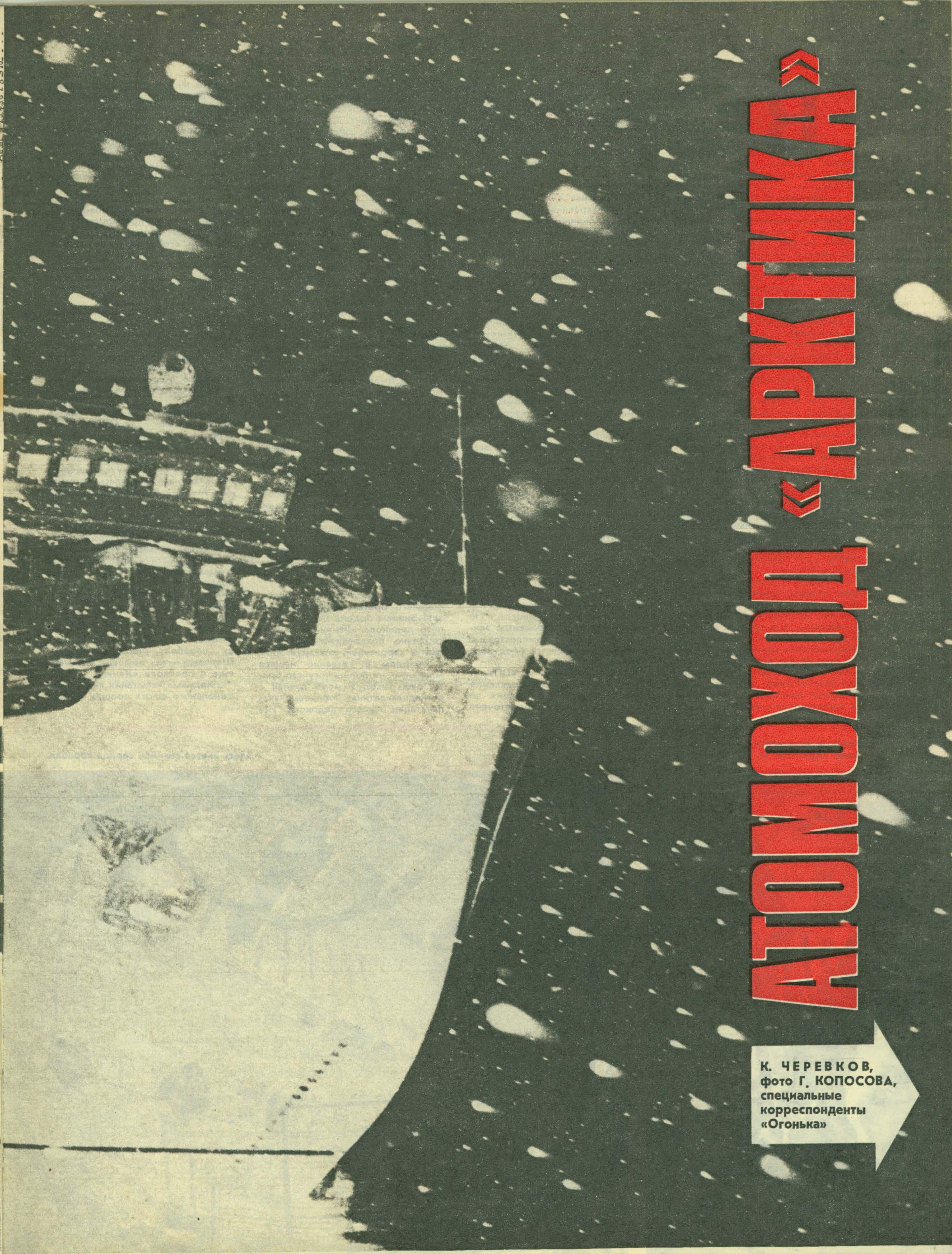

ЛИДЕР СОВЕТСКОГО ЛЕДОКОЛЬНОГО ФЛОТА АТОМОХОД «АРКТИКА» ЗАКОНЧИЛ ХОДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 6 (2483)
1 ФЕВРАЛЯ 1975
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» «Огонек», 1975.
АРКТИКА

АТОМОХОД «АРКТИКА»

К. ЧЕРЕВКОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

В предрассветном тумане корабль, простроченный светом иллюминаторов, огромен. По широкому трапу, перекинутому с «Арктики» на берег, торопятся строители. Тут и конструкторы, сотрудники научно-исследовательских институтов и представители многих заводов страны, оснащавших корабль оборудованием, машинами, приборами, аппаратурой...

Буксиры берут «Арктику» и осторожно, неторопливо ведут ее по пути, прокладываемому лоцманом. Исчезает светящийся огнями Ленинград. Ледокол идет навстречу Кронштадту и, миновав его, включает свои двигатели. Капитаны трудовых буксиров, приветливо помахав новорожденному советскому атомоходу, возвращаются в Ленинград.

А у нас впереди многодневные испытания всех качеств корабля, взаимодействия всей техники.

Невольно вспоминаются те далекие времена, когда появился первый в мире полярный ледокол, знаменитый макаровский «Ермак». Он был предъявлен к сдаче в феврале 1899 года.

«Дело ледоколов зародилось у нас в России,— говорил великий флотоводец и ученый, русский адмирал Степан Осипович Макаров.— Ни одна нация не заинтересована в ледоколах столько, сколько Россия».

Приоритет в строительстве ледоколов наша страна прочно удерживает и нынче. Атомный ледокол «Ленин», построенный советскими корабелами, был первым в мире. И вот еще один — «Арктика», не имеющий себе равных.

В первые дни испытаний и сдатчикам и приемщикам было не до нас, журналистов. Но где-то на четвертый день нам все же удается договориться о встрече с Героем Социалистического Труда Александром Калиновичем Следзюком. Он хорошо знает эксплуатационные качества атомохода «Ленин» — несколько лет работал там главным инженером-механиком, и его большой опыт был использован при проектировании и отработке энергетической установки ледокола «Арктика».

— «Арктика» вне конкуренции, даже если сравнивать ее с атомоходом «Ленин»,— говорит Александр Калинович.— Не только по мощности, но и по ледопроходимости, скорости проводки караванов во льдах, продолжительности арктической навигации у «Арктики» нет соперников. Эти качества ледокола позволяют вывезти больше сырья, продукции, доставить вовремя оборудование и продовольствие предприятиям и населению северных районов страны. «Арктика» будет способствовать освоению Крайнего Севера с его огромными богатствами: залежами цветных металлов, золота, нефти, газа. Проблемы с горючим у атомохода никакой.

Несколько дней мы путешествуем по кораблю: из отсека в отсек, с палубы на палубу, но еще не увидели и половины того, что хотелось. На атомоходе 1 285 производственных, служебных и бытовых помещений. Многие из них поражают своей техникой, сложной и умной автоматикой.

Набираем трехзначную цифру: «РБ» слушает. «РБ» — это служба радиационной безопасности. Возглавляет ее Александр Иванович Соколов. Мой коллега Геннадий Копосов хорошо знает его еще по первой навигации атомохода «Ленин», который был для многих полярников атомной школой. Не случайно почти 30 процентов экипажа «Арктики» укомплектованы за счет специалистов ледокола «Ленин».

Просим соединить с «ЦПУ» — Центральным пультом управления. Сюда стекается информация со всех служб, здесь сосредоточено автоматическое управление целым комплексом сложных систем и агрегатов атомохода. Автоматика не только видит, фиксирует, что происходит на корабле, но и командует. Если необходимо, она сама может изменить режим, отключить тот или иной узел, передать его функции дублерам. В любую минуту на «ЦПУ» операторы осведомлены о «дыхании» корабля, знают, как работают агрегаты.

Олег Георгиевич Пашнин — главный инженер корабля приглашает нас спуститься в один из отсеков, который называют сердцем ледокола.

Перед спуском в отсек мы облачаемся в белоснежные комбинезоны, колпаки, носки. Каждому из нас вручают дозиметр, по возвращении у нас его отберут для проверки, пропустят нас через душевую, переоденут.

Яркий свет... Если бы Копосову не надо было сделать снимки, то можно было и не спускаться в отсек, а увидеть всю панораму и все, что здесь происходит, на экране телевизора рядом с пультом «РБ» — в «ЦПУ».

— «Арктика» полностью отвечает международным нормам радиационной защиты,— говорит начальник службы «РБ» Александр Иванович Соколов.— На внешнюю среду ледокол не оказывает никакого влияния.

Ходовые испытания идут точно по плану, круглосуточно. В радиорубку поступают телеграммы, в том числе от тех, кто в эти часы ведет караваны судов сквозь толщи льда.

Вот одна из них от «родного старшего брата»: «Дорогие друзья! Экипаж ордена Ленина атомного ледокола «Ленин» горячо и сердечно поздравляет вас, коллектив строителей, конструкторов, с выходом в плавание нашего младшего, но более могучего брата. Ваш выход в море совпал с пятнадцатилетним юбилеем эксплуатации нашего ледокола. Искренне желаем вам, всему экипажу благополучного завершения ходовых испытаний, скорейшего вступления в строй трудолюбивой семьи ледоколов, успешной эксплуатации в полярном бассейне на благо народного хозяйства».

Мы знакомимся с капитаном «Арктики» Юрием Сергеевичем Кучиевым.

— Ледокол «Арктика» — это общесоюзная гордость,— говорит капитан.— Много предприятий, люди разных национальностей сооружали его. Но пальма первенства, конечно, принадлежит Балтийскому заводу и конструкторам ледокола, вложившим в него огромный труд. И слава тем, кто его создал.

Все, с кем нам приходилось разговаривать, отмечали высокое мастерство балтийских корабелов. Главный инженер завода, он же ответственный сдатчик корабля, Виктор Нилович Шершнев очень коротко рассказал об огромном объеме выполненных работ.

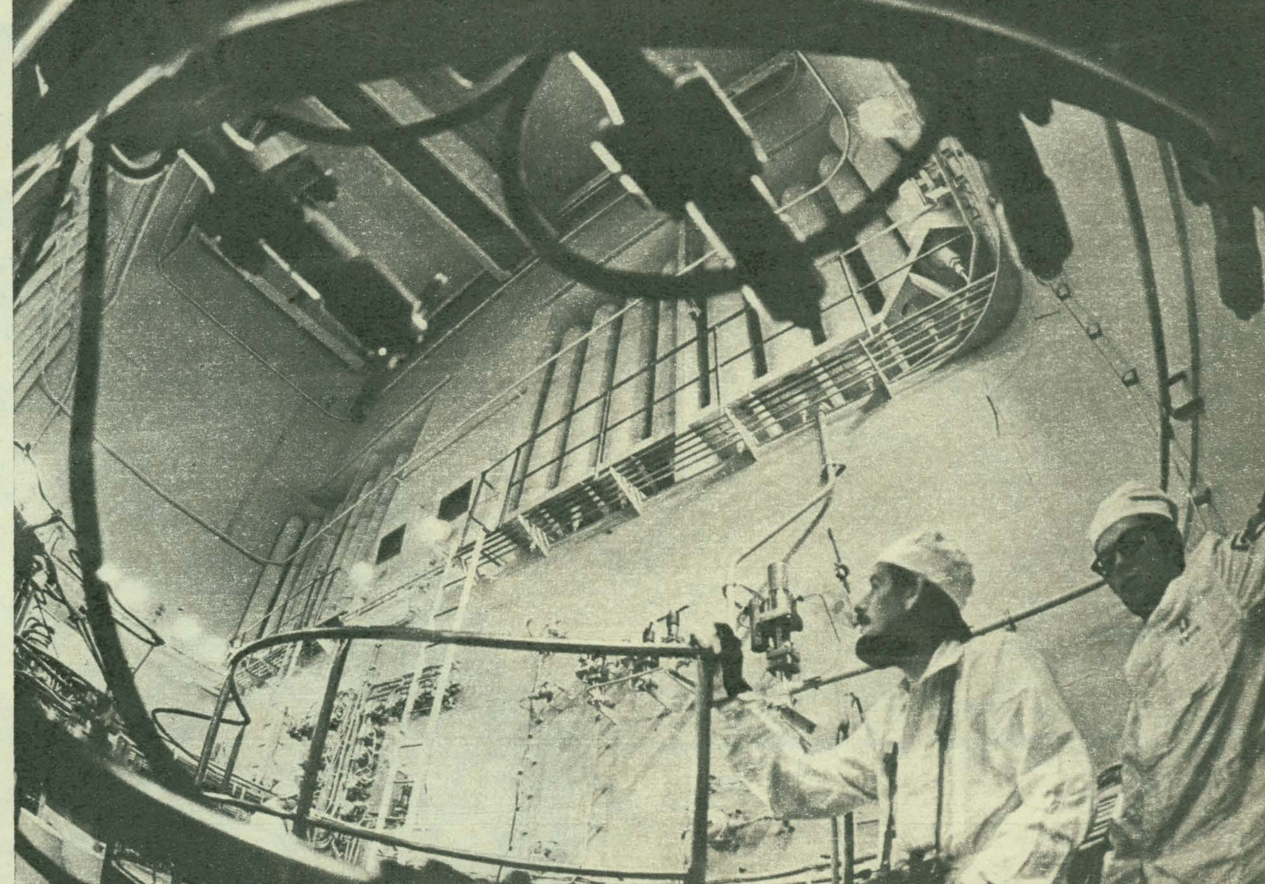
— Несколько лет тому назад ленинградские судостроители построили уникальный корабль — научную лабораторию «Юрий Гагарин», судно очень сложное по своему техническому оснащению. Но «Арктика» оказалась сложнее его. Много внесли нового в обработку и сборку изделий наши ударники коммунистического труда. Так, на сборке корпуса применен крупноблочный метод. Сооружен специальный стенд для испытания автоматики. Вместе с балтийцами работали многие ленинградские заводы. Кировский поставил нам паровые турбины, «Электросила» — установку электродвижения.

Нельзя не упомянуть и о том вкладе, который внесли в постройку корабля ученые,— закончил Шершнев,— их помощь началась еще с ледокола «Ленин».

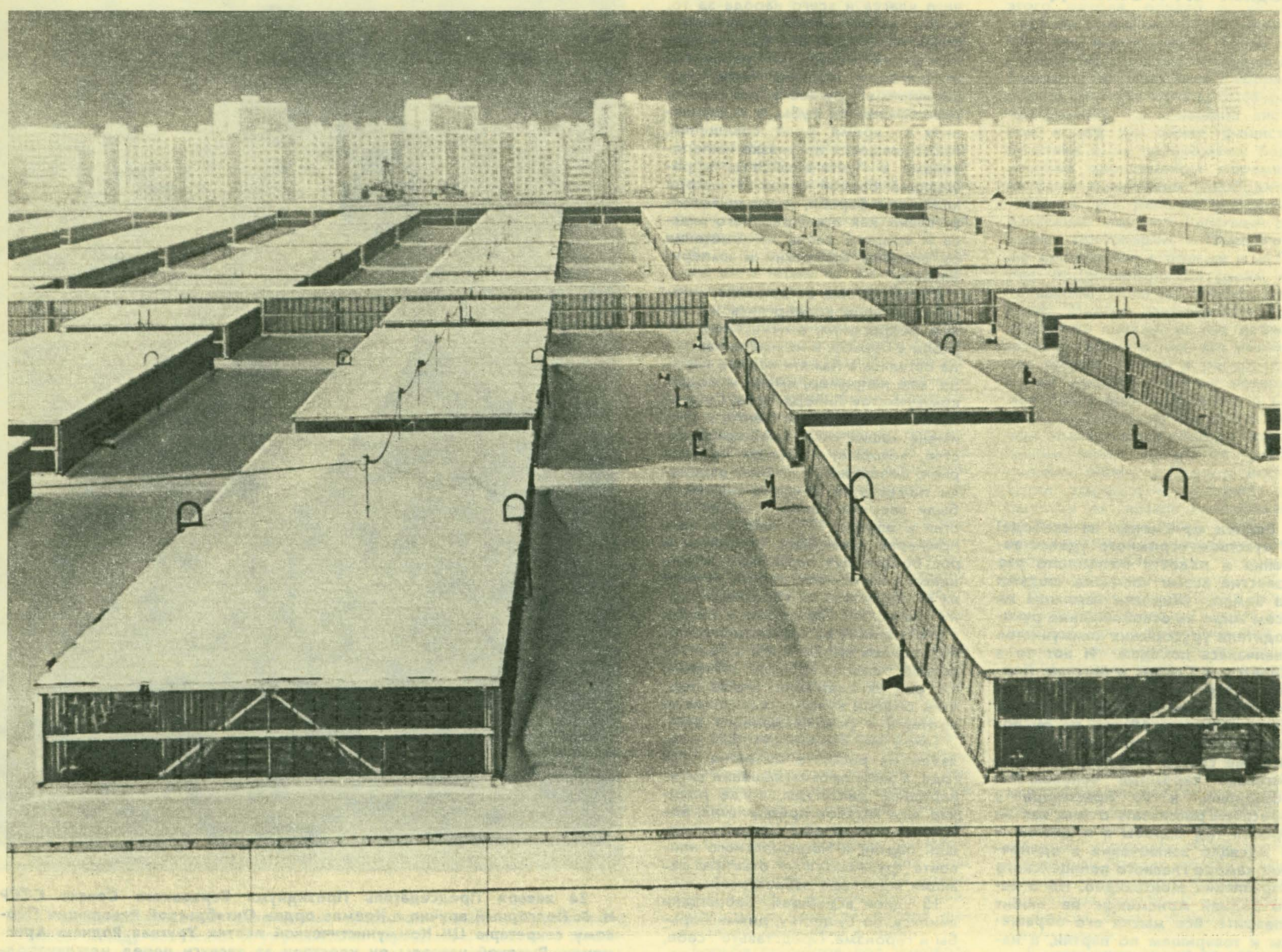
...Ходовые испытания лидера ледокольного флота прошли успешно.

Главный инженер-механик атомохода «Арктика» О. Г. Пашнин.

Здесь бьется атомное сердце корабля.

В ровной степи всего за четыре года вырос новый район Набережных Челнов. **Фото Г. Копосова.**

ШИРОКИЙ ШАГ

Советская печать опубликовала сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1974 году. Наша страна стала еще богаче, еще могущественнее.

НА 14 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ увеличился за истекший год национальный доход.

Причем около трех четвертей дохода использовано на потребление, а остальное — на расширение социалистического производства и другие общегосударственные нужды.

ОКОЛО 490 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ составила в прошлом году промышленная продукция.

8 ПРОЦЕНТОВ ПРИ ПЛАНЕ 6,8 ПРОЦЕНТА — таков прирост промышленного производства: наиболее высокий за пятилетку.

НА СУММУ ОКОЛО 7 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ реализовано продукции сверх задания.

ОКОЛО 350 новых крупных государственных промышленных предприятий введено в действие.

Забота партии о подъеме сельского хозяйства страны, укреплении его материально-технической базы способствует его дальнейшему расцвету.

БОЛЕЕ ЧЕМ НА 94 МИЛЛИАРДА РУБЛЕЙ произведено в истекшем году продукции земледелия и животноводства — это почти на 5 процентов превышает среднегодовое производство в предыдущие годы пятилетки.

Еще более повысился уровень материального благосостояния советского народа.

НА 4,2 ПРОЦЕНТА возросли реальные доходы населения.

НА 4,3 ПРОЦЕНТА увеличилась среднемесячная заработная плата рабочих и служащих.

НА 5 ПРОЦЕНТОВ — оплата труда колхозников.

Сообщение ЦСУ СССР раскрывает грандиозную картину трудовых свершений советского народа, осуществляющего задачи, поставленные перед страной XXIV съездом КПСС.

Родней **АРИСМЕНДИ**

Родней Арисменди на свободе! С чувством огромного удовлетворения и радости воспринято это известие всеми честными людьми на земле. Широкая кампания во всем мире за освобождение руководителя уругвайских коммунистов увенчалась победой. И вот он в Советском Союзе, в Москве. Первому секретарю ЦК Коммунистической партии Уругвая в 1973 году исполнилось 60 лет, но он полон энергии и выглядит гораздо моложе своего возраста. Это удивительно скромный человек. Мы обратились к Р. Арисменди с просьбой рассказать о том, как он провел год борьбы в подполье и 8 месяцев заключения в одиночной камере главного полицейского управления Монтевидео. Но о себе Родней Арисменди не любит говорить. Все мысли его обращены к товарищам по партии, к народу Уругвая.

24 января Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил в Кремле орден Октябрьской Революции Первому секретарю ЦК Коммунистической партии Уругвая Роднею Арисменди. Высокой награды он удостоен за заслуги перед международ-

СТОЙКОСТЬ МОИХ ТО

На пресс-конференции в Москве и во многих других случаях ко мне обращались журналисты с вопросами о том, в каких условиях меня содержали в тюрьме или как я действовал в подполье. Однако вместо того чтобы говорить о себе лично, я считаю необходимым отметить стойкость, боевой дух, верность принципам коммунизма, проявленные уругвайскими коммунистами в трудные дни борьбы против установления в стране реакционной диктатуры.

Конечно, наша партия пришла к этому моменту с большим опытом борьбы. Партия явилась основной руководящей силой борьбы рабочего класса и всего народа за то, чтобы найти новые перспективы развития страны, она была в первых рядах выступлений рабочих и студентов в тяжелых боях, развернутых в Уругвае в поддержку революционной Кубы, в выступлениях во время ряда совещаний, проводившихся по указке империализма в Пунта-дель-Эсте, и решающей боевой силой в острой классовой борьбе, которая велась в стране как ответ рабочего класса и средних слоев на угнетение со стороны олигархии и империализма.

В этот период, естественно, многие товарищи подверглись жестоким репрессиям, а некоторые погибли в борьбе, и их имена навсегда остались в памяти нашего народа, как, например, имена молодых коммунистов Либера Арсе, Сусаны Пинтос и Уго де лос Сантоса. Или имена наших товарищей-коммунистов, которые, несмотря на весь риск, безоружные, стойко охраняли помещение райкома партии и были зверски убиты у самых его стен в апреле 1972 года. На этих примерах закалялась стойкость и рос боевой дух партийных работников и активистов партии. И хотя на глазах у многих товарищей были слезы, эти слезы, как я сказал в выступлении во время гигантской похоронной процессии и организованной нами всеобщей забастовки, они их сдержали, чтобы поднять сжатые кулаки, как символ протеста и революционного духа.

Такой же боевой дух был проявлен на рассвете 27 июня 1973 года, в день провозглашения антинародной диктатуры, когда рабочие шли на свои предприятия, вооруженные четким лозунгом нашей партии и Национального конвента трудящихся — ответить реакции всеобщей забастовкой.

15 дней всеобщей забастовки явились, по существу, днями борьбы и героизма. Представьте себе, что Монтевидео, город с населением в один миллион триста тысяч человек, был полностью парализован, что железные дороги, ведущие в глубь страны, не действовали, что автомобильный транспорт, связывающий столицу с провинцией, также не работал. Можно было бы привести еще много примеров мужества и боеспособности авангарда рабочего класса в те дни. Многие сотни заводов и фабрик были заняты рабочими. Плакаты, знамена и лозунги появились на фасадах этих предприятий. Занятие предприятий рабочими осуществлялось строго организованно, дисциплинированно, с полным пониманием политического значения этого акта. Тысячи членов семей рабочих, трудящихся других предприятий и жители ближайших кварталов окружали фабричные корпуса.

Войска вытесняли трудящихся с предприятий, иногда с применением насилия. Рабочие во время репрессий постоянно обращались к солдатам и офицерам, к полицейским начальникам, призывая их подумать о спасении страны и над теми вопросами, которые сами военные выдвинули в феврале 1973 года, когда они провозгласили прогрессивную программу, поддержанную рабочим классом.

Во время этих попыток братания зачастую были десятки раненых — так отвечали на них представители реакционного крыла армии. Иногда после такого обращения рабочие уходили с предприятия в колоннах, которые солдаты не трогали, а затем опять занимали свой завод или фабрику, и все снова повторялось.

Одновременно действовала самая широкая агитационно-пропагандистская сеть. Несмотря на запреты, миллионы листовок, которые постоянно и повсюду перепечатывались, несли в массы слова Национального конвента трудящихся и коммунистической партии. Это давало возможность поддерживать связи с самыми широкими слоями населения.

В рабочих кварталах и у зданий учебных заведений собирались колонны демонстрантов и шли к центру города. В те дни мужество, героизм и боевой дух стали характерной чертой масс. Можно было бы привести сотни замечательных примеров борьбы; однако особо примечателен пример того, как рабочие нефтеперегонного завода демонстративно погасили постоянно пылавший над предприятием газовый факел. Это случилось после занятия завода рабочими, их сопротивления, дискуссии с солдатами и их вытеснения с предприятия.

Однако они вернулись на захваченный солдатами завод и вновь его заняли, но работу не возобновили. Их вновь вытеснили, но войска попытались зажечь погашенный рабочими факел, хотя работа не возобновилась. В ответ группа рабочих прорвалась на завод и поднялась по трубе к факелу. Некоторым из них, когда началась облава, пришлось прыгать с большой высоты. Они сломали себе ноги, но товарищи их спасли...

После окончания всеобщей за-

ным коммунистическим движением, большой вклад в укрепление дружбы между советским и уругвайским народами и в связи с шестидесятилетием со дня рождения. На снимке: после вручения награды.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

ВАРИЩЕЙ

бастовки рабочие, несмотря на жестокие репрессии, сотни арестованных и тысячи уволенных, вновь организовались под руководством своих профсоюзов, не поддаваясь на провокации и сохраняя свое политическое сознание. Часто они шли в колоннах к военным казармам, чтобы призвать военных, которые вмешались в политическую жизнь страны, прислушаться к своим требованиям и задуматься над жизненно важными для народа проблемами. Разговор кончался по-разному: иногда достигалось взаимопонимание, в других случаях происходили столкновения; однако четко обозначалась позиция рабочего класса — вовлечь в борьбу против диктатуры не только средние слои и широкие массы народа, но и найти пути единства с военными.

Необходимо отметить один важный факт, свидетельствующий о стойкости основной части пролетариата: после запрещения Национального конвента трудящихся, запрещения политической деятельности, преследований за любое пропагандистское выступление диктатура опубликовала декрет, согласно которому создание профсоюза стало возможным только на основе личных заявлений рабочих. Причем каждый из них должен был заполнить и подписать пространную анкету и передать ее хозяину предприятия или в министерство труда, то есть практически полиции. Таким путем пытались сломить волю рабочих. Партия и Национальный конвент трудящихся дали четкую директиву, и десятки тысяч рабочих решительно выступили в поддержку старых классовых профсоюзов. Таким образом была выиграна идеологическая битва, продемонстрирована стойкость рабочих и сорвана попытка создать желтые профсоюзы. Когда было собрано более ста тысяч подписей (всего в стране около 500 тысяч лиц наемного труда и примерно 200 тысяч промышленных и строительных рабочих), правительство отменило профсоюзные выборы и собрания. И один господин, занимающий весьма высокий пост, публично пожаловался в своей речи на то, что наша партия усвоила богатый международный опыт, который позволяет ей приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Благодаря стойкости и мужеству рабочих Национальный конвент трудящихся продолжает существовать и действовать в подполье, сохраняя свою организационную структуру.

Во всем этом процессе решающую роль играл тот факт, что наша партия — это массовая партия, воспитавшая большое число руководящих работников. Вопрос стоял так: или приспособиться к условиям подпольной борьбы, или потерпеть провал, так как деятельность всех партий была запрещена и начались облавы на коммунистов. Государственный переворот состоялся 27 июня, а 28 июня утром полицейские уже ворвались в мой дом, но тогда они меня не нашли...

Переход партии в подполье при сохранении связей с массами — дело сложное, тем более в условиях нашей небольшой страны, где большинство кадровых работников партии известно широким массам. И тем не менее с первого дня установления диктатуры слово партии, особенно печатное слово, всегда доходило до широких масс. Лозунги партии постоянно появлялись и появляются на стенах домов Монтевидео, несмотря на ночное патрулирование. Миллионы листовок, которые отражают линию партии, распространяются на предприятиях, в учебных заведениях, в жилых кварталах. Особенно большое количество листовок появляется в такие дни, как день борьбы против уругвайской диктатуры, 1 Мая, 7 Ноября, день солидарности с борьбой против фашистской диктатуры в Чили.

Борьба студентов под руководством партии привела к внушительной победе антидиктаторских сил на университетских выборах, в частности левых сил.

Первого мая демонстрации и митинги одновременно состоялись в четырех районах Монтевидео. В годовщину установления диктатуры весь город был усыпан листовками. Так же было 26 июля — в день национального восстания на Кубе и весь сентябрь, на который приходится юбилей нашей партии. Все это не дает ни дня отдыха диктатуре.

Большая пропагандистская кампания была проведена за освобождение президента Исполкома Широкого фронта генерала Либера Сереньи и его товарищей, а затем за мое освобождение.

Лозунги на стенах предприятий и жилых домов наши товарищи пишут ночами, это делается во многих местах как в рабочих кварталах, так и в центре города. Репрессивные силы дошли до того, что попытались использовать наших товарищей, содержащихся на баскетбольном стадионе «Силиндро» (где в свое время выиграла первенство мира советская команда), для замазывания лозунгов. Партия дала лозунг: «Что написано коммунистами, они не стирают!» Это была тяжелая проверка закалки коммунистов, ведь их били, пытали, пытались сломить, но они выстояли. Это была битва против попытки унизить коммунистов, подавить их волю.

Реакция была вынуждена отказаться на время от применения этого метода, однако несколько месяцев назад она вновь попыталась его использовать. Тогда заключенные объявили голодную забастовку. Об этом была информирована мировая печать, было распространено 1,5 миллиона листовок, и эта достойная фашистов практика была прекращена, большинство арестованных тюремщики были вынуждены освободить.

За распространение листовок и написание лозунгов военный суд может приговорить к 18-месячному заключению в тюрьме и на более продолжительные сроки, хотя законы этого не предусматривают. Многие заключенные подвергаются пыткам, от них добиваются сведений о том, кто участвовал вместе с ними в распространении пропагандистских материалов, был в организации и т. п. Однако, несмотря на пытки — а пыткам подвергаются сотни,— тюремщикам почти никого не удается сломить. Можно вспомнить многие сотни товарищей, которые под пытками не сказали ни слова. Были случаи гибели коммунистов во время пыток. Так умерла товарищ Нидиа Савальсагарай, студентка педагогического института.

Для пыток используются самые изощренные методы: через тела заключенных пропускают ток, их сутками заставляют стоять распятыми, применяется так называемая «подводная лодка», когда арестованного головой погружают в воду и он захлебывается, иногда в воду вставляют электроды...

Несмотря на жестокие репрессии, постоянно издается нелегальная еженедельная газета партии «Карта Семаналь», около 130 подпольных газет райкомов и предприятий и теоретический журнал «Энсайос». Однако подробно рассказать о всем многообразии форм и методов борьбы, о мужестве и стойкости наших товарищей пока невозможно.

В настоящее время во всем мире ширится движение солидарности за освобождение уругвайских политзаключенных, и в частности одного из руководителей нашей партии Хайме Переса, секретаря Союза коммунистической молодежи Хорхе Массаровича и директора центрального органа партии газеты «Популар» Эдуардо Виера.

В заключение мне хотелось бы со страниц журнала «Огонек» горячо поблагодарить советский народ, ЦК КПСС, лично Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева за братскую солидарность и поддержку, которые наряду с солидарностью народов других социалистических стран, всемирной кампанией пролетарской солидарности, активными протестами международной прогрессивной общественности, требованиями уругвайских трудящихся привели к моему освобождению.

Важнейшая задача движения международной солидарности, по моему мнению, вырвать наших товарищей из тюрьмы, добиться того, чтобы диктатура, не имеющая массовой поддержки, оказалась бы в еще большей изоляции.

Это окажет неоценимую помощь борьбе нашего народа, который под руководством рабочего класса, возглавляемого нашей партией, ищет союза с прогрессивной частью вооруженных сил и добьется ликвидации диктатуры и развития страны по пути мира, демократии и социального прогресса.

Записал В. ТИХМЕНЕВ.

НЕУДАЧНО СКАЗАННОЕ СЛОВО?

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Немногие путевые заметки или корреспонденции из «нефтяных эмиратов» Персидского залива обходятся без описания ландшафта этих мест: бескрайние песчаные пространства, как бы продолженные столь же бескрайними мутно-голубыми водами залива, почти полное отсутствие растительности, города, словно внезапно встающие из пустыни. Все это производит неизгладимое впечатление на человека, впервые попадающего сюда...

Американская газета «Нью-Йорк таймс» в одном из своих последних номеров в статье, посвященной нефтяным проблемам, тоже уделила внимание аравийскому пейзажу. «Население здесь невелико, а лесной массив незначителен»,— отмечала газета. Только этот вопрос интересовал ее совсем в другой связи. Автор статьи журналист Лесли Галба размышлял, какое значение могут иметь географические особенности этих мест в случае американской военной интервенции. Он задается вопросом: «Смогли бы атакующие силы достигнуть необходимой степени неожиданности в этих природных условиях?» Речь идет о высадке десанта на 400-мильной полосе от Кувейта до Катара, где расположено около 50 процентов запасов нефти стран Аравийского полуострова. Журналист приходит к заключению: к сожалению, подготовить неожиданное нападение не удастся...

Другой политический аналитик — профессор Роберт Такер — в журнале «Комментари» делает более «оптимистические» выводы: «Поскольку на Ближнем Востоке нет проблем географического и демографического порядка, как во Вьетнаме, то почему Соединенные Штаты не могли бы успешно использовать силу?»

Примечательно, что руководители американской политики, выступившие с угрозами применить силу по отношению к арабским народам, если они не проявят бо́льшую сговорчивость по нефтяным вопросам, теперь всячески стремятся «сбалансировать» воинственный характер своих заявлений. Теперь они стараются уверить международную общественность, что речь идет лишь о «гипотетических случаях», «самых крайних мерах» и т. п. Однако та аудитория, к которой обращены эти призывы, отнюдь не склонна рассматривать эти угрозы как «абстрактные» и «неактуальные». Материал для таких заключений дают некоторые акции американской политики последнего времени.

Отнюдь не гипотетический характер носит активность Пентагона в районе Персидского залива и северо-западной части Индийского океана. Самым последним фактом такого рода являются действия, направленные на приобретение и расширение военной базы на принадлежащем Оману острове Масира, имеющей важное стратегическое значение. Пентагон получил бы возможность контролировать выходы из Персидского залива. Как сообщил пресс-секретарь Белого дома Р. Нессен, эта акция «соответствует политике расширения военного присутствия США в Индийском океане, предусматривающей значительное увеличение числа американских военных кораблей и самолетов, действующих в этом районе». Судя по всему, это только первый шаг, за которым могут последовать и другие: информированный американский обозреватель Дрю Мидлтон сообщает, что ведутся переговоры о предоставлении США Пакистаном еще одной базы в непосредственной близости от Персидского залива.

В том же направлении действуют и те круги в США, которые добиваются увеличения американской военной помощи Израилю, что способно привести к еще большему обострению положения на Ближнем Востоке. Сейчас Тель-Авив угрожает покончить с «Фатхлендом». В терминологии его правящих кругов это означает такое массированное нападение на лагеря палестинцев на территории Ливана, которое бы привело к их полному уничтожению. Тем временем в Вашингтоне обсуждается вопрос о предоставлении Израилю дополнительной «помощи» на сумму в два с лишним миллиарда долларов. Это в три раза больше того, что он получает сейчас. Из них 1,5 миллиарда пойдут непосредственно на оказание военной помощи в форме кредитов или «прямых подарков».

Как рецидив «дипломатии канонерок» было расценено международной общественностью курсирование американских военных кораблей в районе Индокитайского полуострова, имевшее своей целью «демонстрацию силы».

Все это свидетельствует о том, что военно-промышленный комплекс США не намерен ослаблять своего противодействия курсу на разрядку напряженности. Налицо признаки активизации его попыток возродить атмосферу «холодной войны». В этой связи уверения в том, что угрозы в адрес арабских народов — это лишь «неудачно сказанное слово», что «имелось в виду совсем другое», мало кого могут убедить.

Мировая общественность расценила эти угрозы как продуманный политический демарш, направленный на то, чтобы оказать давление на нефтедобывающие страны. «Этот устрашающий маневр,— писала французская газета «Монд»,— напоминает, если сохранить все пропорции, тактику «балансирования на грани войны», которая была мила сердцу Даллеса во времена холодной войны».

Еще несколько лет тому назад, в преддверии энергетического кризиса, группа американских политических исследователей выдвинула теорию о том, что Персидский залив ввиду того значения, которое он приобретает в нефтяном балансе капиталистических стран, способен стать зоной «нового международного конфликта». В настоящее время можно наблюдать попытки превратить этот район в новый очаг напряженности путем колониальных интриг, противопоставления одних государств Персидского залива другим, скрытых угроз и явных военных демонстраций.

Одной из важных задач политики международной разрядки является предотвращение образования новых международных конфликтов. В «Основах взаимоотношений» между Советским Союзом и Соединенными Штатами особо подчеркивается обязательство обеих сторон «делать все от них зависящее, чтобы не возникало конфликтов или ситуаций, способных усилить международную напряженность». В свете последних событий это положение становится особенно актуальным.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Кто назовет их имена? С этим вопросом «Огонек» обратился к своим читателям в первом номере 1975 года. Там же был опубликован снимок, сделанный 2 мая 1945 года у Бранденбургских ворот в Берлине.

С каждым днем растет число писем под девизом «Отзовитесь», и мы будем их печатать. Напоминаем, что участников

ОТЗОВИТЕСЬ, ОДНОПОЛЧАНЕ!

А. Ф. Бобров в редакции «Огонька».

митинга, запечатленного на этой фотографии, «Огонек» и журнал «Фрайе Вельт» (ГДР) хотели бы пригласить в Москву и Берлин на празднование 30-й годовщины Победы.

Ждем ваших откликов до 1 марта. Просим прислать сохранившиеся снимки военных лет и фотографии сегодняшних дней с рассказом о том, как сложилась ваша судьба.

Дорогая редакция!

Спешу отозваться на ваше обращение.

На танке в центре стоит гвардии старший лейтенант Бобров. Это я. У меня шинель с застежкой на левую сторону — женская. Другой не оказалось, когда выписывался из госпиталя. Так в ней и провоевал до самой победы.

А началась моя военная служба в 1926 году на Дальнем Востоке. С 1928 года — член партии. Отечественную войну начал под Спас-Деменском. За участие в штурме Берлина имею орден Отечественной войны I степени.

Хорошо помню, как наш 1374-й стрелковый полк 416-й стрелковой дивизии вел наступление на столицу гитлеровского рейха. 22 апреля мы вышли на окраину города. Сражались за каждую улицу, каждый дом.

Во время боев в Берлине нашему батальону были приданы три танка Т-34. Один фашисты подбили, а два дошли до Бранденбургских ворот. 1 мая наш батальон оказался на Александерплац. В ночь на 2 мая из штаба полка сообщили: наступление остановить, Берлин капитулирует. В шесть утра второго мая стрельба прекратилась. По Александерплац шли капитулянты с белым флагом. За ними — наши бойцы. Собирали пленных и отправляли на сборный пункт. Так и дошли до Бранденбургских ворот, где сам собой возник митинг. Тогда и сделан этот снимок. Слева от меня на танке сидит наш комбат Черняк. И еще я узнал лейтенанта, парторга батальона. Он на фотографии справа. Фамилию его забыл, помню только, что по национальности он киргиз. Может, и другие мои однополчане найдутся, откликнутся?

А. БОБРОВ

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

О великой актрисе, какой была Любовь Петровна Орлова, даже и в эти скорбные дни прощания с ней нельзя сказать, что она ушла из жизни... Нет, смерть бессильна перед силой творческого подвига, силой тех свершений в искусстве, которые навечно сохранят не только имя этой чародейки театра, звезды русского, советского и мирового кинематографа, но пронесут нетленным самый образ ее навстречу поколениям. Он неподвластен времени. В нем торжествующе и светло остается жить сама эпоха, утверждает себя народ, строитель нового. Любовь Орлова стала живым воплощением этой духовной, неунывающей, чисто русской силы. И выразила ее, как никто другой, звонко и ярко в фильмах Г. В. Александрова, чью боль и утрату мы разделяем сегодня всей душой... На протяжении долгих лет творчества они шли рука об руку, и когда Григорий Васильевич возобновил недавно показ своих замечательных «Веселых ребят», мы снова увидели их рядом — Любовь Орлову и Григория Александрова — на экранах наших телевизоров. Любовь Петровна, казалось, была весела, красива и жизнерадостна, как всегда. И во всех сердцах вспыхнула надежда...

Но это был очередной подвиг актрисы. Проявление того неисчерпаемого мужества и самоотвержения, с какими служила она искусству, отдав ему до конца свое неповторимое дарование.

М. Савин. 1942 г.

Мужественное племя военных журналистов!.. Всюду, где решалась судьба Родины, рядом с пулеметчиками, танкистами, моряками, хирургами, саперами, партизанами были они, военкоры, с блокнотами и «лейками». Михаил Иванович Савин прошел с армией немало фронтовых километров. Его фототека покажет еще не одному поколению советских людей войну, какой она была. И воинов-победителей, их тяжкий ратный труд.

Сентябрь 1942 года. Минометный расчет старшего сержанта Ж. Тулепбергенова меняет позицию.

МЫ ПОМ

Район Сухиничей в мае 1943 года. Расчет старшего сержанта А. Голованова...

Январь 1942 года. Конная гвардия обедает.

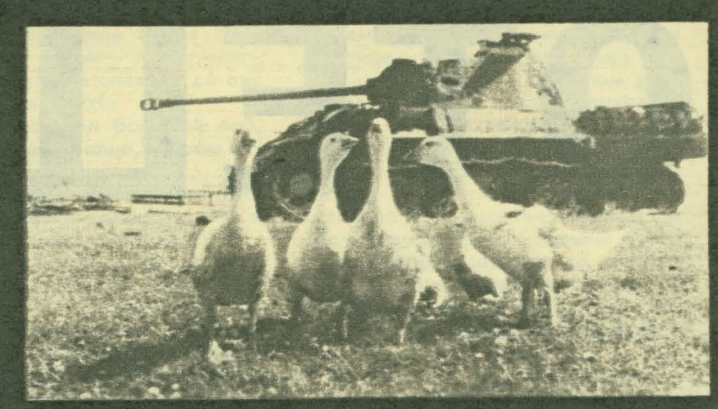

НИМ...

ВОЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ МИХАИЛА САВИНА

Вперед и только вперед! Тачанка сержанта И. Сапрыкина.

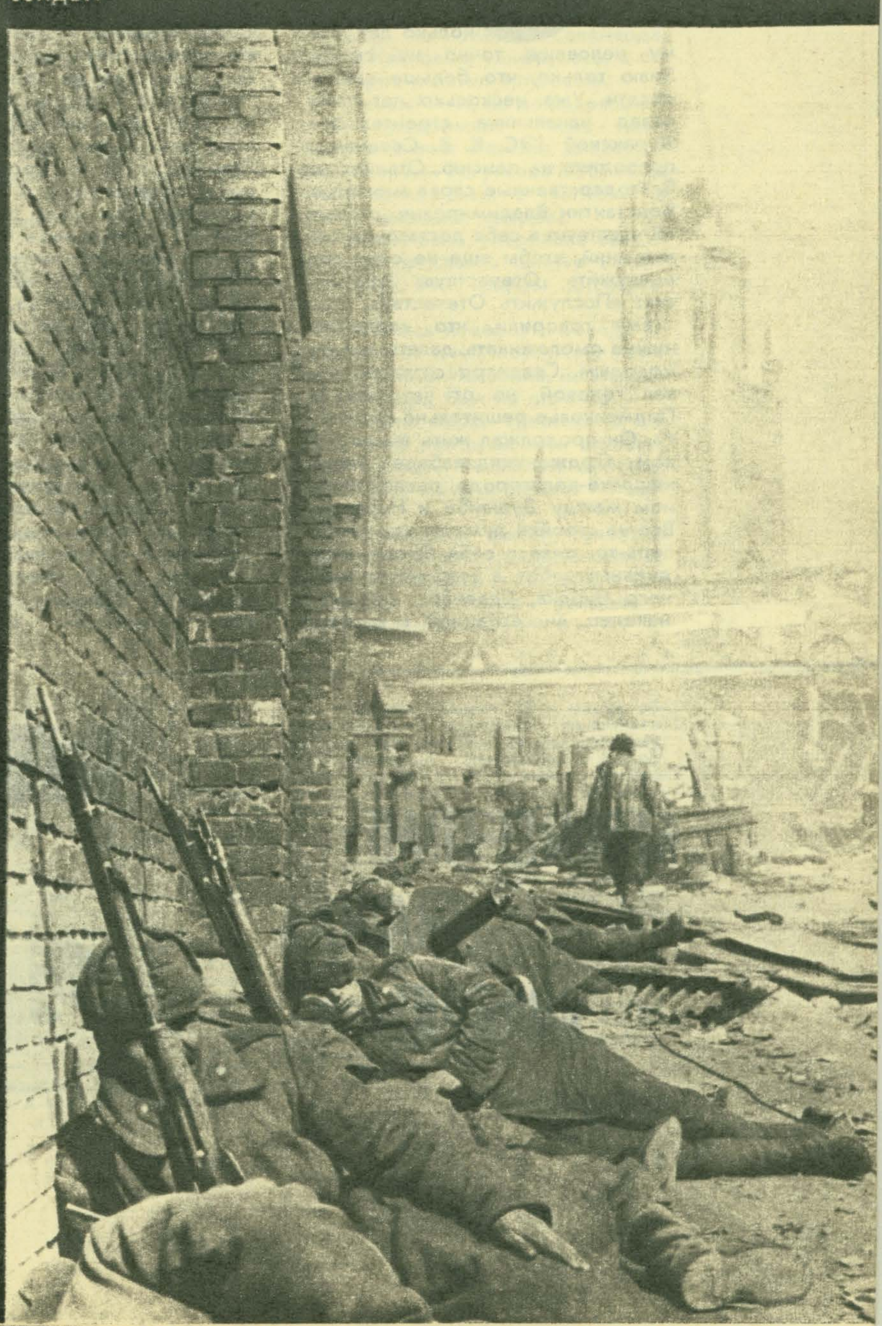

Сломлен вражеский танковый кулак — и снова тишина в полях.

Из далекого Туркменистана шефы привезли подарки бойцам 1-й Гвардейской кавдивизии.

9 апреля 1945 года. Еще долгий месяц до конца войны, еще месяц... Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат!

ОТЕЦ И СЫН

Л. КОРОБОВА

Родительское счастье. В чем оно! Разные люди вкладывают в это понятие разный смысл. Но, пожалуй, все сойдутся на том, что нет большего счастья для родителей, если дети их продолжат дело, которому сами они посвятили жизнь. Сегодняшний наш рассказ об отце, передавшем эстафету сыну...

Сколько лет этому человеку, точно не скажу. Знаю только, что больше шестидесяти. Уже несколько лет тому назад начальника строительства Нурекской ГЭС К. В. Севенарда проводили на пенсию. Отвечая на благодарственные слова министра, Константин Владимирович сказал: «Я чувствую в себе достаточно сил и знаний, чтобы еще не один год послужить Отечеству». Именно так: «Послужить Отечеству».

Ему говорили, что коллектив нужно омолаживать, давать дорогу молодым. Севенард согласно кивал головой, но от квартиры в Подмосковье решительно отказался. Он продолжал жить в маленьком Орджоникидзеабаде, полукишлаке-полугороде, расположенном между Душанбе и Нуреком. Все на стройке думали, что уж теперь-то, сняв с себя бремя ежедневных забот, в стороне от шумного Нурека, Севенард займется, наконец, диссертацией, о которой подумывал уже давно — материала-то у него хватило бы на несколько! Но вроде бы совершенно неожиданно Константин Владимирович вновь пошел на службу— стал руководителем проектно-конструкторского бюро. Неожиданно? Да нет, не совсем. Не тот человек Севенард, чтоб довольствоваться книжным делом, обобщением опыта. Его всегда тянуло в самую гущу жизни, туда, где крутой разворот событий, где дело живое, не бумажное.

Я встречалась со многими начальниками строительства. Но Севенард не походил ни на кого из них. Разные люди бывали на многочисленных стройках, возглавляемых им,— в Сибири, Алтае, Прибалтике, Средней Азии. С разными целями приезжали эти люди в неведомые края. Кто по велению разума, сердца, а кто и за длинным рублем. Порой они вели себя шумно, напористо, без стука врывались в кабинет начальника, кричали, требовали. А Константин Владимирович любого терпеливо выслушивал, объяснял, убеждал, доказывал, но никогда не унижал человеческого достоинства, никогда не произносил резких, обидных слов. И в Нуреке мы, молодежь, приехавшая на ударную комсомольскую стройку после институтов, тянулись к Севенарду. Он привлекал не только внимательностью к людям, пониманием их нужд, беззаветной преданностью делу. С ним всегда было интересно, знал он досконально и дела строительные и дела литературные. Это ведь по его инициативе и поддержке была создана в Нуреке литературная группа.

И все же... И все же нужно было немалое мужество, чтобы вот так, после руководства знаменитой стройкой, добровольно перейти в маленькую безвестную контору. Но уж чего-чего, а мужества Севенарду не занимать.

Жизнь инженера Севенарда начиналась на Алтае. Там он строил небольшие гидроэлектростанции, а потом были Горьковская, Красноярская, Плявиньская и, наконец, последняя — Нурекская ГЭС. Она началась для Константина Владимировича жаркими спорами с проектировщиками, потому что здесь, на берегах Вахша, самым распространенным словом было «впервые».

...Под напором бульдозеров рушились глинобитные кибитки, на месте пыльного кишлака строили новый город. О гидроэлектростанции спорили много: пугала высота плотины — 300 метров,— да еще в опасной сейсмической зоне! Нурекскую плотину—самую сложную и спорную часть сооружения — сначала думали возводить каменно-набросной. Севенард отстоял преимущества галечника, которого много вокруг стройки. Тогда проектировщики предложили возвести ядро плотины из лангарского суглинка, Севенард предложил суглинок сафедобский, он более прочен и расположен поближе.

Как-то на симпозиуме у одного итальянского специалиста по высотным плотинам спросили:

— Что вы думаете о Нурекской плотине, которая будет возводиться не из бетона, а из местных грунтов?

Итальянец покачал головой, задумался и неуверенно ответил:

— Попробуйте...

В самом деле, нужно было пробовать — такой высокой плотины ни в одной стране еще не создавали. Вот и пробовали: многокилометровые тоннели вспарывали тело горы, давая иной путь реке. В нескольких километрах от Нурека построили миниатюрную плотину и подвергли ее искусственному землетрясению. Выдержала.

В те дни, возвращаясь как-то вместе с Севенардом с испытательного полигона, я заметила, что у него очень хорошее настроение. Не помню теперь почему, но разговор у нас зашел о Брехте. Оказывается, Константин Владимирович любит его и, приезжая в Москву, не пропускает ни одного брехтовского спектакля.

— Запомнились мне слова Брехта,— негромко сказал Севенард.— Вероятно, я процитирую не точно, но смысл таков: мечтаю о времени, когда справедливость станет страстью. Прекрасно сказано!

И я подумала: да ведь это же про самого Севенарда! Для него справедливость всегда была страстью. Это, пожалуй, главная черта его характера. Уж если он что посчитал справедливым, то борется за это со всей страстью души, не идя ни на какие уступки. Так было и с Нурекской стройкой. Константин Владимирович обсуждал с инженерами каждый проект, яростно спорил с его авторами, наживал врагов, но на компромиссы не шел, не уступал ни на йоту. В управлении проектировщики говорили между собой: «Что тут думать? Все равно Севенард перекроит по-своему».

Перекрывать Вахш Севенард предложил взрывом, хотя проектировщики выступали против этой идеи. Но Константин Владимирович упорно твердил: именно взрыв — самый экономичный и быстрый способ. На правом берегу реки, за высокой оградой, накопили триста тысяч кубометров камня и бетонитов. Мощные самосвалы день и ночь везли сюда материалы. Начальник участка Семен Лащёнов, теперь главный инженер строительства Нурекской ГЭС, наблюдал за отсыпкой. И когда Севенард приезжал посмотреть, как идут дела, он предпочитал говорить с Лащёновым, потому что тот, один из немногих, верил в идею своего учителя.

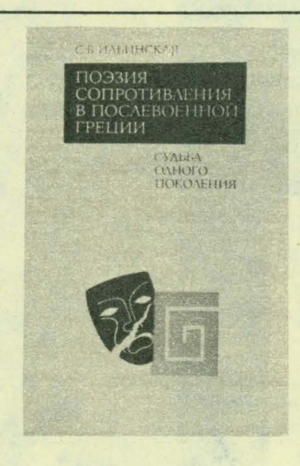
Направленным взрывом накопленную массу обрушили в реку и вмиг перекрыли ее, точь-в-точь, как рассчитали московские взрывники. Вахш, наткнувшись на преграду, забушевал, а потом медленно повернул в новое русло, пробитое в толще скалы.

Разве перечислишь все поправки к проекту? Высшую оценку им дали действующие ныне три агрегата гидроэлектростанции. Но, кроме гидроузла, был еще растущий город. А с начальника строительства спрашивали за все: за туннели и простаивающие экскаваторы, за школы и детские сады. Да, да, и за них тоже.

Досталось в свое время Севенарду за пионерский лагерь «Горная сказка»! Начальника обвиняли в легкомыслии и расточительстве: подумать только, специально для детей строить мост через Кафирниган. Зачем? И мост не нужен, и в лагере можно обойтись времянками да палатками... Вот он стоит, красавец мост, и ребята бегут по

БЕССМЕРТНАЯ ЖАЖДА СВОБОДЫ

Монография С. Ильинской, имеющая подзаголовок «Судьба одного поколения»,— это рассказ о поэтах греческого антифашистского Сопротивления, о художниках, черпающих в нем живительные силы творчества. Сопротивление рассматривается в книге С. Ильинской как важнейший фактор, повлиявший на творческую эволюцию виднейших поэтов Греции XX века Янниса Рицоса, Никифороса Вреттакоса, Никоса Папаса, Тасоса Ливадитиса, Титоса Патрикиоса, Манолиса Анагностакиса и других. Обширный литературный материал исследуется в книге на фоне зловещих событий, пронесшихся в XX веке над Грецией, страной «разрушенных алтарей».

С. Б. Ильинская. Поэзия Сопротивления в послевоенной Греции. М., «Наука», 1974, 198 стр.

Антифашистская борьба, суровое подполье, партизанские битвы во время второй мировой войны послужили объединению деятелей культуры с широкими народными массами. Греческая поэзия освобождается в этот период от герметической условности и формалистической изоляции, в творчестве ведущих поэтов все большее место занимают национальные поэтические традиции.

Трагичными были годы послевоенной Греции. И не случайно глава, посвященная этому периоду греческой поэзии, выразительно названа «Эхо каторги». Страшный остров Макронисос, где томились Я. Рицос, М. Лудемис, Т. Ливадитис, Т. Патрикиос, остров-концлагерь, издевательски называвшийся главарями Греции «новым Парфеноном», стал символом ночи, сгустившейся над страной — колы-

нему вверх, в горы, к заповеднику Ромит. На зеленых склонах виднеются маленькие коттеджи лагеря, словно теремки из сказки...

Зная о сложных взаимоотношениях между проектными и строительными организациями, я спросила однажды у Севенарда, в чем их суть. Речь зашла о роли главного инженера стройки.

— Главный инженер, как мне думается, обязан участвовать в создании объекта, начиная с технического обоснования и изыскания. На всех стадиях разработки он должен влиять на ход проекта. Я давно заметил: если строитель прочувствовал суть проекта, согласен с нею, он гораздо лучше выполнит эту идею.

...Серенький «газик», ведомый Севенардом, осторожно поднимается к перевалу. Мы едем в Нурек. Бывшего начальника строительства тоже видят сейчас на плотине. Иногда в тот же день он успевает побывать в Душанбе, в тресте, где у Константина Владимировича есть дела как у консультанта по вопросам гидротехники. Вот и сейчас, когда рассматривается проект Рогунской ГЭС — тоже на Вахше,— Константин Владимирович внес свои предложения, и технический совет одобрил их.

...Узкую дорогу обступили горы. Трава, еще недавно зеленая, обрела цвет пустыни. Душно. Термометр в тени показывает 45 градусов. Я смотрю на Константина Владимировича: как легко он переносит жару! Привык, наверное, за долгие годы.

— Какая из строек запомнилась вам больше других? — спросила я, ожидая, что он назовет Нурекскую.

— Горьковская, — неожиданно ответил Севенард. И, заметив мое удивление, повторил: — Да, Горьковская, на Волге. Там мы первыми из отечественных гидростроителей замораживали грунты. Станция возводилась на плывунах. Сами разработали теорию замораживания, сами и применили ее... Памятна Горьковская и тем, что это была моя первая крупная стройка, и тем, что коллектив подобрался хороший.

С берегов Волги жизнь забросила Севенарда в холодный край, на Енисей,— он стал главным инженером строительства Красноярской ГЭС. 1958 год был тяжелым для стройки, ходили слухи, что вот-вот сооружение законсервируют. И в том, что этого не произошло, есть доля заслуги главного инженера.

Он всегда и во всем был принципиален и смел, инженер Севенард. Получив диплом, приехал на Алтай и вскоре вместе с товарищами отправился в Москву доказывать возможность и необходимость Ульбинской ГЭС: ее проект забраковали. Молодые инженеры с Алтая убедили специалистов, что в алтайских горах можно и нужно создавать целый каскад небольших ГЭС...

Достроить Красноярскую ГЭС Севенарду не удалось: его направили на Плявиньскую электростанцию начальником строительства.

И вот теперь можно уже ввести в наш рассказ Севенарда-младшего. Как раз в те дни, когда Константин Владимирович готовился к отъезду на Плявиньскую ГЭС, его сын Юрий, окончив Московский инженерно-строительный институт, улетел в Дивногорск, на берега Енисея, и там продолжил дело отца. Сначала был прорабом, а затем начальником участка основных сооружений. Может быть, хорошо, что отец и сын работали на разных стройках, по крайней мере им было о чем рассказывать друг другу и о чем спорить. Младший Севенард работал на строительстве Красноярской ГЭС восемь лет, потом его послали в Египет — возводить Асуанскую плотину. А после этого в руки сына передали — кто бы мог такое предсказать! — Нурекскую ГЭС.

В Таджикистане встревожились: справится ли, больно уж молод, а комплекс-то уникальный. К тому же Нурек переходил на повышенные темпы,— до пуска первого агрегата оставалось два года. Надо же, именно в столь ответственный период прислали из Москвы молодого начальника! Но Юрий Севенард справился. Первый агрегат пустили на полтора месяца раньше срока.

В те напряженные дни первым другом и помощником Юрия был отец. Константин Владимирович переселился из Орджоникидзеабада в Нурек и начинал свой рабочий день не в управлении, а в здании гидроэлектростанции, куда уже прибыли для монтажа шаровые затворы из Харькова.

Иные приписывали отцу смелые инженерные решения сына. Позднее, когда первый агрегат уже давал ток, я спросила Юрия Константиновича: «В чем заключалась помощь отца? Сказывалась ли она на ваших решениях?»

Юрий наморщил большой лоб, вскинул мягкие, карие, совсем отцовские глаза:

— Разумеется, присутствие отца придавало мне уверенность. Но я все решал самостоятельно...

Да, самостоятельно! Это у него тоже от Севенарда-старшего. Как иногда яростно спорили отец и сын! Юрий не желал принимать рекомендации Константина Владимировича, шел своим путем, спотыкался, получал выговоры, но оставался верен себе. Отца не обманешь, он щадил самолюбие сына и говорил деликатно, примерно так:

— А не кажется ли тебе, что если такими темпами отсыпать плотину, то она достигнет проектной отметки через много лет? Под угрозой пуск остальных агрегатов.

— Очень даже кажется,—сердито отвечал сын и, взбудораженный, мерил шагами кабинет. Отец, плотно усевшись в кресло, не поворачивая головы, продолжал:

— Почему бы всерьез не заняться контейнерно-пневматической линией? Переговоры с Москвой идут у вас больше года.— Старший Севенард снял очки, покрутил их и с иронической, едва приметной улыбкой поглядел на Юрия.

— Пробиваем линию,—глухо оправдывался сын.— Позарез она нам нужна. Экономию большую даст, мы подсчитали: тринадцать миллионов рублей!

— Да,— вздохнул отец,— экономический эффект подсчитать легче, чем линию строить.

Я присутствовала при том разговоре, но не задавала вопросов, мне казалось, что они меня не замечали. Я сидела молча и вспоминала то время, когда начальник строительства Нурекской ГЭС Севенард-старший воевал с проектировщиками.

...Знойный полдень повис над горами Нурека. Машины спешат к плотине, которая поднялась на 180 метров. Узким каньоном расстилается синяя гладь водохранилища. Столько труда вложено в него за многие годы строительства, что оно по праву может называться Нурекским морем. Мы идем по плотному галечнику, у самой кромки воды, младший Севенард говорит, что дел до окончания строительства невпроворот: беспокоит подземный комплекс, постоянный водоприемник, плотина...

— Хочется строить разумно,— говорит Юрий Константинович.— С нас много спрашивают, а самостоятельности у нас никакой, стройка целиком зависит от треста...

Я слушаю Севенарда-младшего и никак не могу привыкнуть к тому, что теперь уже не Константин Владимирович руководит сложным комплексом, а вот этот молодой высокий человек. Но ведь у него, похоже, та же закваска.

А что же Севенард-старший? Он по-прежнему живет и работает в Орджоникидзеабаде.

— Домой теперь прихожу вовремя. Как все, если только не задерживают в Нуреке или тресте,— грустновато рассказывает Константин Владимирович.— Даже телевизор иногда смотрю. Опубликовал две статьи в журнале...

И тут вспомнилось мне, как год назад главный инженер треста «Таджикгидроэнергострой» Всеволод Давыдов говорил: «На материалах Нурекской ГЭС уже защитили около тридцати диссертаций. И почти к каждой из них причастен Севенард...»

— А диссертацию скоро будете защищать или уже защитили? — спросила я. Жена Севенарда, Лидия Ивановна, улыбнулась, а он на вопрос ответил вопросом.

— Зачем? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Разве мои стройки значат меньше диссертаций? Впереди Рогунская ГЭС, тоже очень интересная, с плотиной в триста двадцать метров!

А может быть, следовало бы Севенарду присвоить звание кандидата наук без защиты диссертации?!

Я пыталась повернуть беседу на рыбалку, на пчел, которыми занимается Лидия Ивановна, но мыслями Севенард был на стройке.

— Юрий меня тревожит... Не хочу, чтоб повторял мои ошибки, а он бунтарь, такой же бунтарь, выслушает меня и делает по-своему...

...Я покидала белый, залитый солнцем Нурек, раздумывая о судьбах старшего и младшего Севенардов, о которых — уверена — еще немало напишут.

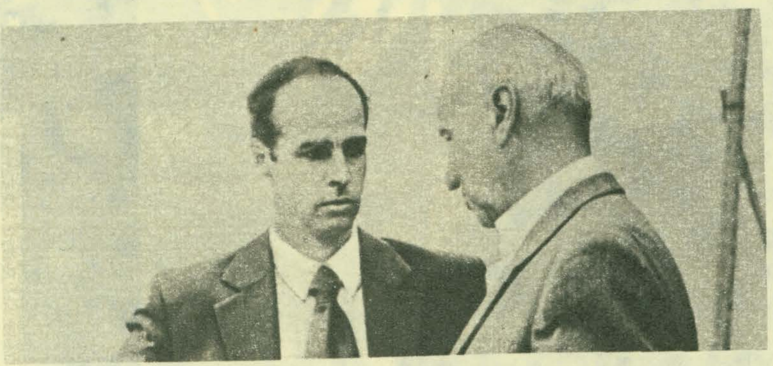

Фото Д. УХТОМСКОГО.

белью демократии. Рассматривая творчество поэтов-узников, Ильинская выявляет интересные параллели и аналогии, свидетельствующие о родственности их идейных и нравственных позиций, подчеркивает, что поэзия каторги закрепила в их творчестве новую стихотворную традицию — структуру верлибра с его раскованными ритмами разговорной речи. Внимание к поэтике не случайно в работе С. Ильинской. Как всякий вдумчивый исследователь поэзии, она четко понимает и ясно формулирует неразрывную связь формальных поисков с духовным содержанием поэзии, особо значимую в кризисные для страны и культуры периоды.

Разбирая поэму Тасоса Ливадитиса «Дует ветер на перекрестках мира», С. Ильинская находит в ней обобщенную картину греческой трагедии, как магический кристалл сконцентрировавшей в себе горести и противоречия остального мира. И не кажется искусственным сопоставление образа ветра в поэме Ливадитиса с ветром в «Двенадцати» Блока,— напротив, горькие и искренние строки греческого поэта естественно вызывают в памяти стихи одного из наиболее трагичных поэтов России.

Характерной чертой творчества Ливадитиса считает автор действенность и боевитость его музы. Поэзия для Ливадитиса — род оружия. Такое отношение к поэзии роднит его с трибуном русской революции Маяковским. Ливадитису так же, как Маяковскому, свойственно стремление охватить поэтическим зрением весь земной шар и в то же время бережно прикоснуться к сердцу каждого человека.

«О чем бы ни говорил Ливадитис, — а горизонты его видения необычайно широки: от далекой Гватемалы до берегов Волги, где поэт склоняется перед памятью неизвестного советского солдата, погибшего в одном из боев второй мировой войны,— он неустанно слагает гимн свободе и справедливому миру, за который борются все народы земного шара» — так определяет С. Ильинская одну из основных черт поэзии Ливадитиса, замечая, что подобная широта характерна для многих поэтов, верных традициям Сопротивления.

Едва ли не наиболее интересна глава, где рассматривается греческая поэзия второй половины пятидесятых годов, так называемая «поэзия поражения». Стремление уяснить, почему столь длинным оказался путь к свободе, почему родина продолжает томиться в неволе, владеет в этот период многими поэтами Греции. Они часто обращаются к мотивам прошлого, ища в нем поддержку настоящему. Произведения Ливадитиса, Киру, Анагностакиса, Фуртуниса, Патрикиоса, Сахтуриса, Рицоса позволяют увидеть углубленные поиски художниками ответа «на реющие в воздухе почему», показать закономерность постепенной, очень медленной и трудной эволюции греческой поэзии от «тревог и сомнений» ко времени, когда «вместе с приливом творческих сил к человеку приходит надежда и оптимизм вновь завоевывает свои позиции».

Сейчас, когда греческий народ завоевал демократические свободы, эти слова звучат особенно прозорливо.

В. ЕНИШЕРЛОВ

М. Фрунзе принимает парад войск Красной Армии на Красной площади в Москве.

С. М. Буденный, М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов на Южном фронте.

М. В. Фрунзе.

На трибуне.

На празднике физкультурников в Сокольниках.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ФРУНЗЕ

НАРОДНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Н. ХЛЕБНИКОВ,
Герой Советского Союза, генерал-полковник артиллерии, кандидат военных наук

Второго февраля исполняется 90 лет со дня рождения Михаила Васильевича Фрунзе, многогранная, героическая жизнь которого является образцом беззаветного служения партии Ленина и социалистической Родине.

Родившись в семье фельдшера молдаванина-переселенца в городе Пишпеке, Фрунзе с 1905 года навсегда связал свою революционную жизнь и работу с Иваново-Вознесенским рабочим краем. Здесь в 1906 году он был избран делегатом IV (Объединительного) съезда РСДРП, проходившего в Стокгольме, где впервые встречается с В. И. Лениным, который дал высокую оценку революционной борьбе ивановововознесенцев.

С негодованием встретили трудящиеся арест Фрунзе. Царский суд приговорил его к смертной казни через повешение. Волна забастовок с требованием освобождения Фрунзе вынудила правительство заменить смертный приговор десятью годами каторги. Но и на каторжных работах Михаил Васильевич продолжает бороться, организует побеги, а оказавшись после каторги в ссылке, проводит среди ссыльных подготовку к вооруженному восстанию. Арестованный вновь, он совершает побег и накануне Февральской революции под фамилией Михайлова появляется в Минске, где руководит партийной работой в армиях Западного фронта.

Незадолго до Октябрьской революции Фрунзе снова в Иваново-Вознесенске. В Октябрьские дни возглавил захват власти и в качестве председателя губкома партии и губисполкома вновь созданной губернии организует и руководит всей ее политической и хозяйственной жизнью.

В трудное время начавшейся гражданской войны и интервенции Фрунзе проделал огромную работу по укреплению обороноспособности страны, подготовке военных кадров, организации производства вооружения.

«Выход только один — немедленная и энергичнейшая деятельность по организации наших вооруженных сил. До тех пор, пока Советская Россия их не создаст, она будет легкой и лакомой добычей всякого хищника»,— писал он в газете «Рабочий край».

Когда в 1918 году интервенты высадили десанты в Мурманске и Архангельске, Михаил Васильевич назначается комиссаром Ярославского военного округа, в который входило восемь губерний. Округ стал основной базой Северного фронта, снабжавшей продовольствием и людьми части и соединения.

Мы, фронтовики первой мировой войны (в том числе будущие комиссары Чапаевской дивизии Фурманов и Батурин, заместители Фрунзе Новицкий и Авксентьевский и многие другие), были привлечены для работы под руководством Фрунзе в штабе округа и остались навсегда благодарны судьбе, которая свела нас с этим исключительным человеком, нашим учителем как в годы революции и гражданской войны, так и в последующие годы мирного строительства.

Фурманов писал о Фрунзе: «Это одна из тех редкостных личностей, которые заслуживают любовь и привязанность как-то разом у всех... И это именно потому, что он был не только большой политик, не только большой организатор, не только большой стратег, но он был и большой человек, человек просторного, прекрасного сердца, человек большого участия к человеческой жизни».

Мы, прошедшие школу войны, поражались военной эрудиции Михаила Васильевича, формально не имевшего специального военного образования. Даже маститые генералы, окончившие Николаевскую академию генерального штаба, имевшие за плечами опыт русско-японской и мировой войн — мне довелось не раз быть тому свидетелем,— при обсуждении сложных военных вопросов удивлялись глубине его военных познаний.

Катастрофическое вначале положение на Северном фронте с каждым днем улучшалось. Рвавшиеся на соединение с войсками Колчака интервенты были остановлены под Котласом. Однако под Пермью положение обострилось на всем огромном фронте, от приполярной тайги до южноуральских степей, завязались кровопролитные сражения.

Вызванный В. И. Лениным в Москву М. В. Фрунзе был назначен командующим 4-й армией Восточного фронта. На заседании бюро губкома он говорил тогда: «Положение совершенно исключительное. Так трудно на фронте еще не было никогда. Надо в спешном порядке сделать армии впрыскивание живой рабочей силы, надо поднять дух, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных ребят...»

Фурманов, бывший тогда секретарем губкома партии, записал: «Я помню, все мы, верно до последнего человека, заявили о готовности своей идти на фронт...» И было решено: «Создать особый отборный коммунистический отряд из рабочих-текстильщиков, предоставив его в распоряжение М. В. Фрунзе».

Через несколько недель наш полуторатысячный коммунистический отряд вошел в состав 25-й Чапаевской дивизии. Всех нас растил и учил Михаил Васильевич, неизменно приходил к нам на помощь. Узнав, например, что между Чапаевым и комиссаром Фурмановым происходят иногда острые стычки, обеспокоенный этим, он приехал к нам в дивизию незадолго до «психической атаки» под Уфой. Состоялся примерно такой разговор.

Фрунзе спросил Чапаева:

— Доволен ли ты своим комиссаром, Василий Иванович? Только честно скажи.

— Скажу,— ответил Чапаев.— Доволен, прямо доволен.

— Ну, а в бою?

— В бою мы всегда вместе.

— Значит, сработались?

— Как сказать, Михаил Васильевич. Часто спорим. Разругались бы, если бы характер у комиссара был мой. А так ничего, сговариваемся. И в бою он хорош. Полк ему под команду дам, не задумаюсь... Да что вы меня одного спрашиваете? Спросите его.

— Спрошу,— улыбнулся Фрунзе.— Что скажешь, Дмитрий Андреевич?

— Претензий не имею,— ответил Фурманов.

Чапаев даже обиделся.

— Я-то,— говорит,— перед командующим расхваливаю, а он только претензий не имеет.

— Не кипятись, Василий Иванович,— сказал Фурманов.— Хвалиться нам не время. Возьмем у белых Уфу, вот и будет нам с тобою похвала. Дельная, без лишних слов...

Когда после освобождения от блокады Уральска Фурманов уезжал из дивизии на Туркестанский фронт, суровый Чапаев, обнимая друга, сказал:

— Если бы не Фрунзе приказал, никогда бы не отпустил.

Такова была сила сердечного участия в жизни людей, черта, присущая Михаилу Васильевичу, являющаяся одной из важных основ его полководческих успехов.

Будучи глубоко образованным марксистом-ленинцем, Фрунзе путем всестороннего анализа политических, экономических и моральных факторов, а не только чисто военных умел безошибочно определять направление и своевременность нанесения ударов по противнику. Проводимые им операции отличались наступательным характером и целеустремленностью упреждающих ударов, направленных на разгром главных сил врага.

Одной из первых блестящих операций, руководимых им, является разгром войск Колчака Южной группой Восточного фронта весной 1919 года. Армия генерала Ханжина 10 марта овладела Бирском, 14 марта — Уфой и стремительно продвигалась к Самаре.

Изучив обстановку и особенно учитывая моральное состояние колчаковских войск, Фрунзе и член Реввоенсовета Южной группы Куйбышев предложили перейти в контрнаступление. План был утвержден ЦК и В. И. Лениным. К 28 апреля войска перешли в наступление. В первых же сражениях под Бугурусланом, Белебеем, Бугульмой противник был разбит. В приказе командующего говорилось: «Наш первый этап — Уфа, последний — Сибирь, освобожденная от Колчака. Смело вперед!» После отражения «психической атаки» белых (в этом бою М. В. Фрунзе был тяжело контужен, а В. И. Чапаев ранен в голову) 9 июня Уфа была освобождена. Колчаковцы покатились к Уралу и вскоре были окончательно разгромлены.

15 августа Фрунзе назначается командующим войсками Туркестанского фронта, созданного для борьбы с южной армией Белова, оплота контрреволюции в Средней Азии, а также против оренбургского и уральского белоказачества. Борьба здесь проходила в труднейших условиях национальной и классовой борьбы и религиозного фанатизма.

Через полтора месяца боев Фрунзе писал: «Славные войска Туркестанского фронта, пробивая России путь к хлопку и нефти, стоят накануне завершения своей задачи. Главные силы врага на нашем фронте разгромлены окончательно». Блестящее проведение операций на Туркестанском фронте быстро привело к крупным победам. Пятого января 1920 года 25-я Чапаевская дивизия овладела Гурьевом, пленив уральскую белоказачью армию генерала Толстова и ликвидировав Уральский фронт. В апреле были разгромлены белогвардейские войска генералов Анненкова и Бакича и ликвидирован Семиреченский фронт.

В Бухаре под крылом эмира собралось до 30 тысяч войска, подогреваемых английскими империалистами. У Красной Армии было не более 15 тысяч солдат. Однако, учтя поддержку восставшего революционного бухарского народа, Фрунзе разгромил противника и второго сентября докладывал В. И. Ленину:

«Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и ших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции. Эмир с остатком приверженцев бежал...»

К этому времени создалась серьезная угроза на Южном фронте. На помощь белополякам перешла в наступление из Крыма белая армия Врангеля. 21 сентября 1920 года командующим Южным фронтом назначается М. В. Фрунзе. Быстро оценив обстановку, он прозорливо делает вывод, что Врангель будет наносить удар не по Донбассу, как думали многие, а по правобережной Украине, переправившись через Днепр. В предварительной директиве командарм Фрунзе писал: «Судя по данным разведки, можно ожидать, что противник в ближайшие дни попытается произвести переправу на правый берег Днепра в районе Александровска».

И действительно, через семь дней врангелевцы приступили здесь к переправе. Изготовившиеся в этом районе войска нанесли белой армии крупное поражение, однако часть ее успела отойти в Крым.

И снова, не дожидаясь полного сосредоточения дивизий, предназначенных для разгрома Врангеля в Крыму, и учитывая высокий моральный подъем войск Южного фронта, Фрунзе начинает штурм перекопских укреплений. Взят Турецкий вал, занят Чонгарский мост и Юшуньские позиции, преодолев вплавь Сивашское озеро, красные овладевают Литовским полуостровом, и 16 ноября Фрунзе докладывает В. И. Ленину: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

После окончания гражданской войны всю свою энергию, все свои организаторские и военно-теоретические способности он отдал укреплению Вооруженных Сил молодой Республики Советов.

Михаил Васильевич Фрунзе прожил всего сорок лет, но как много он успел!

Мне посчастливилось близко знать его. Нередко собираясь в его доме, соратники и земляки, среди которых были писатели и ученые, чапаевцы и буденновцы, старые большевики Иваново-Вознесенска, Москвы, Ленинграда — все мы видели гостеприимного, приветливого и простого хозяина, отличного семьянина, с сердечностью и особой теплотой воспитывающего своих детей.

Много лет спустя мы с грустью и в то же время с высокой гордостью за Михаила Васильевича получили известие о геройской гибели его сына Тимура, летчика-истребителя, Героя Советского Союза, который одним из первых ушел на фронт и погиб, не достигнув 19 лет.

Дочь Фрунзе Татьяна Михайловна, доктор химических наук, плодотворно трудится над новыми проблемами науки. Внуки и правнуки Михаила Васильевича учатся, работают и строят свою жизнь, беря пример со своего деда и прадеда.

ЗАБИЯКА

В щучью запань,
В щучью заводь
Рисковал мальчишка
Плавать!

На черемухе соседской
Не робел с утра висеть
И плетеной конской леской
Выбирал чужую сеть.

Заводила и задира —
Грудь широкая в значках!
Он в игре — за командира,
В драке он — «на любачка»!

Как судья, в спортивном споре
Он сторонник жестких мер.
И писали на заборе:
«Колька — тренер СССР».

Где тот хлопец-забияка,
Что вбивал крученый гол,
Что в двенадцать лет не плакал,
В девятнадцать — в бой ушел?

В час лихой с парторгом вместе
Поднял роту рядовой.
Только вот пропал без вести,
В омут канул с головой.

Много видывал беды я,
Но и ныне больно мне:
Ах, какие молодые
Погибали на войне!

* * *

Как музыка заволжских далей —
Порош приземистый разбег.
Ах, лето! Поминай как звали —
Его зачеркивает снег.

Снегирь заблудший, как фонарик,
Посверкивает в белизне.
И разнаряженный гусарик —
Фасонит дятел на сосне.

А мы от встречи онемели —
Похрустывает слабый наст,
И снежные ручьи метели
Уже захлестывают нас.

А ты глядишь незащищенно:
Куда спешим? Куда скользим?
И сердце токает смущенно:
— Ах, сколько лет,
Ах, сколько зим...

* * *

Снег, словно пыль известняка,
В рогожах яблони озябли,
И проплывают облака,
Как в детстве
плыли дирижабли.

Наверно, не пройдут века,
Когда изменятся приметы
И кто-то скажет: облака,
Как в давнем детстве
след ракеты...

Евгений
САВИНОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ

ВЕРЮ В РОДНИКИ

Родник — тайник,
родник — загадка.
Меня родник
с землей роднит.
Он обжигающе
и сладко
людей поит —
добро творит!

А зной — хмельной!
Как ненавистник,
пожег траву,
обвялил листья.
И тополь сник,
и клен — в огне...
Разбои зноя —
не по мне!

А в поле — сушь,
А в роще — глушь,
и душно!
Куда исчезли ветерки?
Светило шпарит равнодушно.
Но будем
верить
в родники.

* * *

Лепечет озеро Лепекино,
Осины шепчутся степенно.
И все черемухой облеплено,
Как будто выплеснутой пеной.

И мамин смех из детства слышится
И голоса мальчишек милых...
Все так же озеро колышется,
И пахнет рыбой, пахнет илом.

Мелькая белою рубашкою,
Босой разбойник тянет бредень.
И все засыпано ромашкою,
Все обновленьем жадно бредит.

Летят сороки сановитые,
Хотя и смотрят вороватo...
Ах, время, не буди забытое,
Оно ни в чем не виновато!

Пусть все вокруг, как наваждение:
И зов «ау!»,— и отзыв: «Кто там?»,
И жизнь моя, как восхождение
По неизведанным высотам...

* * *

Вот идут по набережной двое —
У нее, застенчивой, цветы...
Праздник в будни! Самое святое!
Заодно порадуйся и ты!

Не ищи таинственную Мекку —
В мире есть иные алтари...
Подари улыбку человеку,
Если можешь —
праздник подари!

* * *

Успенье — солнце засыпает,
Успела хлеб родить земля,
Успели гуси слиться в стаи,
Успели выйти зеленя.

Клубника севера — морошка
Уже багрянится к зиме.
Клади по ягодке в лукошко,
Пойди покланяйся земле!

Когда прошла грибная мода,
Когда пожухли камыши,
В любой копне по пуду меда:
Прижмись лицом и всласть дыши!

Как будто встретилась с любимым,
На миг от счастья замерла
Ни тенью облака, ни дымом
Не омутненная земля!

* * *

Воркует речка Быстреница,
Ей отвечает речка Сить.
Спешит заря-колосяница
Пшеницу в поле колосить.

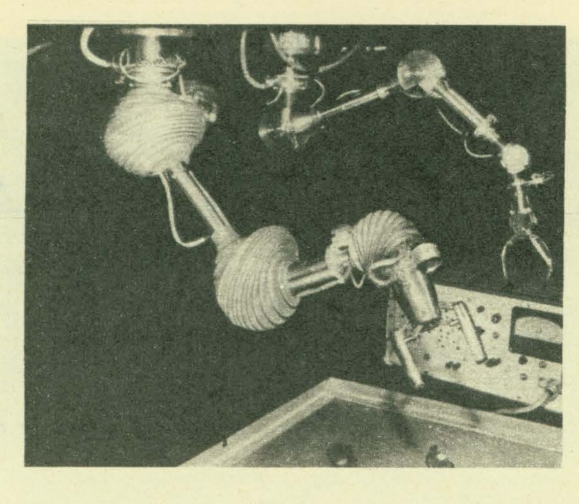
И ты пробудишься, как в детстве,
На миг придавит тишина,
И годы странствий, годы бедствий
Внезапно высветит она.

От сполоха беззвучных молний
Как бы обуглены сады,—
И молча выпьешь ковшик полный
Густой колодезной воды.

А говорили: все проходит,
Все позабудется в свой срок.
Но боль войны жива в народе
И бродит, как в березе сок.

Бледнеет ночь над Быстреницей,
Светлеет ночь над речкой Сить.
Спешит заря-колосяница
Пшеницу в поле колосить.

Ярославль.

НОВЫЕ ПРОФЕССИИ РОБОТА

Андрей ЗЕЛЕНЦОВ

Евгений Иванович Юревич подвел меня к двери, на которой значилось: «Робот».

Забудьте об игрушках — роботах из Политехнического музея или из Дворца пионеров, забудьте об этих напоминающих человека созданиях из металла и пластмассы. Они не более чем макеты, которые приводятся в движение электромоторами. Голос их записан на магнитной пленке, а глаза — обыкновенные электрические лампочки.

Передо мной был робот, который не стремился поразить воображение своим внешним видом. «Голова» его — несколько шкафов вычислительной машины «Днепр-1» — стояла у одной стены, ног и туловища не было вообще, а около другой стены с полки свисали две стальные руки с суставами, покрытыми гофрированной резиной. Между руками прямо на стол смотрел телевизионный объектив — глаз, и все, что он видел, отражалось на экране обыкновенного серийного телевизора.

Профессор Ленинградского политехнического института Е. И. Юревич подвел меня поближе к столу.

— Смотрите!

На столе были разбросаны разные металлические детали. Руки робота не двигались, и мне показалось, что он вообще выключен. Но в этот момент его правая рука дрогнула, стальной схват из двух пальцев раздвинулся, замер на мгновение и, словно проверив себя, то ли он делает, крепко вцепился в деталь, приподнял над столом, неожиданно быстро отнес в сторону и опустил в картонную коробку.

В тишине лаборатории послышался стук электрической пишущей машинки. «Объект взят»,— прочел я.

— Это докладывает робот,— пояснил Евгений Иванович.

Я пытался осмыслить увиденное. Ведь среди массы предметов робот отыскал и взял определенную деталь. Значит, он распознает предметы, в процессе выполнения задачи сам определяет, как ему поступить, сам вырабатывает программу действий. В этом его принципиальное отличие от всех других средств автоматизации.

Человек, создавший послушных роботов, обучает их различным специальностям. И недалеко то время, когда с белоснежного судна опустится в глубины океана такой вот робот. Один, два, три километра, и вот, наконец, дно, усеянное глыбами железно-марганцевых конкреций, целый клад полезных ископаемых. Робот складывает их в контейнер и отправляет на поверхность.

На далекую планету с космического корабля спускается автомат. До Земли, где остались его создатели, миллионы километров, и даже радиосигнал идет туда и обратно несколько часов. Но механический исследователь вовсе не нуждается в руководящих указаниях. Он сам оценивает обстановку и действует соответственно ей в установленные сеансы, радируя на Землю о результатах разведки.

Это все, конечно, дело будущего. Но в лаборатории, где я нахожусь, уже всерьез работают над тем, чтобы освободить людей от изнурительного физического труда, поставить в условия, где вредно находиться человеку, его механических помощников.

— Для того, чтобы робот мог выполнять функции рабочего — а ведь именно к этому мы и стремимся,— нужно, чтобы он обладал осязанием и зрением, чтобы он умел обрабатывать и анализировать информацию органов чувств,— объясняет профессор Юревич.— Более того, наш помощник должен быть способен составлять в своем мозгу картину внешнего мира, то есть окружающей среды. Таких роботов в промышленности пока нет, но в лабораториях они уже созданы.

Я улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь? Неужели то, что я сказал, звучит неправдоподобно?

— Я вспомнил, как лет пятнадцать тому назад велись споры: может ли машина сама оценивать обстановку, думать. А вот сейчас вы спокойно говорите о мыслительных способностях робота. А что он еще умеет делать?

— Он может собирать простейшие узлы, которые применяются, например, в пылесосах, холодильниках. А может осуществлять поиск предметов — вы это видели,— сортировать и разбраковывать их по внешнему виду. Может сверлить, выполнять ряд других технологических операций.

— Чтобы все это сделать, надо обладать некоторым интеллектом, не так ли? — продолжает Евгений Иванович.— Система управления роботом состоит как бы из трех уровней. Нижний управляет движениями рук. На втором уровне разрабатываются типовые действия: как найти, взять и перенести предмет. Высший уровень выдает задание, полученное от человека.

Профессор Юревич отодвигает в сторону железные детали, а на их месте разбрасывает разной величины прямоугольные деревянные пластинки из детской пирамидки с отверстиями в середине и ставит на стол стержень на подставке.

Оператор у пульта управления подает команду, и снова зашевелились руки робота, выполняя приказание человека. Медленно нанизываются на стержень пластинки все меньших размеров. Постепенно собирается пирамида.

— Надо сказать,— говорит Евгений Иванович,— интеллект робота в процессе обучения растет, и, чем умнее он становится, тем в более общей форме человек может давать ему задание.

— Распоряжения отдаются голосом? — спрашиваю я.

— С помощью кнопок на пульте и голосом. Он уже понимает пятьдесят слов, так что можно ему отдавать команды в рамках словаря из этих пятидесяти слов.

— В каких направлениях развивается сейчас конструирование механических помощников человека?

— Прежде всего надо освободить людей, занятых тяжелым физическим трудом, заменить их в условиях, в которых человек не может работать,— при больших температурах, давлениях, в бескислородной среде, во взрывоопасных ситуациях. Именно таких промышленных роботов мы и конструируем.

— А как вы представляете себе производство с подобным «обслуживающим персоналом»?

— Сначала будут создаваться, и это уже делается, участки, полностью обслуживаемые роботами. Одни будут стоять у станков, другие — обеспечивать транспортировку предметов. Всем этим «коллективом» будет управлять вычислительная машина, своеобразный коллективный «мозг». Таков один из путей создания автоматических заводов. Но прошу не увлекаться экзотикой. Сегодня самое важное — создать дешевые и максимально надежные промышленные роботы, которые должны уже в следующей пятилетке высвободить значительную часть рабочих, занятых физическим трудом. Именно это нужно нашей промышленности. Что касается более сложных и интеллектуальных роботов, то над ними тоже надо работать. Сегодня этим занимаются десятки институтов и предприятий. По существу, создается новая отрасль промышленности — роботостроение.

Я слушал Евгения Ивановича и, не отрываясь, смотрел на создание ученых. Видел бы это сейчас Карел Чапек, придумавший термин «робот», что значит «механический рабочий»! Механический рабочий, освобождающий рабочего XX века от тяжелого, изнурительного труда для радостного и творческого.

МИЛЛЕ

Игорь **ДОЛГОПОЛОВ**,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Искусство — это не прогулка, это борьба, это схватка».
Жан Франсуа Милле.

В мире искусства есть мастера, которые обладают поразительным свойством воплощать свою любовь или ненависть, приверженность к своему времени или его отрицание в удивительно ярко очерченный, необычайно живо воспринимаемый ряд пластических образов. Эти художники чаруют нас и берут в плен немедленно и навечно, как только мы начинаем изучать их творчество, вглядываться в их холсты, прислушиваться к музыке их картин... Таинственный мир Рембрандта. Струится призрачный свет. Мерцают тени. Царит золотистый полумрак. Мы бродим очарованные. Аман, Эсфирь, Даная, Блудный сын — не призрачные лики далеких легенд и мифов, живые, живые люди, страждущие, тоскующие, любящие. Во мраке блестят, искрятся драгоценные камни, золотое роскошное убранство, а рядом, рядом с этим суетным великолепием— ветхие рубища нищих стариков и старух, древних и мудрых. Навстречу нам шагает ночной дозор. Сверкают доспехи. Звенит оружие. Шуршат бесценные кружева. Шелестят шелка. Но не это поражает нас в полотнах Рембрандта ван Рейна. Сам Человек, великий и ничтожный, нежный и жестокий, честный и коварный, предстает перед нами... Через мгновение мы летим в бездну. Гойя. Неистовый, яростный, вмиг овладевает нашей душой. Черное ночное небо. Рядом с нами мчатся и кувыркаются с хохотом и визгом ведьмы и упыри — видения, созданные автором «Капричос». Испания. Ревут быки. Кричат раненые кони. Сверкают очи обольстительных мах. Самодовольно улыбаются дегенеративные короли и князья. Гремят оружейные залпы, и падают на землю Испании лучшие ее сыны. И все это Гойя! Только Гойя! ...Мы неторопливо шествуем мимо сладко храпящих, тучных обжор кисти Питера Брейгеля и зрим далекую, обетованную и дивную Страну лентяев. И вдруг вздрагиваем, когда около нас проносится с воплями и стонами, громыхая клюками, ковыляя, спотыкаясь и падая, вереница зловещих и убогих слепцов, напоминая о бренности мира. Через минуту нас обступают и подхватывают под руки красноносые гуляки. Мы кружимся в вихре танца и пляшем до упаду на площади незнакомого нам села. В одночасье нас охватывает ужас, и мы чувствуем леденящее дыхание Смерти. Это Брейгель, Питер Брейгель — чародей и колдун.

Бескрайнее вспаханное поле. Утро. Слышно, как звучит тишина. Мы осязаем беспредельность земли и неба. Вмиг перед нами вырастает молодой великан. Он неспешно шагает, широко разбрасывая золотые зерна пшеницы. Безмятежно дышит земля, влажная от росы. Это мир Жана Франсуа Милле... Пытаемся догнать Сеятеля, но он уходит вперед. Слышим мерный стук его могучего сердца. Мгновение — и мы бредем по тенистому, прохладному лесу. Прислушиваемся к разговору деревьев. Треску хвороста, перестуку деревянных сабо. И снова мы в поле. Золотая стерня. Пыльное марево. Зной. Высоко в зените поет жаворонок. Скирды, скирды. Жатва. Задыхаемся от жары, обливаемся потом, собирая колоски вместе с суровыми крестьянками, бронзовыми от загара. Милле! Это он воспел крестьянский труд. Это он оставил щедро и навечно всю музыку утренних и вечерних зорь, многоцветье радуг, свежесть цветения. Всю необыкновенность обыденного.

Рембрандт, Брейгель, Гойя, Милле. Художники бесконечно непохожие. Но искусство каждого из них, как, впрочем, и многих других великих мастеров, вошло в наши души. И, часто наблюдая явления сегодняшней жизни, мы немедленно вспоминаем их полотна и мысленно восклицаем: «Это совсем как в картине Леонардо или Рембрандта, Сурикова или Милле!» Настолько вошли в нашу плоть и кровь эти чудесные миры, рожденные в горниле страстей человеческих. Ведь создавшие эти образы живописцы были всего лишь людьми со всеми их заботами и радостями. Прошли годы, порою века со дня рождения их холстов. Но они живут. Правда, едва ли кто увидит воочию полет гойевских ведьм или фантастические лики брейгелевских прозрений. Давным-давно ушел от нас мир, созданный Леонардо, Суриковым или Милле. Но мы убеждены, глубоко убеждены в художественной п р а в д е их картин. Вера этих мастеров в величие человеческого духа, в Человека передается нам, и мы учимся понимать наш сегодняшний, сложный, сложный, сложный мир...

Обратимся к одному из этих замечательных мастеров — Жану Франсуа Милле. Художнику искреннему, чистому, честному. Его жизнь была подвигом.

Далеко не все представляют себе истинный удел многих выдающихся французских живописцев прошлого века. Нами иногда владеют некие облегченные представления об их чуть ли не розовой судьбе. Может быть, звонкие, праздничные, полные радости слова: мансарда, Монмартр, Барбизон, пленер — заслоняют от нас неприкрытую нищету, голод, отчаяние, одиночество, которое испытывали такие превосходные мастера XIX века, как Руссо, Милле, Тройон, Декан, Моне, Сислей. Но чем ближе мы знакомимся с их биографиями, тем все более грозно, сурово предстает трагическая борьба каждого из этих мастеров. С непризнанием, невзгодами, с хулою и поношением. Ведь только не многие, и то слишком поздно, добились известности и славы. Но вернемся к Милле.

...Все начиналось довольно банально. В один из январских дней 1837 года дилижанс, громыхая по булыжнику, въехал в черный от копоти и сажи Париж. Тогда еще не бытовал модный термин «смог», не было угара от тысяч автомашин, но грязный, серый, пронизывающий туман, насыщенный зловонием, грохот, шум, сутолока ошеломили молодого крестьянского парня, привыкшего к чистому, прозрачному воздуху Нормандии и тишине. Жан Франсуа Милле ступил на землю этого «нового Вавилона». Ему было двадцать два года. Он полон надежд, сил и... сомнений. Милле приобщился к тысячам провинциалов, прибывших сюда завоевывать место под солнцем. Но Жан Франсуа совсем непохож на дерзких героев романов Оноре де Бальзака, заранее видевших Париж у своих ног. Молодой художник был на редкость застенчив. Его духовная целина была взорвана зрелищем ночного города. Тусклый оранжевый свет уличных фонарей. Мятущиеся фиолетовые тени на скользких тротуарах. Серый, пронизывающий душу, промозглый туман. Кипящая лава людей, экипажей, лошадей. Узкие ущелья улиц. Незнакомые душные запахи теснили дыхание жителя департамента Ла Манш, воспитанного на берегу моря. Жан Франсуа с какой-то отчаянной остротой вспомнил маленькое селение Грюши, родной дом, дикую прелесть прибоя, жужжание прялки, пение сверчка, мудрые наставления любимой бабки Луизы Жюмелен. Рыдания подступили к его горлу, и будущий художник расплакался прямо на парижской мостовой.

— Я старался превозмочь свои чувства,— рассказывал Милле,— но не мог, это было выше моих сил. Мне удалось сдержать слезы лишь после того, как я зачерпнул руками воды из уличного фонтана и облил себе лицо.

Юноша стал искать себе ночлег. Вечерний город глухо ворчал. Последние алые лучи зари окрасили трубы темных громад домов. Туман овладевал Парижем. Суббота. Все мчались куда-то сломя голову. Милле был робок без меры. Он стеснялся узнать адрес какой-либо гостиницы и блуждал до полуночи. Можно себе представить, сколько «жанра» он мог увидеть на субботних панелях. У него был удивительно острый, все запоминающий глаз. Он был хорош собой, этот Жан Франсуа. Высокий, бородатый, крепкий, с бычьей шеей и плечами грузчика из Шербура. Но имел одну лишь тяжкую для жизни особенность — нежную, легкоранимую душу, чуткую, чистую. Иначе, наверное, он не стал бы тем великим Милле, которым гордится Франция сегодня. Мы подчеркиваем слово «сегодня», ибо он почти всю свою жизнь провел в неизвестности. Но это все ему еще предстоит пережить. А пока, пока Жан бродит по ночному Парижу. Наконец он нашел меблированные комнаты. Позже Милле вспоминал:

— Всю эту первую ночь меня преследовали какие-то кошмары. Комната моя оказалась вонючей дырой, куда не проникало солнце. Едва рассвело, я выскочил из своего логова и бросился на воздух.

Туман рассеялся. Город, словно умытый, блестел в лучах зари. Улицы еще были пустынны. Одинокий фиакр. Дворники. Тишина. В морозном небе туча ворон. Жан вышел на набережную. Над башнями-близнецами Нотр-Дам висело багровое солнце. Остров Ситэ, как острогрудый корабль, плыл по тяжелым, свинцовым волнам Сены. Вдруг Жан Франсуа вздрогнул. Рядом с ним на скамейке спал бородатый мужчина. Алые лучи солнца коснулись усталого, бледного, изможденного лица, скользнули по поношенному платью, разбитым башмакам. Милле остановился. Какое-то тягостное, неведомое доселе чувство охватило его. Он и раньше видел бродяг, нищих, опустившихся, грязных и пьяных. Это было что-то другое. Здесь, в сердце Парижа, рядом с собором Парижской богоматери особо бесчеловечным казалось это унижение Человека, еще молодого, полного сил, но чем-то не угодившего Городу... Мгновенно мелькнула мысль: «А ведь это мог быть и я». Проходя под темными арками моста, Жан Франсуа увидел еще несколько несчастных мужчин и женщин, спавших вповалку. Он окончательно понял, что Париж не всегда праздник. Если бы он знал, что через десяток лет после упорной учебы, труда и заметных успехов в искусстве он все еще будет стоять на пороге такой же безысходной нужды, неустроенности, краха всех надежд! Все это было скрыто от начинающего художника. Но встреча оставила неизгладимый, тяжелый осадок у него на сердце.

— Так я встретился с Парижем,— вспоминал позже Милле.— Я не проклинал его, но меня охватывал ужас оттого, что я ничего не понимал ни в его житейском, ни в духовном бытии.

Париж. Пришли первые тревоги и заботы и... грусть. Да, грусть, которая не покидала его ни на один день, даже в самые счастливые минуты. «Полно!— воскликнет читатель.— Да молодой Милле, очевидно, был законченным меланхоликом и мизантропом!» Нет! Дело в том, что

Жан Франсуа Милле (1814—1875). КРЕСТЬЯНКА, СТЕРЕГУЩАЯ КОРОВУ. 1859.

Бург ан Бресс. Музей.

Жан Франсуа Милле. СОБИРАТЕЛЬНИЦЫ ХВОРОСТА. 1860-е годы

Москва. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Жан Франсуа Милле. ДЕТСКАЯ КАШКА. 1860-е годы.

Жан Франсуа Милле. СОБИРАТЕЛЬНИЦЫ КОЛОСЬЕВ. 1857.

Париж, Лувр.

Жан Франсуа Милле. ПРЯХА. (ОВЕРНСКАЯ ПАСТУШКА). 1869—1874. Париж. Лувр.

Жан Франсуа Милле. СТОГА. 1872.

Москва. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Жан Франсуа Милле. АНЖЕЛЮС. 1859.

Париж. Лувр.

воспитанный в пуританском духе, в патриархальной крестьянской семье юноша не мог принять парижский образ жизни. В те дни люди еще мало употребляли слово «несовместимость», наука еще не определила важное место этого понятия в биологии, в медицине, в жизни человека. Очевидно, молодой Милле дал нам один из ярких примеров этой самой несовместимости. Ему предстоит еще много пережить и перестрадать в Париже. Нельзя сказать, что у него совсем не было светлых минут. Но их было до ужаса мало.

«Я не проклинаю Париж». В этих словах весь Милле. Благородный, открытый, лишенный чувства зла или мести. Двенадцать лет предстоит ему прожить в этом городе. Он прошел здесь большую жизненную школу... Учился живописи у шикарного, но пустого Делароша — короля Салонов, который говорил про Милле: «Ты ведь не такой, как все, ни на кого не похож». Но, отмечая своеобычие и твердую волю ученика, Деларош добавлял, что непокорному Милле нужна «железная палка». Здесь сокрыта еще одна из основных черт характера начинающего живописца — непреклонная воля, которая отлично уживалась в его душе с нежностью и добротой.

Милле с самых ранних шагов в искусстве не принимал ложь, театральность, слащавую салонность. Он говорил: «Буше просто селадон». О Ватто художник писал, иронизируя над фальшивой жеманностью персонажей его полотен, всех этих маркиз, тонконогих и субтильных, затянутых в тугие корсеты, бескровных от бессонных балов: «Они напоминают мне кукол — набеленных и нарумяненных. И как только окончится представление, всю эту братию свалят в ящик, и там она будет оплакивать свою судьбу». Его мужицкое нутро не принимало изысканную театральность. Жан Франсуа еще юношей пахал землю, косил, убирал хлеб. Он знал, черт побери, цену жизни, он любил Землю и Человека. Поэтому ему было не по пути с Деларошем, вся школа которого строилась на чисто внешнем видении мира. Его ученики прилежно копировали, рисовали античные скульптуры, но почти ни один из них не знал жизнь. Сверстники подтрунивали над Жаном Франсуа, считая деревенщиной, но боялись его силы. За ним укрепилось прозвище «лесной человек». Молодой живописец усердно трудился и... молчал. Но кризис назревал. Милле решил стать самостоятельным. Мы были бы неправы, если бы не подчеркнули всю рискованность этого шага. Нищий ученик, не имеющий в Париже ни кола ни двора,— и корифей Салона, баловень парижских буржуа, воспетый прессой «великий Деларош». Это был бунт! Но Милле чувствовал силу и правоту своих убеждений. Он бросает мастерскую Делароша. Учитель пытается вернуть ученика. Но Милле непреклонен. Это было продолжение той самой несовместимости, которая, как известно, отторгает пересаженное чужое сердце из организма. Милле-«нормандец» никогда не мог стать Милле-«парижанином». Молодой художник больше всего ценил личную свободу и правду искусства. Вот девиз всей его жизни:

«Меня никто не заставит кланяться! Не заставит писать в угоду парижским гостиным. Крестьянином я родился, крестьянином и умру. Всегда буду стоять на моей родной земле и не отступлю ни на шаг». И Милле не отступал ни перед Деларошем, ни перед Салоном, ни перед голодом и нищетой. Но чего ему это стоило! Вот сцена из жизни Милле, которая расскажет нам о многом.

Мансарда. Изморозь на разбитом окне, заклеенном полосками бумаги. Ржавая, давно погасшая печурка. Перед ней груда золы на железном листе. Седой иней на гипсовых античных торсах, на сваленных грудах подрамников, холстов, на картонах и мольберте. На большом сундуке, где хранятся этюды и эскизы, сидит сам Милле. Большой, коренастый. Он очень изменился со дня своего приезда в Париж. Черты лица обострились. Глаза глубоко запали. В густой бороде появились первые нити серебра. Одиннадцать лет жизни в Париже не пустяк! Особенно если у тебя свой собственный суровый путь в искусстве, если ты не обиваешь пороги буржуазных гостиных, не лицедействуешь, не становишься мягким... Быстро темнело. Масло в лампе кончалось. Обугленный фитиль лишь тлел, по временам ярко вспыхивая, и тогда по сырым стенам студии бродили, ползли несуразные багровые тени. Наконец, огонек лампы сверкнул последний раз. В мансарду ворвались синие сумерки. Стало совсем темно. Сгорбленная, съежившаяся от холода фигура художника черным силуэтом рисовалась на фоне расписанных морозом стекол. Тишина. Только по потолку ателье бежали, бежали голубые, лиловые озорные блики — огни Парижа, «самого веселого города мира». Где-то за стенами студии кипела, бурлила сытая, роскошная жизнь буржуазной столицы, сверкали рестораны, гремели оркестры, мчались экипажи. Все это было так далеко и, впрочем, так близко... Почти рядом. Но только не для художников, ищущих язык правды, не угождавших вкусам Салона. Внезапный скрип нарушил печальную тишину.

— Войдите,— почти прошептал Милле.

В мастерскую проник пучок света. На пороге стоял Сансье, друг живописца. Он принес сто франков — пособие для художника.

— Спасибо,— промолвил Милле.— Это очень кстати. Мы уже два дня ничего не ели. Но хорошо, что хоть дети не страдали, у них все время была еда...— Он позвал жену.— Я пойду купить дров, потому что мне очень холодно.

Больше он не добавил ни слова, вспоминает Сансье.

Думается, что комментировать эту сцену, рисующую быт одного из великих художников Франции, неуместно. В том году Милле уже исполнилось тридцать четыре года, он успел создать ряд превосходных портретов, кстати, исполненных в лучших традициях французского искусства. Среди них замечательное полотно, изображающее любимую бабушку Жана Франсуа — Луизу Жюмелен, столько сделавшую для становления характера будущего мастера. «Портрет Полины Виржини Оно», первой жены Милле, рано умершей, не вынесшей тяжких лишений жизни в Париже, написан тонко, лирично. В колорите, композиции, лепке формы чувствуется рука великолепного живописца. О, если бы Милле избрал дорогу модного портретиста! Его семья, он сам никогда не знали бы невзгод. Но карьера модного художника не нужна была молодому Жану Франсуа. Он не хотел повторить трагедию неведомого ему гоголевского Чарткова. Милле стоял уже на пороге создания шедевров. Для этого нужен был еще один удар судьбы, еще одно испытание. И оно наступило.

...У Милле была семья, дети. Надо было хоть как-то зарабатывать на хлеб насущный. И молодой художник, наступая на горло собственной песне, изредка исполнял мелкие заказы на сюжеты из древних мифов. Жан Франсуа скрепя сердце писал безделушки, думая, что все эти картинки канут в Лету и о них можно будет забыть... Но в жизни ничто не проходит бесследно!

В один из погожих весенних дней Милле бродил по Парижу. Он не ощущал всей прелести весны. Неотступны были мысли о жизненных неудачах, безденежье, а главное, о бесцельной трате времени на мелкие заработки. Тоска все усиливалась, тоска по Нормандии, по раздольным полям, высокому небу родины. Ему виделись дом, мать, бабушка, близкие. Он тосковал. Март окрасил пейзаж города в светлые, ликующие цвета. Лазурное небо опрокинулось в бирюзовые лужи, по которым плыли розовые, сиреневые облака. От нагретых камней мостовой поднималось дрожащее, прозрачное марево. Весна набирала силу. Внезапно Жан Франсуа остановился у книжной лавчонки, в витрине которой были развешаны пестрые литографии, сусальные репродукции с картин, разложены книги. Около витрины хихикали двое пожилых мужчин, разглядывая фривольные сцены из мифологии, где резвые юные богини веселились с мускулистыми, хорошо сложенными молодыми богами. Милле подошел ближе и среди репродукций увидел свою картину. Она показалась ему чудовищно слащавой. И в довершение всего услышал: «Это Милле, он ничего, кроме этого, не пишет». Сын крестьянина, уроженец Нормандии, мастер, который глубоко в душе презирал этот сусальный жанр, он, Жан Франсуа Милле, посвятивший весь жар своего сердца крестьянской теме, был убит! Оскорбленный, униженный, не помнил, как добрел домой.

— Как хочешь,— сказал Милле жене,— а я больше не буду заниматься этой мазней. Нам, правда, будет еще труднее жить, и тебе придется мучиться, но я буду свободен делать то, к чему уже давно рвется душа!

Его верная супруга, разделившая с ним долгую жизнь, радости, невзгоды и лишения, Катрин Лемэр ответила кратко:

— Я готова! Делай, как хочешь...

В жизни каждого истинного художника наступает минута, когда он должен переступить некий незримый порог, отделяющий его, молодого человека, полного иллюзий, надежд, высоких стремлений, но еще не сказавшего с в о е г о слова в искусстве, не создавшего еще ничего кардинального, от момента, когда перед ним встает во всей своей огромности задача — найти и отдать людям н о в у ю к р а с о т у, еще никем не открытую, еще неведомую, никем не высказанную.

В тот миг, когда Милле принял решение голодать, но не позорить свою кисть, размениваясь на салонные академические поделки, родился тот самый «Данте деревенщины, Микеланджело мужичья», которого сегодня знает весь мир.

Как важно в час принятия решения иметь рядом человека, готового идти с тобой на подвиг. Сколько дарований, талантов, более слабых по характеру, нашли себе гибель в любви своих дорогих супруг к золотым безделушкам, мехам и всем тем бесконечно ласкающим самолюбие мелочам, которые входят в банальное понятие «светская жизнь»!

Милле был не одинок. Кроме верной, преданной и умной жены — дочери простого рабочего из Шербура,— рядом с ним были всегда его советники, великие художники прошлого — Мантенья, Микеланджело, Пуссен. В самые горькие, казалось, безнадежные минуты парижского бытия существовал дом, в котором Милле всегда находил добрый совет и мог отдохнуть сердцем и душой. Это был Лувр! Начиная с самых первых дней пребывания в Париже самыми светлыми часами в жизни молодого Жана Франсуа стало общение с великими мастерами прошлого, с их искусством.

— Мне показалось,— говорил Милле о Лувре,— что я нахожусь в давно знакомой стране, в родной семье, где все, на что я смотрел, предстало передо мной как реальность моих видений.

Молодой художник глубоко чувствовал великую простоту и пластику итальянских художников XV столетия. Но больше всех молодого живописца потрясал Мантенья, обладавший непревзойденной мощью кисти и трагическим темпераментом. Жан Франсуа рассказывал, что такие живописцы, как Мантенья, обладают несравненной силой. Они словно бросают нам в лицо охапками радости и горести, которыми они преисполнены. «Были минуты, когда я, глядя на мучеников Мантеньи, чувствовал, как стрелы св. Себастьяна вонзаются в мое тело. Такие мастера обладают магнетической силой». Но, конечно, истинным божеством для молодого мастера был гигант высокого Ренессанса — Микеланджело. Вот слова, в которых отражена вся его любовь, все преклонение перед гением Буонарроти:

— Когда я увидел рисунок Микеланджело,— рассказывал он,— изображающий человека в обмороке, то очертание этих расслабленных мускулов, впадины и рельефы этого лица, помертвевшего от телесных страданий, вызвали у меня странное ощущение. Я сам испытывал его страдания. Я жалел его. Я страдал в его теле и чувствовал боль в его членах... Я понял,— продолжал Милле,— что тот, кто создал это, способен воплотить все добро и все зло человечества в одной-единственной фигуре. Это был Микеланджело. Назвать это имя — значит сказать все. Давно, еще в Шербуре, я видел несколько его слабых гравюр, но теперь я услышал биение сердца и голос этого человека, чью неодолимую власть над собой я чувствовал всю мою жизнь.

Может быть, кому-то и покажется странной такая «неврастеничность», такая необычайная чувствительность у парня, обладавшего цветущим здоровьем и незаурядной силой, человека с могучими руками пахаря и душой ребенка. Но, может, в этой самой «сверхчувствительности» и был тот психологический импульс, который породил феномен, имя которому — Жан Франсуа Милле. Это не значит, что молодому мастеру была присуща хоть на йоту какая-нибудь инфантильность. Послушайте, что он говорит о процессе создания картины и о французском художнике Пуссене:

«Картину надо сначала создать в уме. Художник не может сделать так, чтобы она сразу выросла у него живая на полотне,— он осторожно, одно за другим, снимает покрывала, которые ее прячут». Но ведь это почти слова Пуссена: «Мысленно я уже видел ее перед собой, а это главное!»

Огромно было влияние на процесс возмужания молодого таланта таких выдающихся мастеров мирового искусства, как Микеланджело, Мантенья, Пуссен. Их незримая помощь свершила истинное чудо. Сельский парень, провинциал, учившийся в мастерской банальнейшего Делароша, испытав на себе чары парижской академической и салонной живописи, все же выстоял и нашел в себе силу создать картины, покорившие в конце концов и растленнейший Салон и его адептов — желтых журналистов и газетчиков. С первых шагов в искусстве Милле было присуще высокое чувство ответственности художника. Прислушайтесь к его словам:

— Красота не в том, что и как изображено на картине,— а в прочувствованной художником необходимости изобразить виденное. Сама эта необходимость порождает силу, потребную для выполнения задачи.

«Прочувствованная необходимость» — это та самая высокая гражданственность, та чистота духовного порыва, чистота сердца, которая помогала Милле быть верным п р а в д е искусства. Милле не раз говорил с чувством горечи:

— Искусство у нас — просто отделка, украшение гостиных, тогда как в старину, и даже в средние века, оно было столпом общества, его совестью...

«Совесть общества». Все можно было сказать о парижском Салоне: великолепный, блистательный, ослепительный, грандиозный. Но, увы, у салонного искусства не было совести. Это творчество было шикарным, искрометным, душещипательным, если хотите, даже виртуозным, но короткое слово п р а в д а было здесь не в чести. Парижский Салон лгал! Он говорил неправду в огромных, саженных махинах с пышными декорациями, на фоне которых жестикулировали и декламировали герои мифов — боги и богини, шлемоблещущие римские императоры, владыки древнего Востока. Вымышленными, ходульными, фальшивыми были дутые мышцы, эффектные драпировки, немыслимые ракурсы, потоки огня и крови в бесконечных вакханалиях и битвах, созданных салонными корифеями. Обольстительные пейзане изображали счастливых граждан Франции — страны веселья и радости. Но сытые и дебелые, ликующие пейзане и пейзанки, разыгрывавшие немудреные жанровые сценки «из сельской жизни», были тоже по меньшей мере высосанной из пальца сказкой — так далеки были те лакированные холсты от жизни. Это художество — лакейское, пустое, и пошлое, заполняло стены Салона. В воздухе вернисажа витал аромат духов, пудры, фимиама, ладана. И вдруг в атмосферу этого благовония ворвался свежий ветер полей, аромат лугов, крепкий запах мужицкого пота. В Салоне появился Милле. Это был скандал!

Но прежде чем рассказать о сражениях Жана Франсуа Милле с парижским Салоном, хочется разобраться, кому нужно было такое скопление пошлости и безвкусицы. Зачем нужен был Салон и его без конца сменяющиеся модные владыки — львы светских гостиных, корифеи вернисажей. На этот вопрос лучше всего ответил великий Жан-Жак Руссо:

«Государи всегда с удовольствием взирают на распространение среди своих подданных склонностей к доставляющим лишь приятное развлечение искусствам... Таким путем они воспитывают в подданных душевную мелочность, столь удобную для рабства».

Живопись парижского Салона, несмотря на крупноформатность полотен и грохот феерических композиций, полностью соответствовала «воспитанию в подданных мелочности». Не менее способствовали этому бесконечные полотна с обнаженными и полуобнаженными нимфами, пастушками, богинями и просто купальщицами. Парижскую публику Салона — мелких буржуа, мещан — вполне устраивал такой маскарад, подменяющий жизнь. И публика ликовала. В воздухе Салона царили благопристойность, благолепие и некая комильфотность, но иногда эта атмосфера взрывалась художниками-новаторами: Жерико, Делакруа, Курбе... Среди возмутителей спокойствия был и Милле.

Представьте хоть на миг расфранченную, надушенную, изнемогающую от тесноты и духоты публику парижского Салона второй половины прошлого века. Огромные залы этого «святилища искусства» набиты до отказа сотнями, сотнями полотен. Стоны первых христиан, лязг мечей гладиаторов, рев библейского потопа, сладкие мелодии пастушьих пасторалей льются со стен Салона. Какими только ухищрениями колорита, какими головоломными ракурсами, таинственными сюжетами, сладчайшими ню не был уснащен очередной вернисаж! Какое раздолье пошлости, какое море фальши и безвкусицы! И вот посреди всей этой золоторамной феерии перед пресыщенными зрителями предстает маленький холст.

«Человек с мотыгой». Автор — Жан Франсуа Милле. Размер 60 × 76 сантиметров. Год создания — 1863-й...

Человек. Один. Стоит среди бескрайнего поля. Он устал. И на миг оперся на мотыгу. Мы слышим его прерывистое дыхание. Ветер доносит до нас треск горящих костров, острый запах мужицкого пота. Горький аромат горящей травы ест глаза. Крестьянин в белой грубой рубахе. Рваные, старые штаны. Сабо. Лицо, темное от загара, опаленное солнцем. Впадины глазниц подобны античной маске. Открытый рот жадно ловит воздух. Тяжелы кисти натруженных рук с корявыми, узловатыми, как корни деревьев, пальцами. Блестит на солнце металл мотыги, отполированный о жесткую землю. Крестьянин вглядывается в окружающую его нарядную толпу. Он молчит. Но от его немоты еще страшнее вопрос, заложенный в крутых надбровьях. «Почему?» — вопрошают незримые глаза, сокрытые тенью. «Почему?» — спрашивают изуродованные непосильным трудом руки. «Почему?» — задают вопрос опущенные плечи, согнутая, покрытая потом спина человека, сгорбленного раньше времени. Гудит, гудит свободный ветер, разгуливая по поросшему бурьяном и репейником пустырю. Нещадно палит солнце, обнажая всю неустроенность, одиночество Человека. Но ни ветер, ни

Жан Франсуа Милле. ЧЕЛОВЕК С МОТЫГОЙ. 1863.

солнце, ни само небо не могут ответить, почему этот далеко не старый человек должен с самой колыбели до гробовой доски жить в нищете, работая от зари до зари. И все же, несмотря на все лишения и беды, он могуч, он велик, этот Человек! И он страшен. Страшен своим безмолвием. Представьте себе, как исказились гримасой удивления, ужаса, презрения только что любезные, веселые, разрумяненные личики прекрасных зрительниц Салона и их лоснящихся от благополучия кавалеров. Человек молчит. Хотел или не хотел того Жан Франсуа Милле, но в немом вопросе, заложенном в маленьком полотне, весь пафос обличения несправедливости существовавшего строя. Для этого ему не нужно было городить многосаженную махину, населять ее десятками размахивающих руками статистов, не надо было жечь бенгальские огни пустословия. В том-то и сила Милле, сила пластического воплощения художественного образа. Единственного, неповторимого, лишенного какой-либо ходульности. Потому что в основе каждой картины, большой или маленькой, должна лежать художественная правда. То, что отмечает творчество столь разных мастеров, таких, как Микеланджело, Рембрандт, Гойя, Суриков, Курбе, Милле, Домье, Мане, Врубель, Ван Гог.

Но не пора ли нам вновь вернуться к самому Жану Франсуа Милле, которого мы оставили в Париже принимать важное решение — «бросить мазню и начать новую жизнь»?

Слова Милле не расходились с делом. У него был мужицкий, твердый характер и чисто нормандское упорство. В 1849 году он с семьей покидает Париж со всем его блеском, суетой, шумом и той каждодневной круговертью, которая бесконечно мешала Жану Франсуа, не давала ему писать заветные полотна. Он приезжает в Барбизон, глухую деревушку. Милле думал, что он поселится тут на сезон — порисовать, пописать. Но судьба рассудила иначе. Художник прожил здесь до своей кончины в 1875 году, более четверти века. В Барбизоне он создал свои лучшие холсты. И сколь трудно ему ни приходилось — рядом была земля, любимая, родная, была природа, простые люди, друзья. Одним из самых близких его товарищей по искусству стал Теодор Руссо, замечательный французский пейзажист. Вот отрывок из письма, которое Милле послал в Париж, к Руссо, когда тот временно, по делам, уехал из Барбизона:

«Не знаю уж, каковы Ваши замечательные торжества в Соборе Парижской богоматери и городской ратуше, но мне более по душе те скромные празднества, которыми встречают меня, едва только я выхожу из дому, деревья, скалы в лесу, черные полчища ворон в долине или какая-нибудь полуразвалившаяся крыша, над которой вьется дымок из трубы, затейливо расплываясь в воздухе,— и ты узнаешь по нему, что хозяйка стряпает ужин для усталых работников, которые вот-вот прибредут с поля домой; или маленькая звездочка вдруг блеснет сквозь облако,— мы один раз любовались такой звездой после великолепного заката; или покажется вдалеке чей-то силуэт, медленно поднимающийся в гору, да разве можно перечислить все, что дорого тому, кто не считает, что грохот омнибуса или пронзительный скрежет уличного жестянщика — самые лучшие вещи на свете. Только не всякому признаешься в таких вкусах: есть ведь господа, которые называют это чудачеством и награждают нашего брата разными противными кличками. Я только потому и признаюсь Вам в этом, что знаю — вы страдаете тем же недугом...»

Надо ли что-нибудь добавлять к этому крику душу, влюбленной в тихую прелесть бессмертной природы. Милле не раз говорил, что нет ничего приятней, как улечься в папоротниках и смотреть на облака. Но особенно он любил лес.

— Если бы вы только видели, до чего хорош лес! — говорил он.— Я иногда ухожу туда под вечер, когда кончу денную работу, и всякий раз возвращаюсь домой в смятении. Какое страшное спокойствие и величие! Порой меня в самом деле охватывает страх. Не знаю уж, о чем перешептываются эти ракальи-деревья, но какой-то у них идет разговор, и мы только потому не понимаем их, что говорим на разных языках, вот и все. Не думаю, чтобы они просто так судачили.

Но живописец не видел в деревне, в окружающих его полях лишь идиллию, некий Эдем. Вот примерно его слова, в которых вы явственно чувствуете рождение сюжета «Человека с мотыгой», уже известного вам по парижскому Салону 1863 года:

— Я вижу и венчики одуванчиков и солнце, когда оно встает далеко-далеко отсюда и пламя разгорается среди облаков. Но я вижу еще и лошадей в поле, дымящихся от пота, когда они везут плуг, и на каком-нибудь каменистом участке — человека, выбивающегося из сил; он трудится с раннего утра; я слышу, как он задыхается, и чувствую, как он с усилием распрямляет спину. Это трагедия среди великолепия — и я здесь ничего не придумал.

...Где-то далеко был Париж, Салон, недруги. Поистине казалось, что жизнь можно «начать сначала». Но не тут-то было. Большая семья требовала средств, а их не было. Живопись тоже была недешевым занятием. Краски. Холсты. Модели. Все это деньги, деньги, деньги. И вновь и вновь перед Милле вставал неотступный вопрос: как жить? В пору создания своей лучшей картины — «Собирательницы колосьев», в 1857 году, художник был в отчаянии, на пороге самоубийства. Вот строки из письма, раскрывающего безысходность нужды Милле.

«На сердце у меня сплошной мрак,— писал он.— А впереди все черным-черно, и эта чернота надвигается... Подумать страшно, что будет, если мне не удастся раздобыть денег на ближайший месяц!»

Переживания художника обострились тем, что он не мог видеть свою любимую мать. Не было средств, чтобы поехать навестить ее. Вот письмо матери к сыну, уже известному художнику, но, к несчастью, не имевшему несколько лишних франков, чтобы посетить родное селение Грюши.

«Бедное мое дитя,— писала мать,— если бы ты только приехал, пока еще не наступила зима! Я так истосковалась, только и думаю — хоть бы еще разок поглядеть на тебя. Для меня уже все кончено, одни только мучения остались мне да смерть впереди. Все тело у меня болит, и душа разрывается, как подумаю, что станется с тобой, безо всяких средств! И нет мне ни покоя, ни сна. Ты говоришь, что тебе очень хочется приехать повидаться со мной. А уж мне-то как хочется! Да, видно, у тебя нет денег. Как же ты живешь? Бедный мой сынок, как подумаю обо всем этом, просто сердце не на месте. Ах, я все-таки надеюсь, что, бог даст, ты вдруг соберешься да приедешь, когда уж я тебя совсем и ждать перестану. И жить мне невмоготу, и умереть не хочу, так хочется повидаться с тобой».

Мать умерла, так и не повидавшись с сыном.

Таковы страницы жизни Милле в Барбизоне. Однако Жан Франсуа вопреки всем невзгодам, горю, отчаянию писал, писал, писал. Именно в годы самых жестоких лишений он создал свои шедевры. Таков ответ истинного творца на удары судьбы. Работать, работать — вопреки всем бедам!

Первым шедевром, созданным в Барбизоне, был «Сеятель». Он написан в 1850 году.

...Широко шагает Сеятель. Гудит пашня. Он идет величаво, неспешно. Через каждые три шага правая рука его достает из мешка горсть пшеницы, и вмиг взлетает перед ним золотая россыпь зерен. Взлетает и падает в черную влажную почву. Эпической мощью веет от этого маленького холста. Человек. Один на один с Землей. Не герой античного мифа — простой мужик в изношенной рубахе, в разбитых сабо шагает, шагает по широкому полю. Кричат вороны, взметнувшиеся над краем пашни. Утро. В сизом мареве на косогоре — упряжка волов. Весна. Небо белесое, холодное. Зябко. По лицу землероба блестит. Пот, горячий пот залил словно кованное из меди лицо. Первозданная, древняя тайна рождения новой жизни озаряет полотно Милле. Суровая романтика обыденности пронизывает картину. Навстречу развращенному, изнеженному зрителю парижского Салона шагнул истинный Герой истории рода человеческого. Не библейский святой, не восточный владыка, не Цезарь — сам Его Величество народ предстал на холсте Милле... Великое безмолвие весны. Воздух звенит от пробуждающихся соков Земли, набухшей от росы. Почти осязаемо чувствуешь, как дышит пашня, разбуженная плугом, готовая принять животворное семя. Широко, широко шагает Сеятель. Он улыбается, он видит десятки, сотни, тысячи своих братьев, идущих рядом с ним в это светлое утро и несущих Земле, людям новую жизнь. Он видит море, море хлебов. Плоды трудов рук своих.

В Салоне взорвалась бомба! Таков был резонанс, вызванный этим маленьким холстом. Досужие борзописцы договорились до того, что увидели в пригоршне зерна в руках сеятеля «угрозу простолюдина». Он-де, мол, бросает не зерна, а... «картечь». Вы скажете — бред? Возможно. Но, как говорится, слово не воробей. Итак, скандал состоялся. «Нищенским стилем» обозвали манеру живописи Милле. Сам мастер не без юмора говорил, что когда он видит свои полотна рядом с вылощенными, лакированными холстами Салона, «то ощущает себя человеком в грязных башмаках, попавшим в гостиную».

Подобно Виргилию, Милле неторопливо разворачивал перед зрителем эпопею сельской жизни. Школа Мантеньи, Микеланджело, Пуссена позволила ему создать свой язык — простой, монументальный, предельно честный. Любовь живописца к природе, к Земле — любовь сына. Мало у кого из художников нашей планеты за всю историю так ощущаешь эту невидимую пуповину, связывающую Человека с Землей.

Было бы несправедливым сказать, что истинные ценители искусства не заметили «Сеятеля». Вот что писал Теофиль Готье:

«Мрачное рубище одевает его (сеятеля), голова покрыта каким-то странным колпаком; он костист, тощ и изнурен под этой ливреей нищеты, и, однако же, жизнь исходит от его широкой руки, и великолепным жестом он, у которого ничего нет, сеет на земле хлеб будущего... Есть грандиозность и стильность в этой фигуре с мощным жестом и гордой осанкой, и кажется, что он написан той землей, которую он засевает».

Но это были лишь первые ласточки признания. До большого успеха было еще очень, очень далеко. Главное, «Сеятель» не оставил никого из зрителей безучастным, равнодушным. Были лишь «за» или «против». А это значило очень много.

«Собирательницы колосьев». 1857 год. Одна из самых значительных картин Милле. Пожалуй, апофеоз его творчества. Это полотно создано в годы самых тяжких житейских испытаний.

Август. Выжженное зноем жнивье. Немилосердно палит солнце. Ветер, горячий, пахнущий пылью, доносит стрекот кузнечиков, глухой людской говор. Колосья. Хлеб наш насущный. Колючая стерня жесткой щетиной встречает руки женщин, ищущих колоски. Голод, грядущая зима согнали сюда этих женщин. Деревенская голь. Беднота. Бронзовые, темные от загара лица. Выгоревшая одежда. Все приметы безысходной нужды. «Свидетельство о бедности» — бумага дает право собирать колоски, и это считается благодеянием. Великая милость пожаловать беднякам крохи с барского стола. У края поля — огромные скирды, возы, груженные до предела снопами. Урожай богат! Но все это изобилие не для этих женщин, согнувшихся в три погибели. Их удел — нужда. Сборщицы колосьев. Ведь это сестры, жены могучего Сеятеля. Да, они собирают ничтожную часть от обильного посеянного им урожая. И снова, хочет или не хочет Жан Франсуа Милле, перед нами во всей своей грандиозности встает вопрос: «Почему?» Почему все изобилие, все богатство земли попадает не в те руки? Почему труженик, взрастивший урожай, влачит нищенское существование? А иные? И опять, хотел этого или нет автор, гражданственность его холста потрясает священные устои современного ему общества. Молчат три женщины, собирая колоски. Мы не видим выражение лиц. Предельно скупы их движения, в которых нет ни на йоту протеста, а тем более бунта. И, однако, досужему критику из газеты «Фигаро» померещилось нечто подобное. Он вопил с газетной полосы: «Удалите маленьких детей! Вот проходят сборщицы г. Милле. Позади этих трех сборщиц на мрачном горизонте вырисовываются пики народных восстаний и эшафоты 93 года!»

Так правда бывает порой страшнее пуль и картечи. Картины Милле утвердили новую красоту в искусстве Франции девятнадцатого века. Это была «необыкновенность обыкновенного». Правда. И только правда.

Жизнь продолжалась. Через два года после создания «Собирательниц колосьев» Милле, уже широко известный художник, пишет одному из друзей. Письмо датировано 1859 годом, годом создания «Анжелюса»:

«Дров у нас осталось дня на два, на три, и мы просто не знаем, что делать, как достать еще. Через месяц жене родить, а у меня ни гроша...»

«Анжелюс». Одна из самых популярных картин мирового искусства. Сам Милле так рассказывает о зарождении ее сюжета: «Анжелюс» — это картина, которую я писал, думая о том, как некогда, работая в поле и заслышав звон колокола, бабушка не забывала прервать нашу работу, чтобы мы благоговейно прочитали... «Анжелюс» за бедных умерших».

Сила картины в глубоком уважении к людям, трудившимся на этом поле, любившим и страдавшим на этой грешной земле. В гуманистическом начале причина широкой известности этого полотна.

Шли годы. Милле все глубже и глубже проникал в самую суть природы. Его пейзажи, глубоко лиричные, необычайно тонко решенные, поистине звучат. Они являются как бы ответом на мечту самого живописца.

— Ах, как я хотел бы,— говорил Милле,— заставить тех, кто смотрит на мою работу, увидеть все великолепие ночи, услышать и пение, и тишину, и шорохи в ночном воздухе; я хотел бы сделать бесконечность осязаемой.

«Стога». Сумерки. Сиреневая, пепельная мгла. Медленно, медленно плывет по небу жемчужный парус молодой луны. Пряный, горький аромат свежего сена, густой запах теплой земли напоминают о сверкающем солнце, многоцветье лугов, ярком летнем дне. Тишина. Глухо звучит цокот копыт. Бредут усталые кони. Словно из земли вырастают огромные стога. А ведь совсем недавно ветер доносил звонкий девичий смех, хохот парней, холодный визг стальных кос — размеренный, жесткий. Где-то рядом еще кипела работа косарей. Темнеет. Стога словно тают в наступающем мраке. И вот в застывшем, густом воздухе откуда-то из лиловой мглы донесся печальный, долгий крик неведомой птицы. Зажглась первая звезда. Наступила ночь. Художнику удалось в этом полотне передать чарующую мелодию сумерек, звуки уходящего дня, музыку надвигающейся ночи. Он раскрыл нам поэзию прозы сельской жизни. Сансье говорил, что Милле работал так «легко и естественно, как поет птица или раскрывается цветок». «Стога» — полное подтверждение этим словам. Художник к концу жизни достиг полной раскованности и непостижимой тонкости валеров.

В 1874 году Жан Франсуа Милле пишет свой последний холст — «Весна». Ему шестьдесят лет. Это его завещание...

«Весна». Прошел ливень. Весь мир, будто умытый, засверкал свежими колерами. Еще грохочет вдали гром. Еще, тесня друг друга, ползут по небу седые, свинцовые громады грозовых туч. Полыхнула лиловая зарница. Но победоносное солнце прорвало душный плен облаков и зажгло самоцветную радугу. Радуга — краса Весны. В ней все цвета. Яркая зелень молодых лугов, яркая небесная лазурь, золото спелых нив, фиолетовые краски теней и алый цвет утренних зорь. Пусть хмурится непогода, веселый ветер прогонит аспидные тучи прочь. Весна. Мы слышим, как вольно дышит юная, будто вновь рожденная земля, молодые травы, побеги ветвей. Тихо. Вдруг упала с хрустальным звоном одинокая капля. И снова тишина. Прижались к земле маленькие домики. Высоко-высоко в грозном небе бесстрашно парят белые голуби. О чем-то шепчутся цветущие яблони. Муза мастера юна, как никогда. Вся свежесть, вся радость победы Весны в этом маленьком холсте. Художник, как никто до него, сумел раскрыть в крошечном уголке природы все величие и поэзию окружающего нас мира.

Много веков пройдет, изменится лик планеты, забудутся имена некогда гордых владык, но вечно, вечно будут цвести яблони Барбизона и сверкать радуга юной Весны.

— Нет, я не хочу умирать,— говорил смертельно больной Милле.— Это слишком рано. Мое дело еще не сделано. Оно едва начинается.

Милле был строг к себе. Он ушел, но его имя заняло свое место в ряду великих художников нашей земли, раскрывших людям правду жизни: Горькую и светлую. Суровую и святую. Прекрасную и единственную!

КОКША

Юрий ГРАЧЕВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок И. УШАКОВА

Грузная снасть не просыхала третью неделю, а косяк все шел и шел. Рыба с жестяным стуком падала из сетей на палубы. Трюмы были забиты. Тары не хватало. Не хватало рук. И Аришу то и дело снимали с камбуза: вместе со всеми она разделывала и затаривала пикшу — с матросами-рыбообработчиками наравне.

Третью неделю не была она дома и не ведала, что там творится без нее. Скобарев, старший мастер лова, успокаивал новенькую: «Ничего не случится с твоими пацанами. В крайности, сестрица моя, Лизавета, досмотрит за ними по соседству!»

И в это можно поверить. Потому что Скобаревы были первыми, кто по ее возвращении в родной поселок «Рыбак Беломорья» отнесся к Арине без предубеждения.

Смерть отца заставила ее вернуться. Было время, когда она покинула свой кров, обидевшись на отцовы попреки. Старик жалел ее, горевал, хотел хоть внуков поселить у себя, да так и не увидел их.

В поселке при рыбзаводе, где большинство жителей то ли ближняя, то ли дальняя родня, встретили Арину настороженно. Знала, на что решается, приезжая сюда. Но с двумя детьми долго ли можно обитать по чужим углам? Тем более и дед покойный все добро оставил им, своим внукам: и дом, и хозяйство, и лодку-моторку.

Возвращалась с тяжелым чувством. Но в море отдыхает душа. Она ведь росла морячкой. Сыновей у папаши не было — одна дочь. И воспитывал ее по-рыбачьи: с весны по осень хаживала с ним Ариша на лов. Так что не прогадал Скобарев, приняв ее в свою бригаду. Брал кокшу взамен пенсионерки тети Нюши, а получил еще и рыбачку в придачу.

Правда, стряпней отменной не удается похвастать при этакой нагрузке. Макароны, «мясные-консервированные», приходится гнать и рыбку во всех видах: жареную, пареную и так, ломтями. И хоть ребята уписывают за обе щеки, однако успели уже и смешную припевку сочинить про нее:

Кокша кормит пикшей,
Надоевшей пищей!

Услышав в первый раз это пение, она побыстрее дотрамбовала свою бочку и кинулась к Скобареву.

Он стоял у стрелы, вытаскивающей из-за борта серебристый, сетчатый кошель.

— Ты ко мне, Арина Васильевна?

Обращается с ней уважительно, хотя она и много моложе. Мастерству Трофим обучался у ее отца. Должно быть, в память об учителе смотрит Скобарев и на дочь его по-дружественному. Так что жаловаться у Арины пропала охота. Даже попробовала стать на сторону ребят: надоело им, мол, однообразное питание!

— Не робей! — подмигнул он ей одобрительно.— Завтра дома будем, там подразнообразятся...

Как легко с ним и просто. Вот, поди ж ты, ничего особенного не сказал, а отлегло от сердца. И на камбуз к себе она уже с песенкой направилась.

Уехав после ссоры с отцом из поселка, Трофима она почти не вспоминала. Не считал он тогда ее ровней. Уже был женат. А по возвращении узнала, что он давно развелся. Но вникать Арина не стала. И жалобы сестры его Елизаветы на бывшую золовку выслушивала исключительно из благодарности за ту помощь и поддержку, которую по-добрососедски оказали Скобаревы ей и ее детям. Ведь не кто иной, как Трофим, не дал ей и дня просидеть без работы — сразу взял к себе в бригаду. И чтобы не тянуть, даже без окончательного оформления зачислил пока в рейс: как по сезонному набору.

А главное, что и Лиза согласилась присматривать за ее мальчишками. «У меня свои неслухи растут, догляжу и за твоими — пусть вместе пасутся!» — обнадеживала ее соседка.— Тем более дети у тебя смиренные, не то что мои сорванцы».

Два сына— два счастья! И жизнь без них была бы куда скуднее. Даже старший Вася — дитя обмана и обиды, из-за которых сбежала из поселка,— был ей не обузой, а поддержкой. А вскоре в заполярном порту встретила того, кого беззаветно и взаимно полюбила и кто стал ей законным мужем и отцом д в о и х детей — Сенечку-штурмана. Но тут свалилась новая беда — погиб Сенечкин сейнерок в ураганном шторме...

Мальчишками своими она и вправду могла гордиться: и учатся не хуже тех, что с отцами, и ей помогают в охотку. Отродясь ни один из двоих не задавал ей ненужных вопросов. Даже Вася, которому тринадцатый пошел, ни разу не спросил: а кто мой папка?

Он же, папка Васин, между прочим, живехонек.

Оказался Виталий Устрялов диспетчером рыбного порта. Занаряжая ее по временному договору в бригаду Скобарева, он хотел побеседовать с ней и еще о чем-то, но она сделала вид, будто с ним не знакома.

Трудно начинать новую жизнь на старом месте. Но Арина не желала возвращаться к прошлому. И пусть Виталий и вся его многочисленная родня не рассчитывают, что это та самая Аринка Горушина вернулась, с которой можно поступать, как им, Устряловым, заблагорассудится. В обиду ни себя не даст, ни тем более сына.

Некогда спровадили ее Устряловы со двора. Да не одну, фактически, так как вот-вот должен был родиться младенец. А та, какую он по их же выбору взял вместо Арины в жены, оказалась бездетной. И были посланы запросы в Заполярье, где проживала мать-одиночка Горушина А. В. вместе с их наследником Васей Устряловым. Отдай его им! Но суд решил в ее пользу и фамилию присвоил сыну материнскую.

Обсуждая и осуждая всю эту недостойную устряловскую канитель, Елизавета ахала сочувственно, хвалила соседку за стойкость и терпение и радовалась вместе с нею, что худшее позади.

— Как бы не напомнили сыну, вот чего опасаюсь.

— Ну, уж этому не бывать! Снова обидеть тебя мы им ни в жисть не дозволим,— твердо заверила Лиза.— Скобаревы в «Беломоррыбаке» имеют вес. Муж мой — член завкома. И брат не последний парень на деревне...

И теперь в рейсе, когда Трофим сказал Арише — завтра будем дома! — все раздумья и сомненья нахлынули разом. Что там?.. Как там?..

Море было гладким и сверкающим. И Ариша полюбовалась багряным закатом, прежде чем спуститься к себе — перемыть посуду и вздремнуть до предутренней вахты. Но Скобарева вечерняя заря не умиротворила, а, наоборот, затревожила чем-то. И он отвлек кокшу от любования морем.

— Как бы ветерок не вдарил к утру.

— Может, и успеем — управимся? — не сразу оторвала Арина взор от заката.

Однако ветер разгулялся. И качать начало в краткий промежуток между отбоем и первой вахтой, когда надо успеть передохнуть, чтобы к рассвету быть в полной боевой готовности. Жарко ей достается. Но зато и заработок двойной обеспечен.

В полусне размечталась о детях: вырастут, и один станет капитаном или штурманом, а другой в какие-нибудь физики-химики выйдет. Не останутся недоучками, как их мать... И лишь когда «Гольца» начало изрядно покачивать, она, наконец, забылась. Ведь не знавала она сна глубже и безмятежнее, чем в плавании, когда море тебя баюкает, подбрасывая и опуская, как в люльке.

Пробудил ее оклик боцмана Клещени, приземистого, отличающегося громоподобным басом. Но сейчас и его голос доносился глухо, словно с дальнего берега:

— Поднимайсь, кокша! Выходь!

Качало. От ясного вечернего неба и следа не осталось: его скрыли черные лохмы туч. Скобарев собрал всю бригаду на юте. Только нижняя команда и вахтенные матросы были на своих местах. Остальным предстоял аврал.

— Всю затаренную рыбу, чтоб не смыло — с палуб долой! — скомандовал он.

— А куда убирать-то? Трюма скрозь забиты! — сонно почесывая татуированную грудь, возразил молоденький рыбачок Кеша Устрялов, один из племянников Виталия.

— Будем спускать через бункера, в машинное отделение. Так что выполняй, ребята, времени у нас в обрез!

— И чего зазря суетиться, к дому же идем? — гнул Кеша свое.

И тут кокша, возмущенная его равнодушием, подала голос:

— А как смоет бочки — такой улов терять?

— Ну уж тебе-то, приблудной, терять неча...— буркнул Кеша как бы себе под нос, но реплика его донеслась и до Трофима.

— А ну-ка, сосунок, извинись перед женщиной! — потребовал мастер.— И только спробуй — задень кокшу еще раз!

— И чего ты мне сделаешь, если задену?

— За борт выброшу — и все дела! — пообещал Трофим. И получил поддержку от остальных ребят.

— Коли посулил — выбросит, не сумлевайся! — выразил общее мнение траловый матрос Софрин, такой краснолицый дядька, что хоть прикуривай от его щек.— А кокшу ты нашу и впрямь не трожь! Баба она пользительная...

— Смотря для кого,— оставил Кеша последнее слово за собой. И, показав всем ребятам голую — под драным тельником — спину, удалился.

Улучив минутку, Ариша попросила:

— Вы бы, Трофим Иваныч, не заводились с ним. Знаете, какие они, эти Устряловы. Потом и сами не расхлебаете.

— Расхлебаю, не пугай,— заверил он весело.— И сама не пугайся... И что ты меня все по батюшке величаешь —в честь моих ранних седин, что ли? Да и намного ли я тебя старее? — снова улыбнулся ей располагающей улыбкой. Рассмотрев его повнимательнее, она убедилась, что выглядит он хоть и старше ее, но лицо у него волевое, четко вылепленное. Такие нравятся женщинам.

Она как раз тянула вниз десятиметровый брюканец, чтобы прикрыть им незатаренную рыбу, и он принялся помогать ей. Но в тот момент «Гольца» так швырнуло, что их подбросило друг к другу. .Не выпуская из рук промасленного брезента, она покатилась по трапу вниз. И, не поймай ее вовремя Трофим, наверняка бы пострадала. Но он крепко ухватил ее. И, продержав чуть дольше, чем требовалось, шепнул в самое ухо:

— Осторожнее, Ариша!

— Будьте поосторожнее и вы! — предупредила по-своему и она Трофима.

Эта встреча с глазу на глаз скорее удиви-

ла ее, чем обрадовала. Неужто она ему по сердцу? Вот уж не ожидала. Но раздумывать о том было некогда. Шторм разыгрался жестокий. Шалая волна свободно гуляла по палубам и тупо била в надстройки. Команда авралила дружно, так что бочки с рыбой быстро были расставлены по безопасным местам. И после того, как стало очевидно, что богатой добыче ничто не угрожает, кокша смогла вернуться к плите.

Но никто в этот час не помышлял о еде. И когда Трофим появился у нее на камбузе, она удивилась: неужто он один так проголодался?

А оказалось, он ей благодарность принес — от самого капитана «Гольца» Цесарева. Не осталось незамеченным, как она, себя не жалея, спасала улов. И, прикуривая от печного огня, попробовал Трофим облегчить здесь свою душу.

— Не любила меня жёнка,— пожаловался он.

Борщ из замороженных овощей уже вскипал в ведерном бачке. И, досаливая кипящее варево, она спросила:

— А вы-то ее любили, супругу свою?

— Теперь сдается, что нет. А без любви какая может сложиться жизнь?..

— Без любви никакая не сложится! — твердо высказала Ариша и свое мнение.— Но еще хуже — потерять того, кого любишь...

— Возможно, ты и права,— привстал он с макаронного ящика.— Э, да что старое вспоминать!

— Вот и я так считаю,— подхватила она с облегчением.— Не стоит ваше прошлое того, чтобы печалиться о нем. Куда радостнее о том помышлять, что с нами дальше будет!

— А вот за эти слова могу тебе и я сказать спасибо! — поблагодарил ее так, будто и она со своей стороны его поддержала.

Но как ни храбрилась она, как ни отмахивалась отважно, старое само о себе дало знать. Не успели рыбаки сойти на берег, а Лиза тут же преподнесла ей сюрприз:

— Вася твой куда-то подевался. Утром отправился к заводским причалам моторку свою проведать, с тех пор дома не бывал.

Кинулась она к Сенечке, мастерившему в сараюшке турбину для «водяной мельницы».

— Где Вася, ты не знаешь?

— Не видал я, мама,— с трудом оторвался он от непослушных, царапающих ладони жестяных лопастей. Но Митя, Елизаветин сын, сообщил, подумав:

— А я видал. Его дядечка увел — высокий такой и с ясными пуговицами.

— Из портовых, поди,— заключил Сеня. И к Мите: — Что же ты молчал, когда тебя твоя мамка спрашивала?

— Так он велел не болтать,— признался Митя.— И вот чего подарил, чтоб не трепался я! — показал новенький перочинный ножичек.

Со всех ног припустилась Ариша к соседям. Лиза только собрала со стола.

— Его Виталий Устрялов увел с собой,— сообщила понуро.

— Ах, бессовестный! — возмутилась соседка.— Забыл, как выставил тебя на сносях? А ныне больно-то он вам нужен!

— Боюсь, растревожит он Васю, наплетет бог знает чего.

— А ты переговори с ним, чтобы не лез к мальцу.

— Ой, Лизонька, не хватит у меня сердца для такого разговора!

— А меня он и вовсе слушать не станет,— искренне засокрушалась Елизавета.— Как же нам быть-то, вот незадача?..

И тут Трофим, который прилег было вздремнуть после сытной трапезы, натянул вдруг китель, висевший на спинке деревянного кресла, и расчесал у зеркала седеющую, негустую шевелюру.

— Не робей, Ариша, я сам с ним переговорю.

— Вот это правильно, Троша! — сразу воспрянула Лиза.— Вот это по-людски! Ты мужчина, тебя Виталий скорее послушает.

И, подбодренный напутствием сестры, он вышел из дому.

Вася встретился ему по дороге. Заметив соседа, малый хотел свернуть за кирпичную заводскую ограду.

— Ты куда выруливаешь? — задержал его Трофим.— Мамка твоя беспокоится, а ты взял и устрекал без предупреждения!

— А я не сам устрекал,— угрюмо оправдывался Вася, разглядывая охровые пятна на руках, видимо, оставшиеся после ремонта лодки.

— Знаем-знаем... А чего он от тебя добивается, Устрялов этот?

— Чтобы жить я к нему переходил: к отцу и к мачехе.

— Смотри, какой прыткий. Ну, а ты?

— Спрашиваете! Не пойду я к ним. У меня родной дом есть...— И помолчав, добавил: — Тем более он маму ругает зря...

— А ты не слушай его!

— Я и не стал.

— Вот и молодчик! И ступай к дому, тебя там ждут.

Поняв, что наказывать его за это исчезновение никто не собирается, Васек припустил к своему проулку. А Трофим направился к диспетчерской, где ожидал его и вовсе непредвиденный поворот событий.

Устрялов встретил старшего мастера учтиво. Посверкивая нашивками на рукавах форменного пиджака, он полистал какие-то бумаги.

— Вот и добро, что вы сами явились, Трофим Иванович. Должен предупредить вас, что Горушину мы с «Гольца» снимаем.

И, безотрывно глядя в глаза собеседнику, поправил узелок черного галстука. Так он сразу сбил Трофима с наступательного тона.

— За что снимаете? — растерявшись, переспросил Скобарев.

— А за несоответствие занимаемой должности. Вы ее поставили кокшей, а у нее даже диплома поварского нема. Выше судомойки она и не служила.

— Но и у тети Нюши никакого диплома не имелось сроду!

— Тетя Нюша была зачислена в штат. А Горушина взята временно.

— Стало быть, пора переоформить ее постоянно — люди-то нужны.

— Смотря какие люди,— хмыкнул диспетчер. И, склонившись к собеседнику, добавил доверительно: — Нам нужны морально устойчивые женщины, учитывая нашу специфику. Кокша ведь на судне одна, а мужчин полно вокруг... Но, к сожалению, Горушина по этой линии передовому коллективу не может соответствовать. Не тот облик!

— Ну, насчет ее морального облика нам виднее,— успел Трофим взять себя в руки.— Мы с ней вместе плаваем. И ничего, кроме благодарности, она не заслужила.

— А вот к нам поступил сигнал, и довольно убедительный!

— Не иначе как племяш твой, Кешка, накапал. Не так ли?

— Суть не в том, кто просигналил...— терзал он галстучный узелок все сильнее.

— Да резал бы прямо — задело тебя, что мальчишка Аринин не стал сплетен твоих слушать! И не стыдно тебе лезть с этим к ее сыну?

— И к моему сыну, в том числе! А мой обязан быть в курсе, кто из нас правый.

— Твоим вдруг стал? Поздновато. А пока предупреждаю, что Арину Горушину мы в обиду не дадим!

— Мы? — переспросил Устрялов как-то очень уж заинтересованно.— За себя за одного отвечайте, товарищ Скобарев!

— Что ж, можно и так рассудить — я ее в обиду не дам! Я!

— А вот это уже ваше личное дело. Но как мастер передайте Горушиной, чтобы в следующий рейс она не выходила. У меня все!

Дальше Трофим спорить не стал. Возвращался он, обуреваемый тяжелыми сомнениями. Ясно одно: такая новость попросту убила бы Аришу. Только-только обрела она свое место, нашла прочное пристанище, начала оттаивать — приходить в себя, и вдруг так вот сразу, будто камнем, придавить ее? И он решился на то, что задумал с первых дней ее возвращения.

Она ему сразу приглянулась и полюбилась. Но не хотелось ему торопить события и сразу начинать с ухаживаний и объяснений. А теперь стало очевидно, что откладывать нельзя.

Арина ждала Трофима. Она сразу же подметила и его тщетно скрываемую мрачность и как подрагивает кожа, натянувшаяся у скул. Похоже, и над ним взял Виталий верх.

— Вася что-нибудь рассказывал?

— Нет. Молчит. А сама я не стала приставать с расспросами.

— Вот и умница, Ариша. Зачем парня дергать зря... А нам с тобой потолковать бы надобно по душам.— И он закурил, проглатывая слова вместе с дымом.— Ты не удивляйся, Аришенька, я тотчас надумал, как тебя увидел. Но все не знал, с какого конца начать. А теперь вот и начало как бы подсказано...

— Кем подсказано? — переспросила тихо.

— Да тобою же, тобой. Ты очень верно вчера заметила: пора не о том, что было, помышлять, а о том, что будет... Одним словом, ни тебе нельзя дольше одной, ни мне!

— А я и не одна вовсе! — поспешила заверить его Арина.

— Без мужчины, я имею в виду,— торопился он, поглядывая то и дело на мальчишек.

— И мужчин у меня хоть отбавляй!

— Не шути так, не надо! — усмехнулся криво.

— А я и не шучу,— стояла она твердо на своем.— Вон они — Вася и Сеня!

— Тем более,— истолковал он по-своему ее слова.— Им тоже худо будет без защиты.

— Я их и защитю!

— А тебя кто? Некому ведь!

И он продолжал увереннее:

— Помнишь, о чем мы с тобой вчера в шторм говорили? Не сказал тогда, что люблю тебя...

— И правильно, что не сказали! — вскрикнула она испуганно.— Не спешите с этим!

— А чего ждать? Ведь я теперь одного хочу, чтобы в дальнейшем мы с тобой вместе жили... А ты? Ты желаешь этого?

Арина помолчала и, боясь обидеть его, спросила осторожно:

— А как Лиза на это взглянет?

— Ну, сестра-то первая будет довольна. Она тебе сочувствует всем сердцем. И к детя́м твоим привязалась по-родственному...

— И все же лучше вы сходите к сестре — спросите у ней самой,— настойчиво советовала Арина.

Понемногу одумавшись, он согласился.

Елизавета восприняла новость вовсе не так, как ожидал Трофим. Да что это такое, не ослышалась ли она? Ее брат, всеми уважаемый житель поселка, и вдруг такую необдуманность готов совершить! Мало ли женщин на свете без чужих детей и со спокойным прошлым?.. Да и что люди скажут? Одно дело — посочувствовать, даже помочь одинокой матери. Но зачем же жизнью своей при этом жертвовать?!

— Да я ведь люблю Аришу, пойми! — пробовал убедить ее брат.— И для меня жениться на ней никакая не жертва.

А уж в это Лиза и вовсе не могла поверить. И, понимая, что от брата сейчас толку не добьешься, накинула платок и помчалась к Арине.

Та предчувствовала, соседка вот-вот появится. И, торопливо загнав детей в дом, уселась на лавочке перед грядкой с флоксами.

— Садись и ты, Елизавета Ивановна, раздели компанию!

— Не беда, я и постою,— сказала Лиза не своим, приглушенным голосом.— Ты что это, девонька, затеяла? Зачем тебе брат мой понадобился?

— Это ты у него спроси! — гордо повела Арина плечами.— Не я же ему предложение сделала, а он мне.

— Ну, пускай так,— сбавила Лиза тон.— Но ты-то ведь согласилась?

— И не подумала,— едва сдерживала Ариша подступившие к горлу слезы.— Я к тебе его послала за советом. Как ты скажешь, так и будет.

— Это правда? — пристально и строго посмотрела на нее Елизавета.— Ты сама послала?

— Сама. А он разве не спросился у тебя?

На суровом Лизином лице мелькнул проблеск сомнения.

— Его послушать, так вроде у вас все уже слажено и сговорено...

— Не было этого! — убежденно вскрикнула Ариша.

И Лиза, увидав ее слезы, принялась отговаривать горячо и настойчиво:

— Пойми ты, никакой любви у него быть не может. Просто давно он без бабы. А ты такая привлекающая сохранилась. Но тебе-то на кой ляд нужно который раз в дурах оставаться?.. Эх, кому я объясняю!

— И не поясняй,— поспешила успокоить ее Ариша.— Я и сама разобралась: не нужен он мне!

— Серчаешь на меня? — спросила вдруг Лиза участливо.— Не стоит! Войди и ты в мое положение. Я же ему добра желаю! Да и тебе тоже...

— Никаких претензиев у меня не будет.

— Так, значит, обещаешь? — воспрянула духом Елизавета.

— Не свяжу я его, не опасайся.

Шторм утих так же внезапно, как и начался, и «Голец» снова был снаряжен в поход. На рассвете всем было приказано собираться у причалов.

Как ни торопилась Арина, но дел накопилось столько, что к вахте рыбного порта прибежала одной из последних. И сразу углядела Скобарева и Устрялова, стоящих друг против друга. Диспетчер держал в руках список занаряженных в плавание и горячо спорил о чем-то с мастером лова.

Ариша, приблизившись к ребятам, услышала обрывок чьей-то фразы: «...диспетчер кокшу нашу отчислить хочет...» Ей сразу душно стало, словно кто-то перехватил горло. Вот уж чего она никак не могла ожидать. Ведь старалась на борту за двоих — за бабу и за мужика. Так чем же и здесь не угодила?

Наконец бурное собеседование мастера с диспетчером завершилось.

Встав в позу, Устрялов начал будто по-писаному: «Согласно устного распоряжения, полученного мною...» И тут бородатенький парень, что первым напевал шутливую песенку про кокшу и пикшу, громко высказал:

— Ты, Витька, бодягу промеж нас не разводи! Мы нашу кокшу все равно не отдадим!

— Ну, вас-то данный вопрос впрямую, так сказать, не касается! — повысил голос диспетчер.— Я всего лишь до сведения довожу...

— Как это н а с не касаемо? — хрипло пробасил Клещеня.— А кого она кормит: нас или же не нас?

Тотчас и остальные зашумели:

— Ты, Устрялов, первейшую ударницу не забижай! — Краснолицый Софрин сжал кулаки.— Мы с ней не один день в море были — убедились, какой она работник!

А такелажник Брыкин взял да и рубанул наотмашь, что у всех было на уме:

— И личных счетóв сводить с ней за нашей спиной тоже не позволим!

— В общем, я вижу, Горушина успела-таки по-своему повлиять на коллектив — повернуть его не в ту сторону! — усмехнулся диспетчер.

Услышав это обвинение, Ариша вдруг сжалась, как ударенная, и спросила, обращаясь сразу ко всем:

— Может, мне и вправду лучше уйти?

— И не вздумай! — насел на нее Софрин.— И пока он тут лясы точит, айда-ка ты, кокша, с нами на борт!

И ребята, подхватив ее за руки, повели к трапу.

Виталий принялся было удерживать их. Но подоспевший капитан траулера Цесарев, застав переполох в самом разгаре и уяснив, в чем причина, резонно поинтересовался у диспетчера:

— А приказ-то хоть имеется об отчислении? Официальный — за подписью начальника порта?

— Никакой приказ не нужен,— уже не так уверенно ответил Устрялов.— Она же временная.

— Вот мы и позаботимся, чтобы стала постоянной,— кивнул капитан седовласой головой. И скомандовал зычно, чтобы все слышали:— Так что занимайте, Горушина, свой пост на камбузе!

На том и порешили...

ВНИМАНИЕ: НЕОФАШИЗМ!

«ЧЕРНЫЙ ПОРЯДОК» ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ

Последнее время западная печать все чаще публикует сообщения об активизации неофашистских организаций в ряде стран Западной Европы, в особенности в Италии.

Мы попросили прокомментировать эти сообщения корреспондента газеты «Известия» в Риме Вадима Ардатовского.

* * *

Угроза неофашизма в Италии — явление, с которым сталкиваешься повсюду и в самых разнообразных формах. Обратимся к хронике последних дней. Только что в Риме была подложена бомба в прихожей адвоката Ди Джована. К счастью, от взрыва не пострадали люди. За несколько дней перед этим адвокат получил угрожающее письмо за подписью подпольной группы «Черный порядок». На днях в очередной раз было нарушено движение на линии Рим — Флоренция: поступил анонимный телефонный звонок о готовящемся взрыве. Тревога оказалась ложной. Но ведь недавно на этой линии были разобраны рельсы и только чудом не произошло крушения. Еще не забыт и ужасный взрыв на экспрессе «Италикус» с человеческими жертвами. По сей день не осуждены ни виновники взрыва в сельскохозяйственном банке Милана (а прошло пять лет), ни авторы террористических актов в Брешии.

Серия подобных преступлений направлена на проведение в жизнь «стратегии неофашизма», создание в стране атмосферы страха, неверия, безысходности. Сейчас известно о наличии в Италии двух-трех десятков неофашистских групп. Некоторые из них, вроде «Национального фронта» покойного Валерио Боргезе, были в основном составлены из старых, откровенно тоскующих по временам Муссолини кадров. В других — «Розе ветров», к примеру, существенную роль играли офицеры. В третьих — авантюристы анархического типа.

Сенсацией для итальянцев стал тот факт, что были, оказывается, влиятельные люди, знавшие обо всех хитросплетениях заговоров и даже в какой-то мере направлявшие «сверху» подрывную работу этих групп. Жители Италии были поражены тем, что в курсе этих дел был руководитель итальянской военной разведки генерал Мичели. Его агенты занимали высокие посты в «Розе ветров» и в «Национальном фронте». Сейчас Мичели арестован и находится под следствием. Имел ли он отношение к заговорщикам, какое принимал участие — прямое или косвенное — в их деятельности, этим вопросом занят суд, который только от следователя из города Падуя получил 80 ящиков документов. По меньшей мере еще пять генералов оказались замешаны в делах «черных заговоров».

Итальянский неофашизм — это главный, но не единственный отряд ультраправых сил в Европе. Уже давно делают попытки соединить их в так называемый «Черный интернационал». В декабре в швейцарском городе Лозанне состоялся «Второй конгресс европейской молодежи». Один римский еженедельник достал копию документов, которые были приняты представителями неофашистских организаций. В одной из резолюций говорится: «Необходимо создать единую тактику и общую стратегию для всех активных националистических (читай: фашистских.— **В. А.**) движений в Европе».

Недавно пришла весть о неофашистском сборище в Лионе. Здесь состоялся конгресс «Нового европейского порядка», на котором были пятьдесят делегатов из одиннадцати стран, в том числе представители югославских усташей, испанских фалангистов, итальянских ультраправых групп. «Новый европейский порядок» возглавляет некто Клемент Грациани, преступник, скрывающийся от итальянского правосудия то в ФРГ, то в Испании, то в Греции.

Присутствовал в Лионе и некий Джорджо Каретто, имеющий в кармане членский билет так называемого «Итальянского социального движения» (ИСД). Анализируя структуру современного неофашизма, нельзя пройти мимо той роли, которую играет ИСД, партия, существующая легально и имеющая парламентскую группу в палате депутатов. Какое бы из многочисленных судебных дел последнего времени мы ни взяли, всюду видны нити, соединяющие террористов и заговорщиков с руководителями ИСД. Молодежные организации и низовые ячейки этой партии — главная среда для всей системы неофашизма.

Печатный орган ИСД, который выпускается этой партией, является рассадником ультрареакционных идей, направленных против нынешнего государственного строя страны, прогресса, мира и демократии. И все больше и больше итальянцев вне зависимости от их партийной принадлежности приходят к выводу, что искоренение неофашизма неразрывно связано с принятием решительных мер по отношению к партии неофашизма «легального», который пользуется поддержкой определенных финансовых кругов итальянских монополий.

«Нет — последышам Муссолини!» — говорят народные массы Италии. На снимке: демонстрация трудящихся Рима против растущей угрозы неофашизма.

Фото из журнала «Джорни — Вие нуове».

У неофашистской гидры много голов. Их не срубить сразу. Но крепнущее единство демократических сил в Италии уже нанесло немало серьезных ударов по этому чудовищу, и шансов на долгую жизнь у него нет.

Вадим АРДАТОВСКИЙ

Рим. По телефону.

СНОВА ОАС?

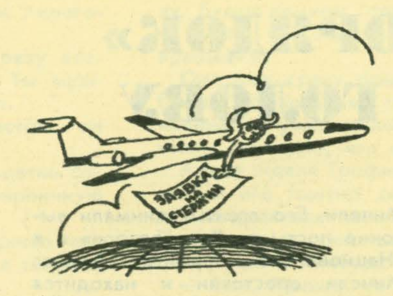
СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

Вполне возможно, в Париже укоренился центр неофашистского «интернационала», о существовании которого стало известно после ареста четырех итальянцев, участвовавших в Лионе в «черном совещании».

Такой вывод можно сделать, исходя из сведений, полученных итальянской полицией. «Центром этой международной организации, разработавшей обширный план уничтожения политических институтов ряда стран, вполне может быть Париж», — эти слова принадлежат бывшему министру внутренних дел Италии Тавиани. Итальянские секретные службы отмечают все более и более частые визиты из Парижа в Италию бывших членов ОАС, превратившихся в международных террористов, роль которых состоит в обучении молодых итальянских фашистов в лагерях, скрытых в горах. Кроме того, некий Ральф Герэн-Серак, бывший капитан французской армии, член ОАС, живущий в Париже, возможно, является одним из руководителей, если не самым главным лицом этого фашистского «интернационала». Имя Герэн-Серака появилось в прошлом году, когда португальская полиция обнаружила, что в Лиссабоне существует некое информационное агентство Ажинтер Пресс, в действительности являющееся лишь прикрытием для международной фашистской организации «Порядок и традиция». Герэн-Серак был президентом этого агентства, имевшего филиалы в Бонне, Буэнос-Айресе, Женеве, Риме, Вашингтоне, Дьепе, в Стокгольме, Сайгоне и Тайбэе.

(Парижская газета «Франс-суар»).

ДА РУБЛЬ—ПЕРЕВОЗ

Тороплюсь познакомить вас, читатели, с любопытной перепиской. Потораппиваться заставляют обстоятельства: успеть бы дописать — паста в шариковой ручке на исходе, а за сменным баллончиком придется, может, ехать в Киргизию, в Мин-Куш. А это, что ни говорите, далековато. Восьмикопеечная ампула обойдется в копеечку.

Итак, мы знаем, что шариковой ручке универсальности не занимать. И удобств тоже. Закончилась паста в ампуле — выбрасываешь ее и ставишь новую. Удобно? Кто же возражает. Вот тут-то и начинается проблема. В последнее время качество стержней резко ухудшилось, а вскоре может возникнуть и проблема количественная. И в первую очередь в магазинах столицы и области.

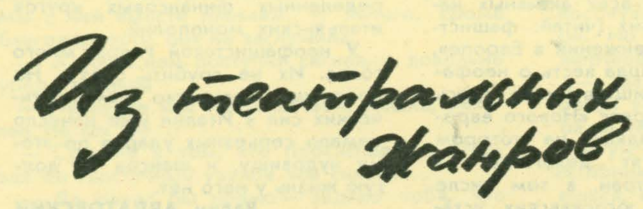
Всегда было так, что этот торговый регион снабжался ампулами, сделанными на Московском заводе пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти. Логично: от ворот предприятия до самого дальнего магазина — считанные километры. И на прошедшей в середине прошлого года оптовой ярмарке москвичи закупили десятки миллионов ампул на этом заводе. Через некоторое время всесоюзное объединение «Союзоргтехника» письмом заместителя начальника Г. И. Попова подтвердило: заказ принят. Но вдруг как гром с ясного неба последовало директивное распоряжение начальника «Союзоргтехники» В. П. Пичугина, датированное ноябрем. Дирекции завода предлагалось односторонне «расторгнуть договоры с торговыми организациями на поставку пишущих узлов». И предписывалось сделать это задним числом — с октября. Говорят, договор дороже денег. Поэтому вместо экономических санкций торговля решила воззвать и логике и целесообразности. Однако приказ остался в силе. «Об исполнении доложите в трехдневный срок», — требовал В. П. Пичугин.

Как только о грозящих переменах узнали работники «Союзпечати» — ее киоски по сей день успешно торгуют запасными ампулами, — последовал энергичный протест: «Мин-Кушский завод зарекомендовал себя небрежностью и неаккуратностью поставок в 1974 году. Поэтому наш заказ на закупку пишущих узлов просим считать аннулированным», — указывалось в письме заместителя начальника агентства Л. В. Коротченко. Заместитель министра торговли РСФСР С. Е. Саруханов специальным письмом на имя заместителя министра приборостроения, средств автоматизации и систем управления К. Б. Арутюнова аргументированно опротестовал принятое в одностороннем порядке решение. И московский завод некоторое время продолжал выпуск ампул. Но только некоторое время. Сейчас этот выпуск прекратился, и для обеспечения москвичей ампулами и шариковым ручкам торговые организации вынуждены будут отправиться в дорогу, провоз по которой только в одну сторону стоит куда дороже многих тысяч ампул.

Несколько лет назад мне довелось быть в цехах завода имени Сакко и Ванцетти. Там пускали дорогое, закупленное за рубежом оборудование по выпуску стержней для шариковых ручек. Неужели все эти станки будут демонтированы?

К. КОСТИН

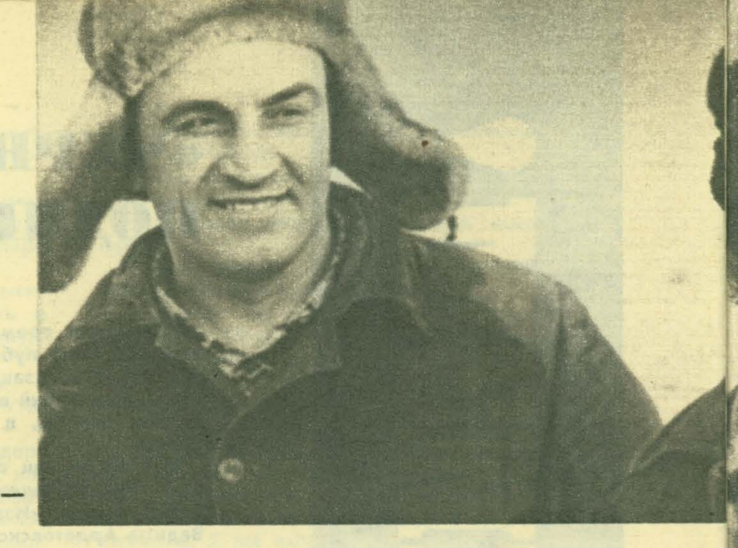
РЕПЛИКА

В свое время на страницах «Огонька» шел спор о позиции театрального критика, оценивающего тот или иной спектакль. Обсуждался идейный смысл художественного анализа как главной задачи рецензента. Но даже и в том уже давнем споре театроведов Юр. Зубкова и А. Свободина не было да и не могло быть нелепого противопоставления театра и рецензента как неких антагонистов. Подобная «мысль», правда, с большим опозданием, возникла у В. Оренова, а журнал «Юность» с присущей ему чуткостью к исканиям молодых предоставил начинающему автору место для статьи, озаглавленной: «Ваш кредит, театральный рецензент!» (№ 1, 1975).

Размышления В. Оренова по существу затрагиваемой проблемы, конечно, не заслуживали бы внимания: они поверхностны и претенциозны. За ними, увы, как раз и нет столь необходимого рецензенту кредита, о коем весьма неубедительно печется автор. Нет ни нравственного обеспечения, ни жизненного, социального опыта— единственной, принципиальной основы творчества. Но опыт, как известно, дело наживное... К сожалению, критические упражнения В. Оренова недопустимы по тону. Он требует не больше, не меньше, как закрыть двери театров перед критиком Юр. Зубковым, неугодным ему по взглядам.

К счастью, сие, как говорится, от Оренова не зависит!

—Мы из бригады Зотова! [Второй слева — бригадир]

НАШ

Александр ЗОТОВ, бригадир каменщиков

Как часто мы восхищаемся искусством мастеров прошлого, останавливаясь в изумлении перед дворцами: «Здесь каждый кирпичик играет, будто улыбается нам!» Но вот в Набережных Челнах к началу учебного года открылась новая школа. Большая, на 1 840 человек. Евгений Васильевич Леонов, ее директор, с гордостью показывает спортивные и актовый залы, библиотеку с читальней, столовую. Потом непременно обратит внимание гостя на само здание: «Посмотрите, какая кладка — кирпич к кирпичу, как на бумаге расчерчено, по линейке. Через каждые пять рядов поясок тоже из кирпича. Только кирпичи уложены торцом. А карнизы под окнами! Нет, это не панельки. Это тоже кирпичи, но поставленные на ребро. Тут не просто труд — тут душа каменщика!..» Может ли быть высшая похвала строителю?

Строила эту школу бригада Александра Зотова. Слово бригадиру, лауреату премии «Огонька».

На хозрасчете с бригадным подрядом мы работаем с февраля 1972 года. Коллектив у нас хотя и немалый — двадцать пять человек,— но сложился давно. Мы, бывшие оренбуржцы, я имею в виду наше звено, которое приехало в Челны из Медногорска, знали друг друга еще раньше, в тресте «Уралтяжстрой». Конфликтов и расхождений у нас не наблюдается, полное, так сказать, взаимопонимание и доверие, а это много значит. Сколько за это время общежитий и жилых домов поставили — в том числе и тот, в котором я сам живу,—сразу не сосчитаешь.

Возводили мы стены, клали перегородки, перекрытия и уходили. Подряд, словом, был неполным, мы не были завязаны договорами с субподрядчиками, не сдавали объекты в готовом, завершенном виде, как говорят, «под ключ». Так делает известный московский строитель Герой Социалистического Труда Н. А. Злобин. Это я понял очень хорошо, наглядно, так сказать, удостоверился, когда год назад в составе группы наших бригадиров ездил в Зеленоград. Но тогда же и засомневался. Позлобински в полном смысле этого слова на такой огромной стройке, как наша, вряд ли можно работать, думал я. Только в самом городе возводятся десятки объектов, и один нужнее другого. Способна ли стройиндустрия бесперебойно снабжать их всех стройматериалами? Такими своими мыслями я и поделился на совещании, которое было в редакции «Огонька».

Но вот мы вернулись в Челны. Вокруг подряда не только разговоры — дела пошли полным ходом. Вопрос этот обсуждается на заседаниях парткомов и постройкомов, им заняты институты; наши инженеры и экономисты готовят расчеты, сметы, документацию.

В феврале вызывает меня Николай Степанович Бровкин, начальник нашего СМУ: «Вот тебе объект 9/56. Школа. Возьмешь ее на бригадный подряд?..»

Посмотрел я на чертеж — такого еще не видал. Школа состоит из отдельных блоков с внутренними двориками. Здание очень сложной конфигурации. Высота неодинаковая — то два, то три этажа.

Однако раздумывать было некогда. Сроки предъявляли нам очень жесткие: старт 7 марта, финиш 25 августа. Это при том условии, если мы закончим кладку не за 105 дней, как предусмотрено нормами, а всего за шестьдесят пять. На школу дополнительно направили бригаду Геворка Геворгяна, заслуженного строителя республики. Заключили мы договор со своим управлением. Изучили планово-расчетную стоимость всех работ для нашей бригады. Сумма немалая — 176,3 тысячи рублей. Что сэкономим — сорок процентов в нашу пользу. Перерасходуем — из нашего же кармана. Вот и вся арифметика.

Надо ли говорить, как все мы горячо взялись за работу? Никто не хотел ударить в грязь лицом. Такую школу, говорят, уже строили, но только из панелей, а мы должны сделать ее из кирпича, чтоб она была еще красивее.

Точно седьмого марта, как положено по графику,— помню, еще день был неприветливый, пасмурный, морозный,— приступили к кладке. Пятаков понабросали под первые кирпичи! Петя, это звеньевой наш, Моисеенко, еще шутил: «Не скупитесь, ребята!» Но широкого фронта работы вначале не было. Нулевой цикл не успели нам подготовить полностью, взялись за нулевку сами. И так во всем — где что было не так — доделывали своими силами. Острые моменты, конечно, были, не без того. При-

Фото Г. Копосова

А ШКОЛА

слали нам, например, «столярку» — оконные блоки, а они не лезут в проемы. В чем дело? Оказывается, блоки были заказаны с ошибкой, пришлось к ним приноравливаться — делать перерасчеты и расширять проемы. Дошла очередь до подъезда, главного входа в школу — опять неувязка. Снова проектанты виноваты. Пришлось менять тип перекрытия, понадобился другой профиль металла. А его и нет в лимитной карте комплектной ведомости. Что делать? Пошел наш прораб Володя Бедных в партком стройки, к Назырову, в постройком, к Ибрагимову... Срочно были приняты меры.

...Грязь началась, распутица, а кирпичи везут навалом. Мы не берем: нам не нужен бой. Нам нужен кирпичик к кирпичику, на поддоне. Мы научились, считали теперь каждый кирпичик. Снова звонок в партком. Бровкин, начальник СМУ, даже обижаться стал: «Что это вы через меня прыгаете?» Созвал начальство на площадку, тогда все убедились, что мы правы. Пошел к нам кирпич чистенький, отборный. Не доставят его в срок — актируем простой, со снабженцев — штраф. Если с нас требуют график, то и базу под него надо подвести. Не с воздуха же соберем школу!

Подготовили мы фронт работы сантехникам — новое «ЧП». В блоках подвала не обнаружилось отверстий под проводку и разводку сантехники. Кто виноват? Пусть там, наверху, разбираются, а мы должны спасать положение. Сами, даже если и не наша это работа. Теперь мы хозяева дома, с нас и спросят. «Хозяева». Написал я это слово и задумался. А как поступили бы мы в обычных условиях, если б работали не на подряде? Вероятно, подумали бы: не наше дело. Пусть СМУ решает — присылает людей, исправляет. Наша хата, мол, с краю. Но тут у нас и мысли такой не было. Значит, что-то изменилось в психологии, есть, значит, в подряде и моральный аспект, появилась новая ступенька сознательности, поднявшись на которую мы, каменщики, без звука взяли в руки отбойные молотки и стали вырубать в блоках отверстия! Сто отверстий. Ширина каждого блока — шестьдесят сантиметров. Тяжелый, неблагодарный труд, не предусмотренный никакими сметами и калькуляциями. За счет него и подскочила у нас статья ассигнований на заработную плату. Единственный, так сказать, перерасход, но он не по нашей вине. По всем остальным показателям мы добились экономии. Только на строительных материалах сберегли четырнадцать тысяч рублей, на механизмах — четыре с половиной тысячи; вместо трех у нас работало два башенных крана. При этом здорово поднялась производительность труда — в полтора раза.

Двадцать второго мая, на сорок дней раньше, как и было намечено, мы закончили кладку. Началась отделка. А мы перешли на двухэтажную теплицу на школьном участке. Тут тоже много было всяких волнений.

Двадцать пятого августа, как и было задумано, госкомиссия подписала акт о приемке школы. Оценка самая высокая — «отлично». В этом, конечно, не только наша заслуга. И бригады Геворгяна и наших субподрядчиков — бригад сантехников Юдицкого и электриков Быкова.

Накануне торжественного первого звонка мы, строители, волновались не меньше, чем дети. Когда Володя Бедных перерезал ленточку, вместе с ребятишками мы пошли в классы (наш Феоген Бодров за ручку со своей дочкой, она тут учится в четвертом классе), сели вместе с ними за парты, рассказывали, как она, их школа, а теперь и наша любимая школа, родилась...

Что же показал полный бригадный подряд? Может он у нас, в Челнах, пойти? Уже пошел! Дана ему зеленая улица. Понравился он нам! Понравился даже при всех просчетах, которые были допущены проектантами. Если б этих просчетов не было, сработали бы еще быстрее. Хорошее это дело — подряд! Оно подтягивает все звенья стройки. И не случайно на эту форму хозрасчета переходят у нас не только бригады, но и комплексы и потоки. В ответ на Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу строители КамАЗа берут в последнем, завершающем году пятилетки, особенно важном для КамАЗа, высокие обязательства. Мы тоже решили свои новые объекты — два жилых дома — построить на бригадном подряде и досрочно!

ОГОНЬКОВЦЫ В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ

ПРИЗ — ПОБЕДИТЕЛЯМ!

Набережные Челны, Дворец культуры «Энергетик». В зале — строители КамАЗа. Приятно видеть знакомые лица: Салахов, Лопатин, Новолодский, Шахирзянов, Зотов, Филимонов... Все бригадиры. Ровно год назад многие из них были нашими гостями в Москве, в редакции, делились своими впечатлениями о встрече с Героем Социалистического Труда Н. А. Злобиным. Может быть, именно тогда и родилась идея соревнования на приз «Огонька» коллективов, перешедших на подряд.

И вот подведены первые итоги.

— В конкурсе участвовало тридцать три бригады, — сказал Марс Назыров, секретарь парткома производственного объединения «Камгэсэнергострой». — Нормативные сроки сдачи многих объектов значительно сокращены, достигнут большой экономический эффект, производительность труда поднялась от восьми до сорока процентов, увеличилась заработная плата. А главное, работа по-новому воспитывает коммунистическое отношение к труду. Она учит каждого члена бригады бережно расходовать материалы, лучше использовать механизмы и добиваться высокого качества. В наступившем году, когда перед строителями поставлена грандиозная задача — сдать под монтаж технологического оборудования огромные площади на всех заводах комплекса и ввести более четырехсот тысяч квадратных метров жилья, бригадный подряд получит еще большее распространение. На повестке дня вопрос о переводе половины всех бригад стройки на подряд. Более того, на эту форму хозяйственного расчета переходят механизированные комплексы, занятые сооружением промышленных объектов, целые потоки, управления, все бригады домостроительного комбината, связанные с возведением крупнопанельных зданий. Следовательно, участников конкурса станет в несколько раз больше, борьба за приз «Огонька» обострится.

Председатель постройкома «Камгэсэнергостроя», заместитель председателя жюри Масгут Ибрагимов зачитал решение жюри. Ответственный секретарь «Огонька» Ю. Н. Сбитнев вручил бригадиру Александру Зотову переходящий приз редакции — хрустальную вазу,— а бригадиру Антону Лапцевичу — вымпел «Огонька». Кроме того, обеим бригадам переданы квитанции на подписку на журнал «Огонек» с приложениями. Трое лучших каменщиков бригады Зотова премированы поездкой в Москву.

Едва успевает взволнованный Зотов произнести слова благодарности, как на трибуну поднимаются две девочки в белых передниках и белых бантах. Альфия Вахитова и Катя Панфилова — ученицы первого класса школы № 20, той самой школы, которую построила бригада Зотова. Букеты из живых цветов, которые они преподнесли бригадиру, выращены в школьной теплице.

Огоньковцы встретились также с коллективом ремонтно-инструментального завода КамАЗа, провели читательскую конференцию в молодежном общежитии 4/15 в северо-восточной части города. Молодые рабочие высказали немало пожеланий в адрес журнала. Одни просили почаще писать о социалистическом соревновании, другие — расширить в «Огоньке» отдел юмора. Валерий Босиков из бригады отделочников советовал писать не только о лучших, но и о средних бригадах, изучать причины, связанные с распадом бригад и уходом бригадиров со стройки. Говорилось и о неполадках в работе магазинов, буфетов, размещенных в общежитиях и жилых домах новой части города.

Во встречах со строителями и камазовцами приняли участие ответственный секретарь «Огонька» Ю. Н. Сбитнев, член редколлегии Л. М. Леров, заместитель редактора отдела литературы Е. А. Антошкин, специальный корреспондент «Огонька» Г. В. Куликовская, фотокорреспондент Г. В. Копосов, художник Ю. А. Титов. Тепло были приняты выступления композитора Александра Аверкина, артистов Беаты Keперши и Владимира Дружинина, приехавших в Набережные Челны в составе бригады «Огонька».

В зале — строители КамАЗа.

О. САХАРОВА

ДИРИЖИРУЕТ ФЕДО

Вы любите музыку... В наш век она стала будто ближе, «домашнее»: включите радио, телевизор, нажмите кнопку магнитофона, поставьте на диск проигрывателя любимую пластинку — музыка всегда у вас под рукой. И все же в какой-то долгожданный вечер остаются безмолвными ваши посредники, а вы спешите на свидание с «живой» музыкой. Опускаетесь в кресло в концертном зале или в опере и ждете начала магического действа — первого взмаха дирижерской палочки. С него начинается все: радость и боль, ликование и грусть, которыми музыка наградит вас сегодня...

Дирижер. Его взметнувшиеся ввысь руки будто ограждают оркестр от публики. Но, приглядимся,— за ними процесс «делания» музыки... Многоголосая мелодия льется в зал, раскрывая душу ее создателей: композитора, музыкантов... И, слушая, как интерпретирует произведение дирижер, вы представляете мысленно его собственный образ: ведь творчество художника всегда несет в себе все им пережитое, передуманное, выстраданное. Поэтому сейчас вы слышите и чувствуете то, с чем пришел он в музыку, захватившую вас...

каждого ленинградца кусок сердца. Потом семья живет в Муроме, без тюков и фанерного чемодана — они сгорели при бомбежке эшелона,— но с баяном — чудом уцелел! Устраивалась неприхотливая жизнь на новом месте, оживали людские души, виднелся впереди конец войне. И опять Володя с отцовским баяном бежит после школы в клуб, на репетицию, сопровождает каждый духовой оркестр, проходящий по улицам. Правда, не марширует, как друзья-мальчишки, а забегает вперед и дирижирует напористыми победными трубами.

Говорят, нет бóльших патриотов своего города, чем ленинградцы; настала и для Федосеевых пора возвращения в родные стены. Да и надо уже было думать всерьез о будущем Владимира: одаренность его, проявляясь все ярче, требовала системы, школы.

Возвращение домой принесло Володе и радость и впервые горечь неуверенности: в музыкальном училище его похвалили за исполнение программы, но... не приняли! «Как можно идти в училище, не зная нот!..»

За три месяца он с помощью первого своего профессионального педагога Павла Ивановича Смирнова подготовился к экзамену по теории музыки, освоив все то, что положено постичь за семь лет музыкальной школы. И стал студентом. Лучший в классе баяна, он неожиданно для себя стал первым и по дирижированию: педагоги сразу заметили, как пластичны руки Федосеева, как, постигая тончайшую дирижерскую технику, «перенимает» он ими музыку.

только нынешний, но и завтрашний твой день. Владимир Федосеев встретил такого человека, когда пришел работать в оркестр русских народных инструментов Всесоюзного радио и телевидения. Тогдашний его руководитель Н. С. Речменский не боялся растить себе смену. Опытным глазом увидел он в Федосееве сильного дирижера, стал поручать ему самостоятельно вести большие программы. Если подходить к тому времени с нынешними мерками, то, наверное, работы не покажутся столь уж трудными. Оркестр имел весьма ограниченный репертуар, да и то больше как аккомпаниатор хора, сидел в своей студии, записывал плановые программы. Но это, если смотреть из сегодня. А в 1959 году, когда двадцатисемилетнего Владимира Федосеева вскоре после кончины Речменского назначили художественным руководителем оркестра, ему неясно было, радоваться ли такому доверию или отступать, пока не поздно: проблемы, одна другой сложнее, встали перед ним...

Он не отступил. Как показало время, не отступал и впоследствии. Хотя встретился не просто с белым пятном, как это было в детстве с нотами, а с незыблемой, казалось, стеной, сложенной из традиций, отношений, привычек, репутации оркестра...

Надо было начинать свое. Не стоит думать, что все было здесь плохо и только Федосеев смог сделать все хорошо. Нет, просто до Федосеева существовал один хороший оркестр, а Федосееву нужен был другой. Мысленно он его уже видел, слышал, желал ве-

стойчиво. Дирижировать произведениями Глинки, Мусоргского, Чайковского, Бородина... Заставить услышать их будто заново, через целомудренную кантиленность народных инструментов, свежесть и чистоту их самобытных голосов. Ведь от них в конечном-то счете, от песен, рожденных «простыми» струнами, начиналась великая плеяда титанов русской музыки.

Каждый новый концерт становился премьерой. Звучали «Богатырские ворота» Мусоргского, и «Баба Яга» Лядова, «Похвала пустыне» из оперы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» и «Осенняя песня» из цикла «Времена года» Чайковского... Первое впечатление можно было сравнить с тем удивлением, с той радостью, которые вдруг испытываешь, увидев знакомую до привычности картину в новом освещении: все будто остается прежним, родным и все — новое!..

Испанцы, услышавшие свое фадо в инструментовке Федосеева, были столь же изумлены. Испанский критик писал: «Музыкант, обладающий душой,— Владимир Федосеев. Есть музыканты-«техники», есть виртуозы, они хорошо знают механику музыки. Но подлинные есть те, которые заставляют нас чувствовать, трепетать от волнения перед уже знакомой партитурой, как перед новой и свежей. Это случилось со мной во время фадо «Старый Лиссабон».

Оркестр русских народных инструментов под руководством Владимира Федосеева покорил американцев, югославов, испанцев, немцев... Но, главное, он безоговорочно признан и любим родным слушателем: билеты на вы-

Народный артист РСФСР, лауреат премии имени Глинки Владимир Федосеев руководит Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и телевидения относительно недолго — год; до этого пятнадцать лет он работал с другим коллективом — оркестром русских народных инструментов Всесоюзного радио и телевидения. А все, что еще дальше,— это предыстория яркого таланта. И стоит вернуться туда, в прошлое, чтобы понять личность музыканта, стоящего за пультом одного из главных наших оркестров.

Семья ленинградского рабочего. Мать часто поет. Не напоказ, тихо, для себя. Отец тоже музыку любит до самозабвения; всякую свободную минуту — с баяном. У сына Володи музыкальная одаренность проявилась рано: отцовский баян он быстро освоил, подбирая по слуху все, что приходилось по душе. Отец нашел педагога, такого же, как сам он, самоучку, но признанного мастера своего дела. Нотной грамоте мальчика не учили, да он и не чувствовал в ней необходимости: зачем ноты, когда «и так» все можно сыграть!

Потом — война. Блокада.

Об этом не надо заставлять себя помнить,— то, пережитое, для

Вопрос о выборе профессии для Федосеева, собственно, никогда не стоял: он с детства готовил себя к музыке. Но теперь встал другой вопрос: можно ли остановиться и жить тем, что уже накоплено?

К счастью, этот вопрос и поныне не решен Владимиром Ивановичем, а тогда он ответил на него тем, что отказался от приглашения в оркестр народных инструментов имени Андреева, хотя играть в нем было мечтой каждого «народника»... Он подал заявление в Институт имени Гнесиных и поступил на отделение народных инструментов.

Судьба продолжала улыбаться симпатичному русоволосому баянисту. Солирование в концертах, выступления на международных молодежных фестивалях, неизменно приносившие ему звания лауреата. Но для него все большим искусом становилось дирижирование. Он добивался новых и новых заданий от педагога Н. П. Резникова, с упоением репетировал со студенческим оркестром... И пришел все-таки к тому, что в дипломе у него значились две специальности: исполнитель и дирижер.

Все мы знаем, как важно в начале пути найти мастера, который тебе доверяет, видит в тебе не

сти его за собой... В этом желании было все: горячность молодости и честолюбие, профессиональная бескомпромиссность и огромная, рвущаяся к действию музыкальность. Пришлось многое действительно возводить заново: дисциплину, профессионализм, отношение музыкантов к самим себе, к творчеству.

Тот, слышимый Федосеевым лишь в мечтах оркестр пел, и он начал с того, что каждый день вместе с домристами искал прием, метод, хитрость, что угодно, лишь бы их щипковые, «неблагородные» инструменты запели, как скрипки... Они нашли этот секрет, к которому мы теперь уже привыкли и который по сей день вызывает бурю восторгов во время заграничных турне оркестра.

Но звук этот — трепетный, живой, как человеческий голос, нужен был дирижеру не как самоцель: он стал главной краской оркестра. Краской, которую Федосеев мог разложить на тончайшие полутона или сгустить в сочные, яркие мазки, краской, которая позволила играть гениев, а это было всегдашним девизом дирижера Федосеева.

Вот здесь молодой руководитель пришел к тому заветному, что грезилось ему давно и на-

ступления надо «доставать», трансляции по телевидению собирают огромную аудиторию и вызывают потоки писем-благодарностей, писем-заявок, писем-пожеланий... Каждый ждет свое, любимое — то ли русскую народную песню, то ли классическую миниатюру, то ли старинный русский романс... Честно говоря, последняя группа — самая многочисленная. Стоит ли на это сетовать? Мол, это ведь почти «легкий жанр»? Но послушайте федосеевскую обработку «Утра туманного», «Вишневой шали»... Это возрожденные к жизни художественные образы — самобытные, очищенные от пошлой «запетости». Недаром же лучшие из лучших наших вокалистов всегда с радостью выступают с этим оркестром: Сергей Лемешев, Ирина Архипова, Борис Штоколов, Ирина Богачева... В свое время, когда все только начиналось, утверждалось, Федосеев приглашал солировать известных певцов и с тайной целью: «Придут слушать солистов,— узнают и оркестр. А потом уже и на оркестр пойдут...» Но самым чутким слушателем был сам дирижер. Он жаждал питать свое творчество из всех источников: из партитуры великого композитора, из мастерства старого домриста, из голоса большого певца... Он чутко воспринимал

вкус другого художника, удивительно «ловил» настроение певца, его манеру и в лад ему настраивал музыкантов. Тепло человеческого голоса будто переходило в оркестр через его руки.

Как-то грустно писать об этом периоде триумфального взлета оркестра, ведомого Федосеевым, в прошедшем времени: «был», «играл»... Оркестр продолжает жить, звучать теперь уже под управлением другого дирижера — Н. Некрасова. А Федосеев? Почему ушел в симфоническую музыку, оставил свое детище?..

Оказывается, он давно уже, еще в самый что ни на есть звездный свой час начал искать новое белое пятно, столь для него необходимое. Он уже знал все о своем оркестре, а ему опять хотелось узнавать...

С 1967 года Федосеев стал аспирантом-заочником Московской консерватории, занимался в классе дирижирования у профессора Гинзбурга. Спокойно, жадно и методично закрывал свое белое пятно, постигал гармонию великих композиторов, возвышенную и человечную философию их музыки, ее осязание в пальцах, в руках... Он вел себя вверх — от завоеванного жизненного плацдарма, от благополучия, от спокойной уверенности в завтрашнем дне.

— Самое страшное в жизни — инерция.— Федосеев говорит это, как все, что делает,— просто, спокойно и — накрепко.

И вот настал момент, когда Федосеева вновь стали «открывать» в опере и симфонической музыке. В Большом театре он дирижировал «Евгением Онегиным», в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова — «Царской невестой», на телевидении — «Майской ночью», в концертах — «Черевичками» и «Снегурочкой», симфониями Чайковского и Шостаковича...

СЕЕВ

Фото А. Награльяна.

Нет, он не стал другим, не переродился, не ушел от себя. Он будто дал себе полную волю, купаясь в богатстве и роскошестве красок симфонического оркестра. Что-то казалось неожиданным в его трактовках, что-то, наоборот, подчеркнуто традиционным. В антрактах знатоки спорили, после финала дружно аплодировали, спешили в артистическую с искренними поздравлениями. А Федосеев теперь говорит:

— Время рождает ощущение ошибки в прошлом...

И, прослушивая старые свои записи, иногда просит стереть какую-то из них: «Рано записал. Не то».

Вообще Федосеева как-то все время воспринимаешь в нескольких планах: вот он — такой мягкий, вежливый, обстоятельный, разговаривает спокойно, ровно, а в глазах уже нетерпение: «Ну о чем, мол, столько говорить? Делать, делать надо». Делится своими планами, идеями — голос уверенный, правый, жесты четкие, а подспудно чувствуешь — тут же и досадует на себя: «Да смогу ли, по силам ли будет?» Один план остается в нем, по-моему, лишь за пультом: железная воля, четкое понимание цели, требовательная бескомпромиссность.

Идет репетиция. Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения репетирует увертюру к опере Бетховена «Леонора». Собственно, сама репетиция начнется минут через пять, а сейчас в студии нет дирижера, нет оркестра,— есть отдельные музыканты, отдельные люди. Одни хорошо отдохнувшие, другие — утомленные; одни обрадованные погожим утром, другие — размагниченные домашними неурядицами; а кому-то и просто все равно. Их ведь почти сто лиц, сто характеров, сто жизней... Сейчас, в последние минуты перед началом репетиции, они полностью разобщены: каждый повторяет свой, наиважнейший для него кусок нотного текста. Делается это профессионально, почти механически, и в жуткой, раздирающей уши какофонии звуков невозможно найти что-то единое, ведущее. Но вот дирижер встал за пульт — как учитель, вошедший в шумный класс... Взмах палочки — музыка!.. Объединив людей, она сняла с лиц оркестрантов все их разобщающее... И вдруг — сухой стук палочки о пюпитр.

Федосеев: «Allegro, пожалуйста, сначала. Заряда нет. Есть piano, без заряда. Он уже сейчас должен быть!»

Мелодия вновь оживает. Но — стук! Федосеев — скрипкам: «Вы сыграли громко, не в общем ключе. Рваная гармония. Выпадает из оркестра».

Еще две минуты музыки. Федосеев: «Стоп! Marcato не указано. Это — подсознательно, это — стиль».

Федосеев обращается к оркестрантам, как к единомышленникам, понимающим его с полуслова, полужеста. Никаких внешних проявлений эмоций, все идет в музыку. Стоп. И опять — скрипкам: «Постарайтесь сохранить эту краску, эту матовость»...

Через двадцать тактов: «Фагот, не делайте фразу круглой...»

Кажется, перед ним не сухая нотная партитура, а полотно художника. Дирижер вглядывается в палитру, находит новые краски, новые нюансы и условным знаком, понятным лишь посвященным, мощно бросает их в оркестр...

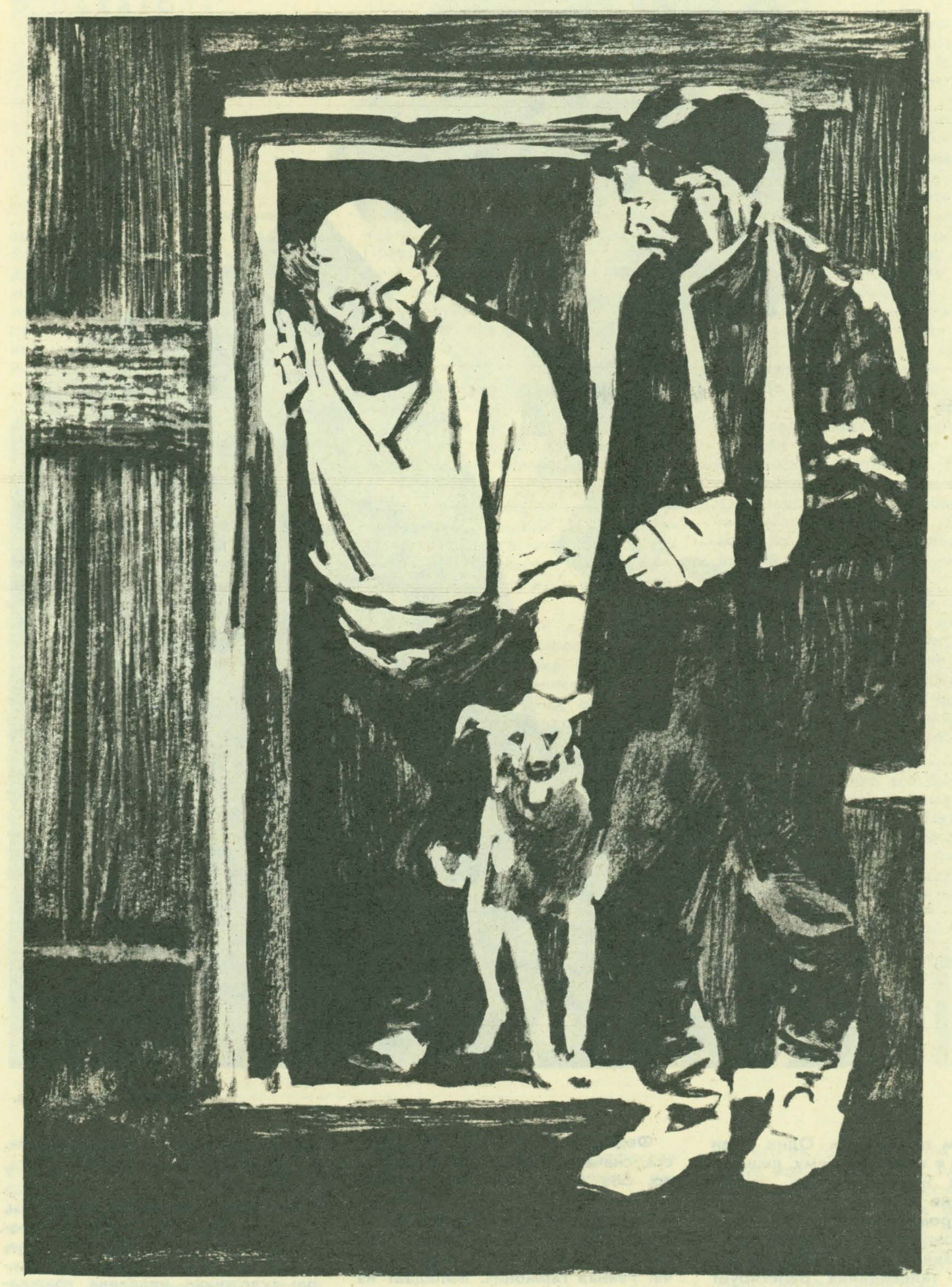
И так — четыре—шесть часов совершенствования звука, формы, стиля. Все, что будет найдено на репетициях, должно остаться в смычке, в клавишах, в пальцах музыкантов. Чтобы там, перед залом, вдохнуть в оркестр идею музыки, ее зримый образ, слушать голоса, а не инструменты.

Вот тут-то, когда, казалось бы, сделана вся тяжкая, «черная» работа, и начинается самое важное, самое суровое испытание дирижера: художника, человека, гражданина. Музыка «проявляет» его, не прощая пустот корыстолюбия и лжи, серости... Ибо даже в звучании музыка молчит, если ее ведет холодная рука ремесленника.

И как красноречива, богата становится она, когда дирижер отдает ей свое беспокойное, горячее сердце, требует от нее действенности, жизни, вплетает в ее звуки свои чувства, мысли!

«Я прошел школу народной музыки — там все чисто, обмана быть не может. И самое ценное в ней — простота. Та гениальная простота сильных чувств, которая питала всех гениев музыки. Мне кажется, ее иногда мельчат, размазывают, разменивают на мелкие эффекты. Нельзя заземлять возвышенную простоту до надрыва, счастье — до кокетства. Больно, когда слышишь такое. Вот и хочу работать — на истину, на простоту».

Это — кредо художника, много уже сделавшего в прошлом. Значит, верный залог будущих побед.

Алексей ИОНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

XV

Русакову понадобилось немного времени, чтобы убедиться, что и через окно ему сразу не выбраться отсюда. Одно окно оказалось крепко-накрепко заколоченным толстыми досками, другое, с выбитой форточкой, было забрано с наружной стороны железной решеткой. «Ловушка, ловушка...— смятенно думал Русаков, ощупывая неподатливую железную решетку.— Этого еще не хватало!»

Он стал обдумывать и примеряться, нельзя ли, орудуя одной рукой, все-таки сокрушить обухом топора преграду и выбраться из лачуги. Однако его одолевало сомнение: пусть он, выломав решетку, убежит отсюда, а что дальше? Где найдет он пристанище?

«А может быть,— думал Андрей, почему-то робея перед этим соблазном,— добраться все-таки домой? Куда-куда, а уж к родному-то дому я наверняка найду безопасную дорогу. Пойду отсюда в сторону Макеевского шоссе, потом проскользну огородами, пустырями, миную балку, а там, на пригорке, и терриконы «Берестовки». Их я разгляжу и в темноте: хоть шахта не действует уже полгода, на склонах террикона все еще мерцают синие огоньки. А у самого террикона — наш домишко с покосившимся забором».

Мысли о доме сейчас не радовали Русакова, а лишь удручали. Увидят его истерзанного, полураздетого, босого мать и Наташа и поднимут такой переполох, что сбежится вся улица

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

и тогда — в этом он не сомневался — несдобровать ни ему, ни семье.

«Конечно, мне обрадуются и такому, обмоют, оденут, накормят последними крохами, уложат в мягкую постель. А это-то для меня и невыносимо!— наливаясь злостью, свирепел Русаков.— Отдадут последние крохи! Уложат в постельку! Что же это я уцепился за женину юбку и озирался, дрожал: не зашел бы сопливый немчура или полицай. Дрожал, голодал и не в силах был помочь ни себе, ни старикам, ни Наташе. Как я посмел смириться со своим унижением?! Надо было еще тогда, когда линия фронта проходила не так далеко от города, перемахнуть ночью к своим, стать солдатом. Тогда? А почему не теперь? До фронта можно добраться в две-три ночи: наши войска держат оборону по Дону и Миусу».

От этой мысли сердце у него занялось радостью. Можно пробиться к своим, можно! В народе толкуют, что в госпитали, размещенные в больницах и школах, привозят раненых немецких солдат и офицеров, которые жалуются на свое невезение. Одного из них пуля настигла близ города Снежное, у Миуса; другой был ранен осколком мины у шахтерского города Ротштраль[1] в верхнем течении той же реки, а третий — в траншее на правобережье Северского Донца. Стало быть, линия фронта находится все еще в пределах Торецкой области. Нужно любой ценой добрести, доползти к своим!

«Там,— заранее тешил себя Русаков,— я, возможно, разузнаю что-нибудь и об Игорьке. Где он, с кем? Найду, найду хоть на краю света!..»

В лачуге стоял скипидарный запах. Так всегда пахло, бывало, и в шахте, на рудничном дворе, когда в ночную ремонтную смену лесогоны выгружали из клети крепежный лес — ровные, окоренные, коричневатые от солнечного загара бревна.

«Он,— подумал Русаков о хозяине,— наверно, привык иметь дело с лесом: говорил, что долгие годы мордовался на проходке, стало быть, «мутил породу», ладил и ставил в горных выработках крепи. Недаром на руках заметны синие шрамы — родимые шахтерские пятна. Неужели он посмеет предать своего же брата-шахтера? Может быть, он и сам, бедолага, остался в оккупированном городе не по доброй воле, а по стечению обстоятельств. Почему я подумал, что это предатель?»

Одиночество тяготило Русакова. Он опять вышел в сени, затаился, прислушался. Ливень прекратился, лишь редкие, крупные капли звучно шлепались о толевую крышу. В сенях витал горьковатый запах тополевых листьев, богатырский дух травы и влажного чернозема. Русакову вдруг показалось фантастичным, невероятным, что он, нормально мыслящий человек, инженер, стоит теперь, сжимая в пальцах рукоять топора, готовый совершить убийство.

«Возможно, и топор-то этот шахтерский, крепильщицкий»,— думал он, осязая в руке гладкое, с утолщением на конце топорище. Андрей думал также, что, если не хлынет снова ливень, он непременно услышит шаги возвращающегося хозяина. И если тот вернется не один, волей-неволей придется защищаться до последнего.

Переминаясь с ноги на ногу у набухшей двери, из-за которой каждую минуту могла нагрянуть смертельная беда, Русаков с чувством то озлобления, то сострадания к самому себе, перебирал в памяти события последних месяцев и все отчетливее представлял нелепость своего положения и свою непростительную оплошность.

За дверью послышался неясный шуршащий звук — похоже, по листве прошелся робкий ветер или кто-то задел ненароком кусты. Русаков затаил дыхание, крепче сжал топорище. Коротко взлаяла собака и, кинувшись, видимо, к хозяину, сочно зашлепала лапами по грязи. Приникнув ухом к двери, Русаков тщетно старался распознать, сколько человек приближается к дому. Ага! Он услышал тихий, вкрадчивый голос могильщика. Значит, тот идет не один! Андрей отступил в угол.

[1] Красный Луч.

Клацнул замок... Хозяин, не возвышая голоса, бормотал что-то невнятно, топтался у порога, намереваясь, очевидно, обмануть бдительность пленника, скрыть от него присутствие посторонних людей. Дверь распахнулась, и в сенях зашуршали стружки.

— Что, укараулил?— благодушно бубнил хозяин, заслоняя собою просвет между косяком и дверью и не пуская кого-то в сени.— Поди, поди, дурачок...— повторял он с незлобивой укоризной.

Только теперь Русаков догадался, что хозяин, уклоняясь от дворняги, пытается выдворить ее за порог. Собака нетерпеливо повизгивала, била о дверь хвостом. Рука пленника расслабла сама собою, по телу разлилась истома.

Старик выдворил-таки собаку, поспешно притворил дверь и окликнул глуховато:

— Браток!

В его голосе слышалась и тревога и радость.

— Браток?

— Я здесь, здесь!— отозвался Русаков, готовый от сознания своего малодушия и вины перед шахтером упасть на колени.— Здесь!— повторил он ломким, не своим голосом и бесшумно выронил на стружки топор.

— Никто тебя не потревожил?— спрашивал хозяин с тем ненавязчивым любопытством, с каким после долгих странствий переступают порог родного дома.— Я уж постарался, чтоб тебя кто не обидел: и замок повесил и Аракчея ослобонил с привязи. Этот будет биться до последнего.

Он торопливо сунул что-то на верстак, стянул с себя, по-стариковски покряхтывая, дождевик, чиркнул спичкой, засветил каганец. Глаза его смотрели на гостя с доверчивостью и добротой.

— Это мне нынче минус,— сказал он огорченно,— лишнюю спичку стратил. Не то жалко, что они дороже хлеба, а что их нету.

Он повернулся к верстаку, на котором Русаков увидел пузырек с бесцветной жидкостью и аптечной наклейкой.

— Будем тебя лечить,— сказал шахтер, выкладывая из кармана штанов небольшой бумажный сверток.

К запаху смолистых стружек примешался знакомый и неприятный запах какого-то лекарства. Русаков силился вспомнить его название.

— Сядь ближе к огню, прочти мне это,— сказал хозяин, подавая помятую бумажку размером в листок отрывного календаря.

Русаков расправил ее и удивился. Она была написана убористым, безукоризненно каллиграфическим почерком. «Это писала женщина»,— почему-то подумал Андрей.

В записке значилось: «Аккуратно и постепенно вылить содержимое пузырька (перекись водорода) на раны, минуты через 2—3 присыпать наиболее пострадавшие места кожи порошком (иодоформ), наложить на рану повязку. Первую перевязку сделать через 5—6 дней».

— Кто это писал?— взволнованно спросил Русаков, пораженный бесстрашием и отзывчивостью неведомого ему человека.

— Этого тебе не надо знать,— хмуро отрезал старик.— Садись-ка ближе к огню и отворачивай рыло. Да не вздумай драть глотку: терпи.

Он суетливо сдернул шапку, пригладил заскорузлой ладонью свои вихры, зачерпнул из ведра кружку воды, велел Русакову полить ему на руки. Нашелся и обмылок глиняного цвета, с дегтярным запахом, пронзившим душу Андрея острым напоминанием о родном доме, о бронзовом умывальнике в сенях, под которым он в очередь с отцом каждое утро мылся перед уходом на шахту.

Хозяин мыл руки старательно и неторопливо, угрюмо насупив мохнатые брови и раскидывая перед собою полукружием брызги. Потом так же неторопливо, с основательностью знающего себе цену человека вытер руки кургузым обрывком полотенца, похожим на застиранную солдатскую портянку. В его облике, когда он решительно подступил к раненому, проглянули черты, напомнившие самого Пирогова: лоснящаяся апостольская лысина, насупленные кустистые брови, угрюмая сосредоточенность и непреклонность.

«Каким, наверное, исполнительным и аккуратным,— уважительно подумал Русаков,— был этот человек в шахте, на своем штреке!»

— Давай руку,— строго приказал самозванный лекарь.— Теперь ты мне скажи: ты бежал с-под расстрела?

Андрей кивнул головой.

— Я так и сообразил,— хмуро заметил старик.— Ни один от этих собачеев не вырвался, ты — первый. Нет,— тут же поправил он себя,— был случай, один тоже, почитай, ушел, но... Давай же руку!

Он поплевал себе в ладонь, по локоть закатал Русакову рукав рубашки, грязной и мокрой, как у шахтера после смены, сочувственно покачал головой.

— Ну и что же случилось с тем человеком?— спросил Андрей.

Шахтер медлил с ответом.

— Сожалеваю, очень сожалеваю о том человеке,— сказал он сокрушенно и сморщился, точно собираясь заплакать. Он откупорил пузырек и примерился, как бы поудобнее вылить жидкость на израненную ладонь, похожую на кусок несвежего мяса.

Тонкая струйка полилась, вскипая и пенясь на ране. Русаков отвернулся с содроганием.

— Больно?— осведомился старик с гримасой страдания, словно ему тоже было невтерпеж.

— Холодно,— сказал Андрей, поеживаясь. Он и в самом деле испытывал такое ощущение, будто на руку лили ледяную воду.

— Так, слушай, что было с тем человеком,— заговорил старик, продолжая скупо цедить на запекшиеся сургучные струпья целебную жидкость.— Привезли как-то осенью на «Калиновку» полную машину страдальцев, стали выводить по одному, по два. Один как прыгнет на конвоира! Сшиб его с ног и кинулся к террикону. Бедняга пулей летел от своей смерти. Пока немцы очухались, он отбежал далеконько и мог бы, пожалуй, совсем уйти. Но — надо ж тому случиться!— остановился и давай хохотать. Бабы осмелели, кричат ему со дворов: «Беги! Беги!» — и показывают, куда бежать: через сады, за поселок.

Поплевав на свои заскорузлые пальцы, старик развернул пакетик, согнул бумагу на манер желобка и принялся усердно присыпать раны дурно пахнущим желтым порошком.

— Ну, а дальше-то, дальше?— напомнил Русаков.

— Что ж дальше? Если б он кинулся в степь, в бурьяны, там его ни одна собака не сыскала бы. Благо, и утро было пасмурное, с туманом. А он стал — и давай хохотать. Хохочет — и ни с места!.. Матрос: тельняшка на нем полосатая.

— Так почему ж он не бежал?— нетерпеливо спросил Андрей.

Лекарь полыхнул на него огнем из-под бровей.

— Рехнулся!— выкрикнул он гневно.— Что об этом спрашивать!

Не тратя больше слов, видимо, рассердившись на Русакова за недогадливость, старик сноровисто забинтовал ему руку полосками белого стираного полотна, нарезанными из наволочки или простыни, взглянул, сдержав горькую усмешку, на творение своих рук — неуклюжую куколку в бинтах.

— Ну, браток...— значительно сказал старик, и по его ставшему вдруг строгим лицу Андрей понял, что настала минута расставания.— Ты что-нибудь надумал?

XVI

Во взгляде старика было что-то покорное и трогательное, напомнившее Русакову отца в те минуты, когда он провожал Андрея в институт, на защиту диплома. Двадцать четыре года он оберегал сына от болезней и всяческих лишений, журил за провинности, остерегал от дурных поступков. И вот наступил момент, когда отец уже не в силах помочь сыну, а может лишь пожелать ему успеха да посоветовать, чтоб он не терялся перед грозными профессорами и не отчаивался в случае неудачи. «Ну, скажем, провалишься ты нынче, так что, кончится на этом жизнь? Поднатужишься еще разок и месячишка через два-три разде-

лаешься со своей дипломной работой за мое почтение».

Так вот и этот хмурый отшельник: сделал для него все, что мог, и теперь спрашивает с обнадеживающим участием: «Ты что-нибудь надумал?»

— Хочу пробиться к своим,— доверчиво сказал Русаков.— Не знаю только, куда лучше податься,— к Донцу или к Миусу? В сторону Миуса, пожалуй, ближе.

— Да-да, иди на восток,— с готовностью одобрил старик.— Я тебе, так уж быть, скажу, как прошмыгнуть, чтоб не попасть черту в зубы. Слухай и запоминай.— Он поплевал в ладонь, переставил каганец с верстака на стол, ближе к меловой стене, и, царапая по ней ногтем, стал пояснять:— Перво-наперво ты идешь назад — к шурфу, откуда и пришел. Чуешь? Оттуда бери направление на гудки — услышишь, покрикивают на железной дороге паровозы. Попадется балочка — перейди, только, смотри, не сворачивай вправо. Дальше... Ты, наверно, знаешь, какие там поселки и шахты?

— Ну что там? Мушкéтово, Чумаково...

— Вот-вот! Это ты пройдешь, это останется по правую руку. Иди по-над железной дорогой до шахты «Правда». Чуешь? В поселке там — рабочие люди, они тебя не выдадут. Спросишь, как попасть на Грузско-Зоринское. Оттуда — на Иловайск, Степано-Крынку, Больше-Мешково, Артемовку... Запомнил?

— Запомнил,— сказал Русаков и вслух повторил названия селений в той последовательности, в какой перечислил их хозяин.— Ты ведешь меня прямо как по компасу!— добавил он изумленно.— Ты сам, что ли, ходил по этой дороге?

— Опять ты свою анкету! — вскипел старик.— Заставит нужда горячие калачи жрать. Слушай и не дергай ты меня, ради бога! Днем в села не суйся, обходи стороной,— продолжал втолковывать он.— Леший его знает, что за народ эти степняки. Хозяева, мужички... Одним словом, будь повострее. А то... не слыхал, как на базаре? Появился человек, серенький, неприметный, толкается среди народа, тому афишку сунет, этому... А в афишках призыв от партии: не давать немцам угля, не варить для них сталь, вредить им на каждом шагу. Говорят, тайно, из лесов, с Донца принесли. А всем этим делом у партизан заправляет якобы товарищ Стругов. И что ты думаешь? Нашлась же подлая душа — выдали этого человека с афишками. Там же, на базаре, его и прихватили.

Старик замолк, удрученный непритворной скорбью.

— Ты знавал этого человека?— спросил он в упор, сердито вскинув мохнатые брови.

— Какого?

— Стругова, секретаря обкома!

— Видал раза два на трибуне на Первое мая,— сказал Русаков.— Потом был он у нас на комсомольской конференции, сидел в президиуме, шутил и ораторов подбадривал.

— Так-так... «Сидел в президиуме, шутил...»,— с ехидцей передразнил старик.— Скажи: «Не знаю»,— и дело с концом. И слушай, что я тебе скажу. Эт-то... эт-то был... человек! Понял? Роду он благородного — сын шахтера, политического каторжного. Главное в нем — народ любил, знал направление всей жизни. Еще в нем главное — умел в самую середку проникнуть и не уклонялся от правды. Приехал раз на «Смолянку». Шахта наша тогда заплошала: что ни день — полтораста, а то и все двести тонн минусу. Вот он и приехал и разговаривал с народом прямо в нарядной[1] перед сменой. Ни бумажки у него, ни газеты, вся политика — в голове. «Я,— говорит,— приехал к вам не митинговать. По вашим завалам, по вашим кривым куткам-забоям я лазить не собираюсь, заявки насчет крепежного леса, всякого недомерка и перемерка и насчет гаек-болтов не принимаю: со всей этой епархией разберется— вот, привез вам его — товарищ Пересадько. Он инженер, он начальник комбината. А мне обком поручил выяснить: есть у вас рабочая совесть или нету?» И пошел, и пошел... «Давайте,— говорит,— толковать по душам: что вам мешает, чего вам не хватает? Заработки маловаты?» Нет, заработком шахтер не обижен. Иной работяга отковыляет недели две, а потом сыт, пьян, нос в табаке целый месяц. «Машин вам не дают?» И насчет этого жаловаться нету причины. «Может, в магазинах неладно? Выкладывайте начистоту». И по этой статье нам нечего сказать: товаров перед войной, сам знаешь, было полным-полно. А под конец говорит: «Если б вы добывали тощие угли, мы бы и слов не стали тратить: паситесь на здоровье. Но вы сидите на коксовых пластах, каждый день должаете государству, и через это уже захромал металлургический завод — недодает сталь для тракторов, стальной лист для автомобилей, а может, кой для чего и поважнее. Так сколько же это можно терпеть?» Раздел нас по всем статьям. А мы стоим, мнем в кулаках цигарки, в глаза ему глянуть не можем: брехать надоело, а сказать правду стыдно.

— А что же у вас был за тормоз?— поинтересовался Русаков.

— Тормоз — не болты, не гайки — это у наших начальников только отговорка была. Совесть потеряли, вот что. Дурашество на себя напустили, разболтались, шахту прогулами зарезали вконец. И Леонид Иваныч осерчал. «Никаких ваших клятв,— говорит,— не нужно, речей тоже хватит. По речам план у нас выполнен на пять лет вперед. Подумайте!» Вот он как умел разговаривать, а ты — «шутил, подбадривал...»

— Ну и чем же дело кончилось?— опять спросил Русаков. От слов старика на него повеяло чем-то бодрящим.

— Выкарабкались,— сказал старик горделиво.— Долг вернули и даже, помнится, лишку немного наскребли — эшелончик или полтора. На празднике в первых колоннах шли, с флагами, с орденами. Песни спивали.

Хозяин и Русаков глядели друг на друга с просветленными лицами. Боже ж ты мой! Заработки, праздники, ордена, песни... То-то было времечко! Вернется ли оно когда-нибудь на донецкую землю?!

— Погоди, папаша,— спохватившись, сказал Русаков,— к чему ты рассказал мне об этом?— В характере старика ему все больше открывалось нечто мудрое, душевное. В нем, оказывается, не угасли ни чувство личного достоинства, ни рабочая гордость.

— Милый человек,— с доверительной интонацией сказал хозяин и снизил голос до шепота.— Неужели ты не сообразишь своей головой? Если Стругов приезжал к нам от партии, говорил с нами начистоту и теперь остался тут, в Донбассе,— стало быть, кому-то мы нужны? Стало быть, он и теперь надеется на нас, верит в нашу совесть?— Он помедлил, понуждая несмышленого юнца уразуметь столь очевидную истину, и строго продолжил:— Ну, браток, отклонились мы с тобою. Днем, значит, ты в эти неизвестные села не суйся, хоронись в балочках, в бурьянах, а то немцы враз возьмут тебя на мушку. Если они сумели умыть нас красной юшкой, значит, они кой-чего соображают. Так что лучше пересиди дотемна, пережди, а уж ночью не мешкай. И вот что еще не забудь,— добавил старик, стараясь предупредить от оплошности своего подопечного,— где-то за Артемовкой, если свернешь на восток, увидишь курган высокий, Саур-могила называется. Упаси бог туда соваться — там немец на немце. Запомни, дело говорю!

— Там я увижу, пойму,— уверенно сказал Андрей, вставая и откатывая рукав рубашки. Советы, преподанные ему угрюмым всеведом, показались настолько надежными, что он не хотел больше терять ни минуты.

— Сядь,— сурово повелел хозяин.— Слушай дальше. Не петляй по степу́, как заяц, а примечай, куда тянут немецкие самолеты, в какой стороне гремят пушки. Путь неблизкий, рассчитай и побереги силенки. Что будешь делать, как снова попадешься этим собачеям?

— Дайте мне какую-нибудь железяку.— С мрачной решимостью Русаков поискал глазами, что могло бы пригодиться ему из разбросанных по лачуге инструментов.

— Железяку?— с издевкой переспросил старик.— Будешь драться? Ну и сообрази-ил! Варит же у тебя котелок! У них автоматы, а ты на них с железякой!

Он еще с минуту сокрушенно хмыкал, качал головой, язвил безрассудного парня уничтожающими взглядами. Хозяина не на шутку огорчило, что ему приходится иметь дело с человеком, как видно, легкомысленным, наивным. Мало-помалу он все же сменил гнев на милость.

— Нельзя попадаться этим подлюгам,— предостерег он с непреклонной убежденностью.— Увидят, рука перевязана — кончено: партизан! Хоронись по балочкам, ложбинкам — там твое спасение. Ну, довольно политики!— досадливо оборвал себя старик.— Пора в дорогу.— Взяв из-под стола пару неказистых рыжих сапог, он небрежно кинул их к ногам Русакова.— Пробуй, может, сгодятся.

Андрей не прекословил. Поразмыслив, он стянул с себя рубашку, с помощью хозяина оторвал от нее рукава и сделал из них портянки. Страдальчески кривя лицо, натянул сапог на левую, потом на правую ногу, потоптался на месте, дивясь, что дареные скороходы пришлись ему точно впору. Непритворно обрадовался и старик:

— Во! Сапо́жки на заказ. Ходи, как по нотах. На́ уж и это!— в порыве отчаянной доброты воскликнул хозяин, сдергивая с себя мокрую стеганку и распиная ее перед Русаковым с артистизмом заядлого коммивояжера.— Бери и это.— И он надел на его чубатую голову баранью ушанку.— Хорош, хорош!— восторгался он, изо всех сил стараясь подбодрить опешившего парня.

«Вот тебе и бурчун, и взгляд исподлобья, и брови торчком, а понимает!..— подумал Русаков, раскаиваясь в своих недавних догадках и тревогах.— Понимает, что дорога мне предстоит нелегкая и что надо проводить меня почеловечески, по-братски».

— Разул, раздел ты меня, парень, вчисту́ю,— дивясь своей неслыханной расточительности, пожаловался старик с шутливым упреком.— Что еще нужно? Харчишек на дорогу. А у меня у самого всей провизии — червячка заморить.

С хмурой сосредоточенностью он, однако, снял со стены кошелку, посопел над нею, и, поплевав в ладони, отобрал шесть самых крупных яиц, крашенных в луковой шелухе.

Неторопливо, без слов он рассовал их по карманам Русакова.

«Да, это труженик, работяга, скорее всего крепильщик,— уважительно подумал Русаков.— Поплевывать в ладони — это плотницкая привычка».

— Ну что, парень,— сказал хозяин побуждающим тоном и с печальным участием, с каким провожают в дальнюю дорогу,— в добрый час? Время подходящее: до утра успеешь выбраться за поселки, а там уж пойдешь вольготнее, только бы с каким гадом не столкнуться. Иди, иди,— поторапливал он, кивая головой на дверь.— Провожать я тебя не пойду: подержу Аракчея, чтоб он тебя не оседлал. Не забыл дорогу-то? Грузско-Зоринское, Иловайск, Мешково...

— Помню, помню,— полушепотом отозвался беглец, останавливаясь в сенях и испытывая неодолимую потребность запомнить, унести в своем сердце имена бесстрашных заступников.— Папаша, скажи все-таки, кто дал тебе лекарство?

— Этого тебе не надо знать,— угрюмо отрубил старик.

Спрашивать что-либо о нем самом Русаков после такого ответа не решился. Незаметно для хозяина он взял с верстака бумажку с наставлением неведомого лекаря-доброхота и зажал ее в кулаке.

— Вот что, папаша...— сказал он растроганно,— пока буду жив... До последней минуты...

— Ни к чему, ни к чему! Лишнее!— всполошился старик.— Такое перед дорогой... Зачем оно?— Устыдившись нахлынувшей и на него самого нежности, волнения, он толкнул ногою дверь, крикнул:— Аракчей, сюда!

Собака метнулась в сени и, встревоженная необычным голосом хозяина, зарычала на пришельца.

— Цыц!— топнув ногой, просипел старик и схватил ее за ошейник.— Ну, браток... не поимей обиды... Скажешь там, что уж никаких сил нету... Скоро ли они вернутся?..

Русаков боялся и рот раскрыть. Он шагнул через порог, ничего не видя, с глазами, полными слез.

Продолжение следует.

[1] Нарядная — помещение, в котором горняки перед спуском в шахту получают наряд — задание на смену.

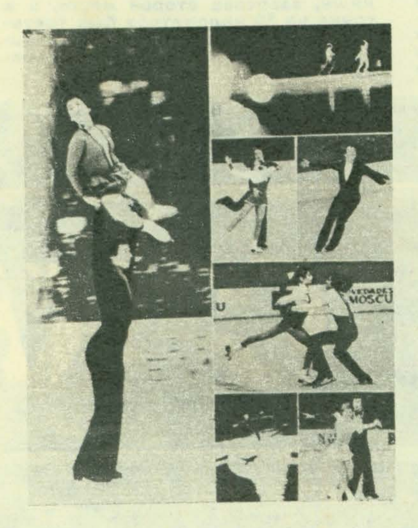
Владимир КОТОВ

За каждый чих!..

То тих и приветлив,
то в меру горяч,
дело свое зная туго,
у нас в коллективе
работает
рвач,
такой современный
хапуга.
Его нерадивым нельзя назвать,
руки работать умеют.
Но весь он томится:
а как бы
урвать?
А что он
«с того имеет»?
В любую погоду
такой мастак
зимою и летом встречает вас так...
— Наряд только выгодный мне!
И гляди!
А нет, так назад поворачивай,
Пальцем одним шевельну я —
плати,
другим шевельну —
доплачивай!
Ну, а бесплатно
не шевельну!
И не теряйте времени!
А если еще
я при этом
чихну,
платите мне
всякие премии!
Ты положи мне на грош
пятак
или же рупь
(для ясности).
Мало ль, что я это
«должен и так»!
Мало ль, что
«входит в обязанности»!
А разговорчики я не люблю.
Ворчишь — я и в ус не дую!
Может быть, я
на машину коплю,
может быть,
на гру-зо-вую?
Ну, а машине же надо ж гараж;
а в машину же надо ж поклажу...
Главное, ты, брат, меня уважь,
тогда и тебя я уважу!
И прямо тебе говорю, так и так,
и не стыжусь, ах, прости, мол!
А для чего же,
скажи, земляк,
у нас «матерьяльный стимул»?
Ты хорошо мне —
и я хорош,
остальное все — дело десятое.
Из своего, что ль, кармана
берешь?
Государство! Оно, брат, богатое!
Ты скажешь, что рвач я, что я
нахал
и где ж моя «совесть рабочая»?
А я, брат, на это
тоже
чихал!
Как на завод
и все прочее!
Ну, хватит!
Конечно же, прочь от таких,
не подавая руку.
Чихает!
Поди, и за этот чих
сдерет с вас,
как за «услугу»!..
То тих и приветлив,
то в меру горяч,
дело свое зная туго,
ходит, стреляя глазками,
рвач,
такой современный хапуга.
Растет государство в труде и
борьбе,
шагают рабочие смены...
А этот
хочет
только
с е б е,
и хочет без всякой меры!
Немало проблем неотложных
у нас
внимания ждут по праву,
но тот,
кто в личной наживе погряз,
позорит не только себя
и нас,
позорит
весь наш рабочий класс,
честь его,
имя
и славу!

КАК ДЕЛА НА ЛЬДУ?

Сезон фигурного катания в полном разгаре. Прошли первые международные соревнования, позади чемпионат страны, не за горами чемпионат Европы в Дании и первенство мира в США. Как же выглядит сборная команда страны образца 1975 года! Какие коррективы вносит в нее сезон! Что нового произошло в фигурном катании за последнее время! На эти вопросы нашего корреспондента отвечает заместитель председателя Всесоюзной федерации фигурного катания, главный судья чемпионата страны Борис Алексеевич Анохин.

Нынешний сезон держится на трех китах — Киеве, Копенгагене и Колорадо-Спрингсе. Конечно, все эти три «К» взаимосвязаны: от выступлений наших спортсменов на чемпионате страны зависел состав команды на первенстве Европы, а исход борьбы в Копенгагене многое решит в подготовке встречи с сильнейшими фигуристами мира.

Такая взаимосвязь обычна и все же неизменно держит в напряжении и спортсменов, и их тренеров, и все более многочисленных поклонников фигурного катания. Вопросам нет числа. В какой форме наша прославленная пара Ирина Роднина и Александр Зайцев? Кто сменит на посту вице-чемпионов Европы и мира Людмилу Смирнову и Алексея Уланова? Что внес нового в одиночное катание Юрий Овчинников? Что готовят англичане, некогда законодатели стиля танцев на льду, нашей прославленной паре — Людмиле Пахомовой и Александру Горшкову? Наступил ли перелом в отечественном женском одиночном катании?

Ну что же, в Киеве любопытство наших дотошных болельщиков, если не полностью, все же во многом было удовлетворено.

Думаю, что самые строгие ценители согласятся со мной, если я скажу, что на чемпионате страны Ирина Роднина и Александр Зайцев порадовали нас дальнейшим ростом своего искусства. Безупречная техника всегда отличала эту пару, а теперь мы смогли увидеть, что, сохранив искрометный темп, безошибочное мастерство катания, Роднина и Зайцев повысили артистизм исполнения. Видимо, сочетание почерков двух их тренеров — прежнего — Станислава Жука и нынешнего — Татьяны Тарасовой — очень помогло им при создании новой произвольной программы.

Мы считаем, что наша лучшая пара готова к предстоящим ответственным выступлениям за рубежом. Но нас тревожат ближайшие тылы Родниной и Зайцева. После ухода из спорта Смирновой и Уланова увеличился разрыв в мастерстве между первой и следующими за ней парами. Надежда Горшкова и Евгений Шеваловский, Марина Леонидова и Владимир Боголюбов — пары очень перспективные, но пока их опыт еще невелик, и им нелегко придется в борьбе со спортсменами ГДР, Канады, ФРГ.

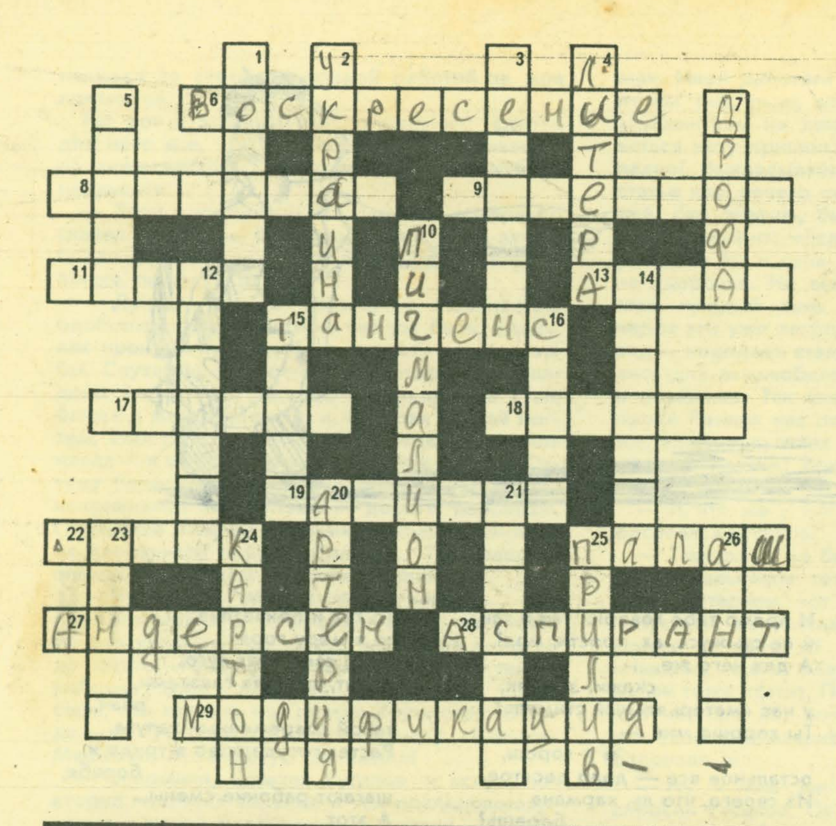
Ну, а какова расстановка сил в танцевальных парах? Ведь танцы на льду, всегда вызывавшие огромный интерес, теперь включены в олимпийскую программу. Какие сюрпризы ждут наших танцоров в Инсбруке? Ведь в ожидании олимпийского дебюта находимся не только мы. Так, например, наблюдается оживление у английских танцоров. Они не скрывают того, что намерены сделать все возможное, чтобы снова выйти на авансцену. Но пока Пахомова и Горшков по-прежнему являются, бесспорно, сильнейшей парой мира и не скрывают своих честолюбивых замыслов. В Киеве они продемонстрировали прекрасную новую программу.

Следует отметить, что в отличие от парного катания в танцах на льду тылы лидеров надежно укреплены. Елена Чайковская сумела прекрасно подготовить к сезону не только своих первых учеников, но и вторую пару — Наталию Линичук и Геннадия Карпоносова. В хорошей форме и питомцы Татьяны Тарасовой — Ирина Моисеева и Андрей Миненков.

Последние годы мы много говорили о загадочном отставании нашего одиночного женского катания. Увы, это отставание пока преодолеть не удалось. Думаю, что одна из главных причин заключается в том, что молодые, подающие надежды фигуристки стремятся в парное катание. Но ведь парное катание также соблазнительно и для фигуристов, однако у нас сейчас определилось прекрасное трио — Юрий Овчинников, Сергей Волков, Владимир Ковалев. Победа Овчинникова в Киеве стала поистине сенсацией чемпионата: впервые этот двадцатидвухлетний ленинградец, ученик Алексея Мишина, завоевал большую золотую медаль.

Многие любители фигурного катания еще в прошлом году обратили внимание на гибкого, артистичного фигуриста. Его манера так же своеобразна, как стиль одного из самых лучших фигуристов мира, канадца Толлера Крэнстона. И так же, как и Крэнстон, Овчинников проигрывал соперникам в обязательной программе, однако в нынешнем году молодой ленинградец выступает значительно ровнее, и это позволило ему добиться победы над такими серьезными соперниками, как Волков и Ковалев. Юрий Овчинников, все еще уступая Волкову в обязательной программе, покорил всех своим произвольным катанием, и я думаю, что он теперь может рассчитывать на самый высокий успех...

Наши сильнейшие фигуристы проверили свои силы в Киеве и готовы к встрече с лучшими мастерами фигурного катания на чемпионатах Европы и мира.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Роман Л. Н. Толстого. 8. Овощ. 9. Спутник планеты Сатурн. 11. Спортивный снаряд. 13. Гуцульский танец. 15. Тригонометрическая функция. 17. Лиственное дерево. 18. Административный центр во Франции. 19. Русский историк. 22. Рыба семейства окуневых. 25. Холодное оружие. 27. Датский писатель, сказочник. 28. Человек, готовящийся к научной деятельности в высшем учебном заведении. 29. Видоизменение.

По вертикали:

1. Австрийский композитор. 2. Союзная республика. 3. Духовой инструмент. 4. Рельефное изображение печатного знака. 5. Штат в США. 7. Степная птица. 10. Пьеса Шоу. 12. Город в Чехословакии. 14. Орнаментальный мотив. 15. Незаконченная поэма А. С. Пушкина. 16. Советский живописец и график. 20. Кровеносный сосуд. 21. Приток Волги. 23. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 24. Толстая бумага. 25. Периодический подъем уровня океана. 26. Порт в Нидерландах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 4. Домкрат. 7. Тире. 8. Трал. 10. Картахена. 12. Панова. 14. Творог. 16. Полигон. 18. Планерское. 19. Кордильеры. 21. «Тачанка». 22. Ювенал. 24. Онегин. 25. Альбатрос. 26. Уток. 28. Осип. 29. Вельбот.

По вертикали: 1. Декламация. 2. Фойе. 3. Ватт. 5. Шилка. 6. Рабат. 9. Фармацевт. 11. «Возмездие». 13. Витрина. 15. Ванилин. 16. Пакет. 17. Нерпа. 20. Катапульта. 23. Лапта. 24. Осмий. 27. Крем. 28. «Обоз».

На первой странице обложки: Лидер советского ледокольного флота атомоход «Арктика» закончил ходовые испытания. Капитан атомохода Ю. С. Кучиев.

Пост управления атомного сердца корабля.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Фигуристы начали сезон. На снимках: Ирина Роднина и Александр Зайцев; на льду московского Дворца спорта; Лидия Караваева и Вячеслав Жигалин; Толлер Крэнстон (Канада); Катя и Кнут Шуберт (ГДР); Сергей Волков; Людмила Пахомова и Александр Горшков.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/I — 1975 г. А 00507. Подписано к печ. 28/I — 1975 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 276.
Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 34.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

С КА

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Есть несколько мест на земле, которые навсегда связаны с лыжами,— норвежский Холменколлен, шведский Фалун, финское Лахти, ну и, конечно, наше Кавголово.

На трассах этих всемирно известных лыжных заповедников выступают сильнейшие гонщики мира. Здесь обычно проходят смотрины молодых, проверяются силы перед белыми Олимпиадами и очередными чемпионатами мира. В Фалуне впервые прозвучало имя Владимира Кузина, а в Холменколлене мы познакомились с молодым Вячеславом Ведениным. В Лахти укрепил свою славу Павел Колчин, неоднократный призер крупнейших соревнований, а в Кавголово четыре года назад вышел на большую лыжню Юрий Скобов, завоевав первенство в тридцатикилометровой гонке.

И вот снова с высоты Кавголовских холмов окидываем мы взглядом большую международную лыжню. На восьмых по счету международных Кавголовских играх встретились сильнейшие гонщики Финляндии, Норвегии, Швеции, ГДР, Польши, Чехословакии, ФРГ и СССР. А мы, журналисты, смогли после не очень удачного выступления нашей мужской команды на чемпионате мира 1974 года в Фалуне проверить, как идет подготовка к предстоящим олимпийским стартам в Зефельде...

В Фалуне после серьезной травмы не смог принять участия двукратный олимпийский чемпион Вячеслав Веденин, и наша мужская команда, оказавшись без лидера, не привезла домой ни одной золотой медали. Конечно, не сразу в таком спорте, как лыжный, молодые гонщики могут рассчитывать на успех, и Вячеслав Веденин, начав свой путь на чемпионате мира 1966 года, так и не пробился в ряды призеров. Лишь спустя два года на белой Олимпиаде в Гренобле он добился своей первой призовой медали, завоевав в гонке на 50 километров второе место, и уже затем на чемпионате мира в Штребске-Плесо и на Олимпиаде в Саппоро достиг чемпионских вершин. И вот когда тяжелая травма ноги вывела его из строя, мы убедились, что замены в команде ему нет. Но почему? Ведь в Саппоро вместе с Ведениным выступали такие сильные и опытные гонщики, как Владимир Воронков, Федор Симашев и Юрий Скобов. Все они вместе с Ведениным завоевали золотые олимпийские медали в эстафете, а Симашев был вторым в гонке на пятнадцать километров. Почему же спустя два года Федор Симашев не смог взять на себя роль лидера в Фалуне? На чемпионате мира он выступил очень неудачно. Не проявил своих недюжинных способностей и Юрий Скобов (10-е место в гонке на 15 и 19-е место на 30 километров), а Владимир Воронков вообще не стартовал.

Вспоминаю, как тогда в Фалуне мы, журналисты, задавали себе все тот же вопрос: почему так быстро перегорают наши сильнейшие гонщики? И вот теперь в Кавголово, снова встретившись с ними, мы смогли продолжить размышления на эту тему.

В самом деле, что происходит, к примеру, с Юрием Скобовым? Куда девались его силы? Почему он не оправдывает возлагавшихся на него надежд? Двадцатое место занял в Кавголово Юрий Скобов в гонке на 15 километров, а победил в этой гонке норвежец Оддвар Бро, который дважды проигрывал Скобову на юношеских чемпионатах мира. Норвежец и в Фалуне показал значительно лучшие результаты, чем Скобов, и после чемпионата мира уверенно занял место в сборной своей страны, в то время как Скобов вряд ли может теперь на это претендовать.

Не обрадовал нас на Кавголовских играх и Федор Симашев. Никак не может обрести боевую форму этот отличный гонщик. А Владимир Воронков? Еще недавно тридцатилетний гонщик был непременным членом сборной команды страны, а в Кавголово он даже не выступал в группе сильнейших, и результат его был далеко не из лучших — двенадцатое место.

Вячеслав Веденин в этом сезоне снова вернулся на лыжню. Он неплохо выступил на международной гонке в Осло и попробовал свои силы в Кавголово, но на роль лидера пока претендовать не может. Кто же заменит его? В Кавголово мы получили ответ и на этот вопрос. Пока в нашей команде сильнейшим является двадцатитрехлетний гонщик из Сыктывкара Василий Рочев. Своего первого международного успеха он добился на чемпионате мира 1974 года. Тогда, в Фалуне, наблюдая за Рочевым, я невольно вспомнил молодость Веденина. Молодой гонщик из Сыктывкара завоевал в Фалуне бронзовую медаль на дистанции 15 километров и был пятым в гонке на 50 километров, а Веденин в Холменколлене почти до финиша лидировал в гонке на 50 километров и был шестым. После Норвегии Веденин побеждал на многих соревнованиях, и Рочев прошлой зимой и в нынешнем сезоне почти не знает поражений. Вот и в Кавголово он выиграл гонку на 30 километров и занял 3-е место на дистанции 15 километров.

В гонке на 15 километров, кроме норвежца Бро, главным противником Рочева оказался двадцатилетний гонщик из Ленинграда Евгений Беляев, только нынешней зимой впервые испытавший свои силы в борьбе с мужчинами. Беляев обогнал Рочева на самом финише, завоевав второе место, а в гонке на 30 километров был третьим после своего ровесника Анатолия Шмигуна. Прекрасный результат!

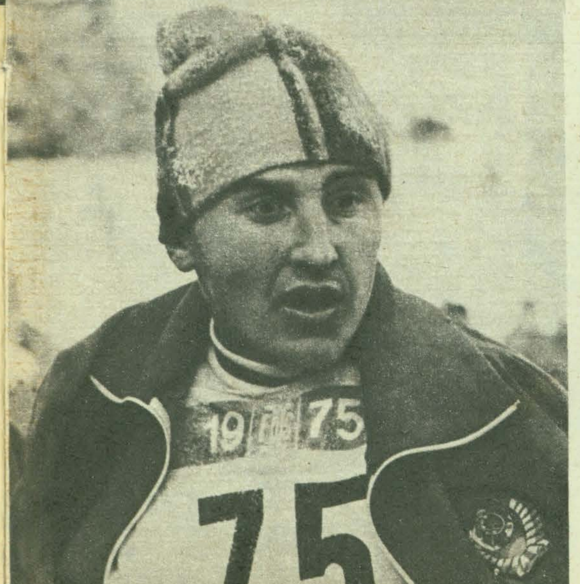
Появление на лыжне Евгения Беляева не может не радовать, тем более что он не одинок. В Кавголово подтвердили свою силу его ровесники Сергей Савельев, Николай Бажуков, Анатолий Шмигун. Причем в гонке на 15 километров три наших молодых гонщика, Беляев, Рочев и Савельев, обошли одного из сильнейших гонщиков мира — финна Юху Мието.

Гонки в Кавголово показали, что на лыжню выходит сейчас большая группа способной молодежи. Они имеют все шансы достичь самых больших высот, стать подлинными наследниками Вячеслава Веденина, и они это доказали на следующих гонках — в Бакуриани.

Василий Рочев обходит Евгения Беляева.

ВГОЛОВСКИХ ВЫСОТ

Молодой лидер Василий Рочев.

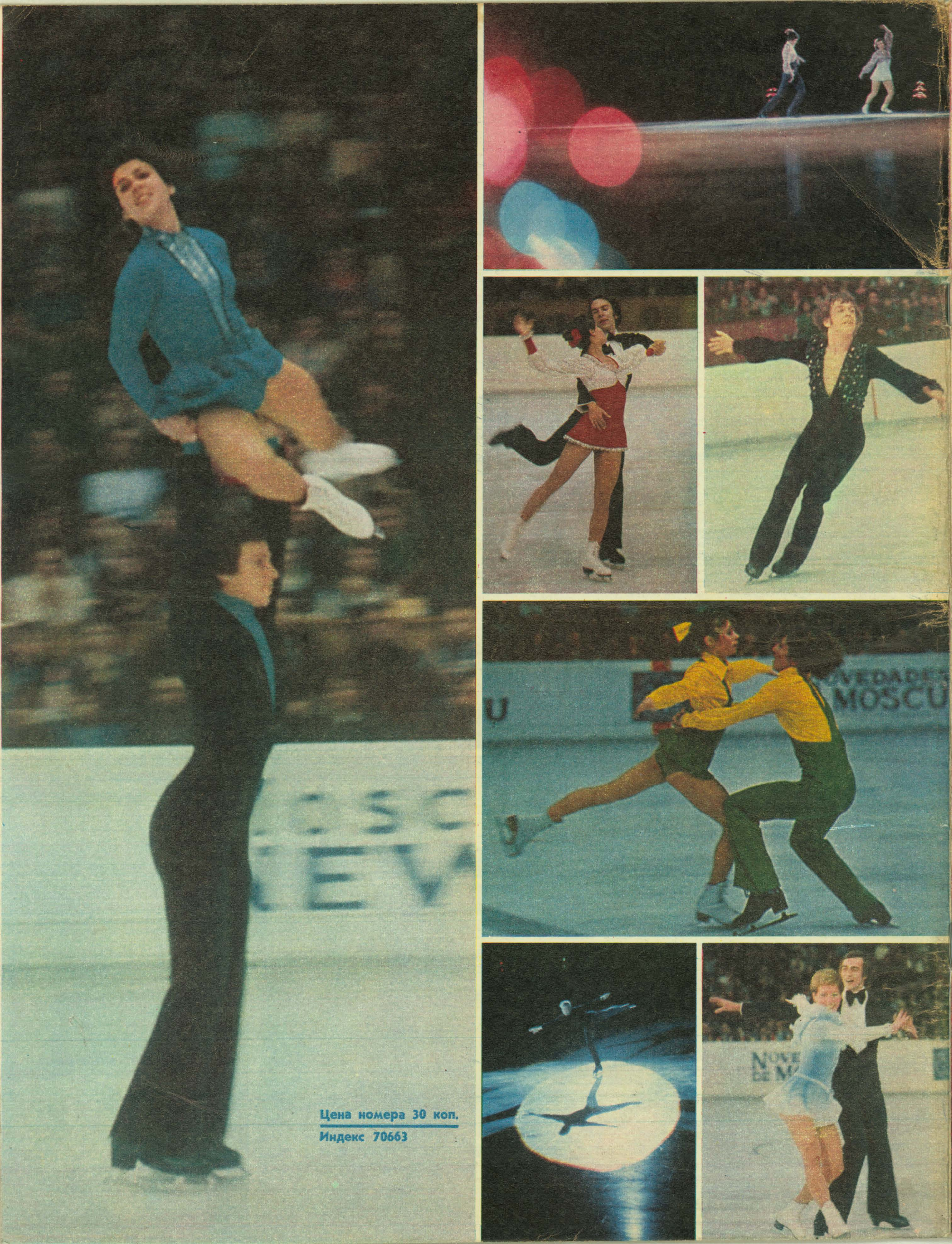

Норвежский гонщик Оддвар Бро на 15-километровой дистанции.

Новый член сборной страны Анатолий Шмигун.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663